

Содержание

ПРОЗА

Владимир Бутенко	
Честь дороже славы	3
Владимир Маляров	
Рассказы	153
Олег Солдатов	
Парус манит ветер. Повесть.....	193

ПОЭЗИЯ

Елена Иванова	
Стихотворения.....	103
Михаил Василенко	
Стихотворения.....	109
Валентина Нарыжная	
Стихотворения.....	143
Виктор Шинковский	
Стихотворения.....	147

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Сергей Дмитриев	
Последний год Грибоедова	115
Иван Подсвилов	
«Красное вино победы» Евгения Носова	297

КРАЕВЕДЕНИЕ

Роман Нутрихин	
Духовные искания чиновника Лодыженского.....	257
Алексей Кругов	
Олег Парфенов	
Ставропольское эхо Октябрьской революции	283

Сведения об авторах	310
---------------------------	-----

Литературное

Ставрополье

№ 4_

(2017)

Главный редактор **В.Бутенко**

© Правительство
Ставропольского края

ББК 84 (2 Рос = Рус) 6
УДК 821.161.(470.630)8
Л 64

Редакционная коллегия:

**И. Аксенов, Н. Блохин, Е. Гончарова, А. Куприн,
Е. Полумискова, С. Скрипаль, О. Страшкова,
Т. Третьякова-Суханова**

Л 64 Литературное Ставрополье. Альманах. –
Ставрополь. 2017 г. № 4.

Адрес редакции:

355006, г. Ставрополь, пр. К. Маркса, 78.

Тел.: (8652) 263150

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Технический редактор: А.А.Рудометова

Дизайн, верстка: К.А. Поповян

Сдано в набор 19.10.2017. Подписано в печать 07.11.2017.

Формат 130x200 84x108/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура «Georgia». Усл. печ. л. 10,0. Уч.изд. л. 10,6.

Заказ № 6333 Тираж 979 экз.

ООО «Алатырь» Россия, 115114, г. Москва,

2й Кожевнический переулок, дом 1

ISBN 9785906930477

Честь дороже славы

Роман¹

Часть 1

1

Обильной снегами и на лихо студеной выдалась в предгорьях Кавказа зима одна тысяча семьсот семьдесят девятого года. Со святок и до самого Сретенья кружились, точно ведьмы на шабаше, одичалые басурманские вьюги. Великая степь и долины, придавленные тучными сугробами, цепенели в глухом безлюдье. Зато вольготней стало волкам, – их косяки подбирались к заметным валам крепостей, за много верст чуя запах варившегося в котлах мяса и дух лошадей. Временами линейцы устраивали на них облавы, разя ружейными выстрелами и отпугивая в дальние урочища. Но сгущалась тьма – и вновь окрестность будоражили бирючьи трубы, перекликаясь с завыванием бурана. От этого тяготила души неизбывная тревога, и невольно прислушивались новопоселенцы к шорохам и шуму ветра: не крадется ли в ночи шайка гор-

**ВЛАДИМИР
БУТЕНКО**

ПРОЗА

1 Журнальный вариант

цев? На Линии такова доля: в любой час и минуту – жди нападения!

В Ставропольской крепости на зимних квартирах, наряду с драгунами Владимирского полка, стояла донская казачья команда. Затянувшаяся непогода надолго задерживала обозы, доставляющие сюда провиант и фураж. Службу тянули впроголодь (в минувшем декабре в крепости Святого Павла по этой причине взбунтовались солдаты). Еще тяжелей приходилось лошадям. И донцы, деля свой и без того скудный паек, подкармливали их, донельзя отощавших. А сами, находясь в дозорах, при первой возможности полевали зайцев, выслеживали в лесу кабанов и косуль. Эти трофеи в значительной мере выручали кухарей. От ароматной похлебки с дичиной, пшенкой и чесноком не отказывались даже армейские полковники.

В подгорье, с восточной стороны крепости, обособилась за палисадом, – высоким забором из бревен с заостренными концами, – новоявленная станция хопёрских казаков. Минувшей осенью, с приездом семей, частично завершилось их принудительное переселение. Там, в далеких родных местах, остались слободские хаты, уголья, отчие могилы. А здесь – безвестность, неустроенность и гибельная доля. Только есаулы да несколько расторопных удальцов успели загодя поставить избенки, в которых способно топить по-черному. Хотя и не велики они и сделаны на живую руку, но присадисты и кое-как удерживают тепло. Впрочем, командир полка Устинов своих домочадцев везти не торопился. Сопроводил сюда переселенческий обоз, откомандовал бабьим войском, покрутился малость в крепости и махнул аж в столицу добиваться для земляков привилегий. Да верилось в это с трудом. Всем было ведомо, сколь падок Конон Устинов на собственную выгоду.

Тремя порядками, с проулками, разбиты казачьи усадьбы. Хаты маячат в разных концах, как шаляши, на бахче. У остальных переселенцев – жилища под землей. Ладно бы служивые, – народец тертый, – но вместе с ними под накатом из бревен, прозябали жены, старики да малолетняя детвора. Отправляясь сюда, тешили они надежду, что зима на юге будет нехолодной, как предыдущая. Ан бог не помиловал, – вслед за ранним снегом жажнули морозы, и сковала землю лютовень. Недаром молвят: мерзлой роже да метель в глаза...

Казачья преимущественно находилась в крепости, несли поставую службу вдоль дорог, были в дозорах или охраняли почтовых гонцов. А семь дней и ночи коротали в подземельях, при дрожащем огоньке лучины. Благо, дождалась прошлым летом урожая, прежде чем ехать на чужбину. Питались из привезенных запасов. На свет божий выходили по необходимости. Спускались в хозяйственные землянки, где ютились скот, задавали коровам и овцам сенца или рубленой тыквы. Через единственные станичные ворота, обращенные к крепости, по лесной просеке пробирались к роднику за водой, в затишке жгли костры, стряпая щи или зерновую кашу. Лишь казачат-непосед ничто не могло удержать! Едва утихала пурга, и проблескивало сквозь тучи солнце, – они высыпали из станицы на берег Ташлы. Кубарем скатывались с горок, играли в чалку, натирали друг друга снегом, разбегались и скользили по плешинам голого, вылизанного ветром льда. Веселые крики далеко разносились в разреженном воздухе! Иногда самые смелые из них приближались к крепостным воротам и просили у караульных «чого-небудь покуштувыты». Надоедливых попрошайек прогоняли, но и бывало, что сердобольный солдатик одаривал куском воблы или твердой, как голыш, репой.

Леонтий Ремезов с полувзводом казаков возвращался с охоты. Кроя предзакатное небо бронзой, поджимал мороз. Озябшие, но всё еще в озорном запале, донцы обсуждали гульбу, подтрунивали друг над другом. Как-никак, а добыли полдюжины русаков. Завидев конников, навстречу помчался от станичного палисада мальчуган. Тулуп со взрослого плеча, нахлобученный на глаза трех и огромные валенки мешали ему бежать. Длинные рукава болтались туда-сюда, точно на пугале. Но сорванец, выскочив на середину дороги, замер столбиком.

– Дядьку, ради бозиньки дайтэ мэни хлибця або сухарыкив! Дуже исты хочу! – громко завел он срывающимся голоском, глядя из-под потертой шапки на едущего впереди Леонтия.

– Геть с дороги, балахманный! – гаркнул кто-то из казаков. – Стопчем!

Казачонок, выпростал из рукава правую руку и – ни с места. Видно, голод осилил все страхи. Казаки поневоле стали осаживать дончаков, взметая снежную пыль. Леонтий придержал Айдана, ощутив подкатившую к сердцу жалость к этому кареглазому хлопчику, напомнившему сына. Похоже, неспроста у дороги христарадничает. Пока Леонтий отвязывал притороченного к седлу зайца, Фирс Колосков, первый во взводе песельник и балагур, не преминул позубоскалить:

– А ну, гутарь: ты чейный? Папкин али мамкин? – нарочито строго расспрашивал он. – А по имени?

– Парфён.

– Здорово дневал! Так это ты, Парфён, сорвал паслён? Съел молчком и стал сморчком?

Мальчишка, от растерянности не найдя слов, отрицательно мотнул головой.

– Эгей! Сухарей просишь, а у самого ни языка, ни зубов.

Желая разубедить бородатого дядьку, пострел широко открыл рот и показал щербатый ряд верхних зубов. Казаки засмеялись. А Леонтий бросил ему под ноги русака и дружески сказал:

– Забирай – и бегом к мамке!

Парфен жалобно возразил:

– Я с дидом... А нэнька ще у том роки вмэрла...

И, подхватив увесистую тушку, взрывая валенками снежную целину, пустился восвояси. Донцы тронули лошадей. Надеюсь поохотиться на окраине леса, они не стали подниматься к воротам крепости, расположенным в двухстах саженях от станицы, а двинулись прямо. Проторенная между деревьями тропа вывела их к южной фронтальной стене, где находились главные ворота. Тут и догнал их санный караван. Гиканье всадников и перебор копыт по стылой дороге заставил донцов посторониться. В крепость направлялся, без сомнения, скорым поспешением некий высокий чин. Но разглядеть, кто он и какого звания, было невозможно: трое крытых саней-разлетаек, вслед за смешанным полуэскадроном промчался вихрем. Замыкал эту оказию усиленный взвод казаков. Среди них Леонтий неожиданно узнал Касьяна Нартова, и окликнул его:

– Здорово дневал, черкасня!

Станичный приятель, в тулупе и лохматой бараньей шапке, приостанавливая свою заиндеветшую лошадь, затеплил растерянную улыбку.

– Спаси Христе! Жив-здоров?

– Зимуем. А ты давно с Дону? Про моих не слыхал?

Касьян, видимо, таивший обиду на тетку Устинью, что не приняла его сватов, присмотрев дочери жениха богатого, ответил скупо:

– Не довелось. Я тута с полком с той Троицы. Вот зараз посланца царицы охраняем, генерал-поручика. Передадим вам и – восвояси. Чудной дедок! Через

вал с офицерами лазил... Должно, и ваших не пожалеет! – усмехнулся приятель и, напрягая голос, торопливо пригласил. – Будет резон, – наезжай в Александровскую!

Он хотел еще что-то добавить, но гнедая пустилась вскачь, и ему поневоле пришлось отвернуться, взять стремена.

Леонтий застал сотню в походном сборе. Есаул Тузлов, чернобородый, могучий казачина, в войлочном азяме, перехваченном красным кушаком, криками поторапливая казаков, седлающих лошадей, наблюдал за построением колонны. Увидев подоспевших гулебщиков, он отчитал их за долгое отсутствие, а Леонтию, который понял, что сотня выступает, приказал проверить у подчиненных оружие и обеспеченность боеприпасами. С этим всё было исправно, но обмундирование для зимы не годилось. Казаки были одеты, кто во что попало, далеко не все имели рукавицы. На морозе ладони деревенели. Удила и кольца сбруи болезненно прилипали к коже, – и стоило усилий, чтобы в этот час справиться с привычным делом. Да и дончаки, почуяв дорогу, на морозе переступали ногами и приплясывали. Леонтий, с каждой минутой коченея все сильнее, ощущал, как мученически дрожал его верный конь.

Уже стало смеркаться, когда к колонне примчались верхом на лошадях, оторвавшись от свиты адъютантов, полковник Шульц, командир драгунского полка, и маленький господин в треуголке и волчьей шубейке. Это был, как догадался Леонтий, посланник царицы. Но простые валенки на ногах и суконные штаны придавали высокому чину вид отнюдь не военный, да и лицом, узким и востроносым, он напоминал, пожалуй, лекаря. Однако при его приближении есаул Тузлов, гроза черкесов, почему-то беспокойно заерзал в седле.

– Здорово, донцы-удальцы! – энергичной скороговоркой обратился приезжий чин. – Господь бог в помощь! Я – Суворов.

Сотня дружно и бодро, как требовал устав, пожелала здравия его превосходительству. Меж тем этот бойкий человечек пустил длинногривую калмыцкую лошадку вдоль колонны, оставив позади себя сопровождающих. Леонтий издали поймал взгляд генерала, – цепкий и прохватывающий – и невольно подобрался. По свободной посадке и по тому, как чутко подчинялась вороная рукам этого молодцеватого старичка, угадывался в нем лихой кавалерист. Суворов осадил лошадь метрах в пяти, напротив Мирона Бузликаина, одного из казаков, вернувшихся с охоты.

– Гляжу, к седлу «косого» приладил. Сам добывал?

– Всей ватагой, ваше превосходительство.

– Зело похвально. Кто командир?

– Я! Сотник Ремезов! – отчеканил Леонтий.

– Пример для иных. Пнем сидеть – мхом обрастешь. Бездействие – смерть. А полевая забава глазомер вострит.

Полководец, чуть закинув голову набок, помчался дальше. Леонтий не сводил с него глаз, вспомнив рассказ отца о прусской войне, о храбром подполковнике Суворове, водившем казаков по вражеским тылам. Однажды с казачьей сотней они взяли прусский пикет, а поспешивший на выручку отряд вражеских гусар погнались вспять, преследуя до самой ставки короля Фридриха...

Между тем, объехав колонну, генерал-поручик круто развернул коня. За ним последовали Шульц и Тузлов. Суворов остановился во фронт колонне.

– Братцы-казаки! – звонким тенорком обратился он. – Послан я государыней проверить Линию. На Кубани тихо, и край ваш не в огне. Да любого врага злей – Мороз Красный Нос. С умом – и он не страшен. Ту-

лупы рядом рыщут. Знаю, бедны вы хлебом и фуражом. Обозы из Астрахани поспешают. Провиантмейстер депешу прислал, – Суворов помолчал и оживился. – Много знаком я с вашим братом. Пруссаков вместе били! Храбрости у донцов на миллион, а дисциплины – на алтын. Это – хищникам козырь! Сила богатыря – неустрашимость, быстрота и натиск. Покамест пуля летит, штык-молодец уже ударит. И пика – его верная подруга! От своеволия вред товарищам и войску. Узда – у командира. Мощь воинства не во многом числе оного, но от содержания его в порядке и в научении. Коль крепок телом – и дух здоров, сердце в отваге. Мирное время приуготовлению к войне отпущено. О том и во сне помни. Не уставайте молиться... Да хранит Господь святую Русь и вас, удальцы. Ура!

Вдоль колонны прокатилось троекратное «ура», а Суворов пустил свою лошадь под горку, туда, где у казармы в каре были также построены драгуны.

Поздним вечером Леонтия вызвали в комендантский штаб. Полковник Шульц (видимо, по согласованию с есаулом) приказал ему с казачьим взводом поступить в подчинение ротмистра Рубина, командира охраны Суворова.

Ротмистр, на везенье, также оказался в штабе. В мундире тонкого синего сукна, в отливающем золотым шитьем доломане, ладно сложенный, он выглядел бы щеголем, если б не меховые сапоги на ногах и красный теплый кушак, завязанный на поясе. Черно-волосый, с кудлатыми бакенбардами, гусар при первом знакомстве оставлял не совсем приятное впечатление: недоверчиво тарачил глаза, говорил резко и в нос. Но, перебросившись с Леонтием двумя-тремя фразами, смягчился, стал держаться запанибрата. А выведав, что сотник участвовал в калалинской виктории и ранен в стычке с хищниками, предложил перейти на «ты».

– Холодина дьявольская! Черт бы побрал эту зимушку! От Астрахани скачем. Одна улада – кони лихие. И Суворов с нами. В сутки боле полусотни верст отмахиваем. Спина – колом. И ты, братец, уж не подведи! У каждого казака запасная лошадь должна быть сноровистой. А овса, сколько есть, весь берите!

– Когда выступаем? – осведомился Леонтий.

– Об этом ведомо, сударь, только богу. Их превосходительство, генерал-поручик, – личность оригинальная, решает в минуту. Завтра сюда на аудиенцию прибудет некий мурза или ногайский султан. Сам черт их не разберет!

2

Еще лет тридцать назад, когда юный Суворов поступил в Семеновский полк мушкетером, императорская армия представляла собой скопище разрозненных и разномастных формирований. Российское правительство охотно брало на службу иностранцев, в большинстве – немцев. Среди этих людей современники узнавали «камердинеров, купцов, учителей, переодетых российским штабом офицерами». В каждом полку царило самоуправство командира. Русский солдат ничего не значил, от него требовалось только автоматическое выполнение приказов. Более того, по воле тех же офицеров-самозванцев нормой армейского порядка были признаны муштра и издевательство. Генерал от инфантерии Хрущев с горечью сетовал, что «уборка волос и щегольское одеяние первым предметом поставлялось. Узкая одежда и принужденные фигуры изнуряли. Чтобы на марше не гнуть колена подвязывали лубки и, словом, так одевали, что ежели положить человека наземь, то никаким образом сам собою без помощи другого встать не может. А в некоторых полках был сделан такой станок, в котором, чтобы прям был солдат, на несколько часов по-

ставя, винтом завинчивали; когда на караул должно идти роте, то за сутки начнут убирать волосы и, убравши, люди не могут спать иначе, как сидя». А вот указание в уставе о конной экзерциции: «Каждому кирасиру и карабинеру надлежит как возможно стараться усы отращивать, которые б всегда в строях и караулах вверх подчесаны были; у кого же по молодым летам натуральных усов еще нет или от природы пустобород, то употреблять таким образом накладные».

Сверх всего, об истинной службе не ведали сами офицеры. Большинство из них были необразованны. С подчиненными обращались жестоко. Исправным командиром считался лишь тот, кто наказывал служивых. Палка была в таком употреблении, что, по словам современников, не проходило часа, чтобы не учинялись экзекуции. Невероятно, но многие офицеры не только не знали устава, азов строевой службы, но и были безграмотны. За них подписывались адъютанты!

В отличие от гвардии, где служила знать и дворяне, в армии офицеры влачили постоянную бедность. Екатерина Великая первой обратила внимание на их положение. Создав военную коллегию (в нее был включен и отец Суворова, Василий Иванович, бригадир), она направила туда строгое послание: «Слышно нам, якобы в полках армейских многие обер-офицеры, не имеющего собственного достатка, а содержащие себя одним только жалованьем, такую претерпевают нужду и бедность, что для вседневной пищи иные рады были бы иметь место в обществе артелей солдатских».

В этом, бесспорно, были повинны полковые командиры, ради своих выгод делающие вычеты из жалованья подчиненных, по существу, превращая их в прислужников. Переводы из одного полка в другой также зависели от командиров. Офицеров бездумно

бросали из пехоты в кавалерию, из кавалерии в артиллерию и обратно, – для «авантажа и скорейшего произвождения». А те из них, кто имел протекцию, под предлогом командировок распускались по домам, жили в своих имениях. Один из свидетелей запальчиво утверждал: «Офицеры находились в рабстве, полковники – в гордости и славолюбии, а все вместе в совершенном невежестве и в незнании существа службы»

В такой императорской армии начинал службу Александр Васильевич Суворов.

Он жил в казармах вместе с солдатами, из одного котла черпал с ними кашу, вел беседы у бивачных костров. Сын офицера, один из самых начитанных и образованных людей своего века, он рано понял, что изучение солдатского быта и понятий простолюдинов, их душ дает бесценные знания. Именно от них взял Александр Васильевич манеру говорить кратко и сжато. Юный рядовой, затем капрал исподволь убеждался, что познание духовного начала роты есть основа для военачальника, мечтающего прославить свое имя.

В двадцать четыре года став поручиком, Суворов отправился в пехотный полк. Вскоре началась Семилетняя война, и его назначили комендантом города. В чине подполковника перевели дивизионным дежурным к генерал-аншефу Фермору.

С огромным запасом сил и знаний, приобретенных из книг мастеров военной науки, прибыл Суворов в действующую армию. И что же нашел там? Апатию, неустройство и хаос. Во главе армии в значительной мере стояли бездари, а лучшие генералы оставались в тени. В главной квартире царил беспорядок, мало кто разбирался в картах, сведений о неприятеле вообще не было. Командиры полков действовали, как вздумается. Находившиеся на боевых позициях, многие солдаты отвлекались для сбора продовольствия,

ухода за скотом, молотьбы хлеба, а в лагерях оставалась горстка служивых. Не хватало амуниции, обуви, одежды. Катастрофически не доставало оружия! В это трудно поверить, но нередко один полк совершал грабежи у другого, присваивая имущество и лошадей. При этом инспектора, контролирующие состояние армии, введенные еще инструкцией Петра Великого, бездействовали. Более всего поразило Суворова, что в императорской армии дисциплина была расшатана настолько, что ни о какой боеготовности и думать не пристало. Победы русских войск оплачивались жертвами бесстрашных солдат, детей родного Отечества...

Семилетняя война позволила раскрыть военный дар. Там, при штабе Фермора, и явил Суворов первые подвиги, свой особый стиль командования. Прежде всего, это скорость маневрирования, гибкая тактика ведения боя или целого сражения, умение сконцентрировать удар в определенном месте, разведка, жесткая дисциплина. Начиная с Кунерсдорфского сражения, в котором он возглавлял штаб, с командования кавалерийскими и казачьими полками в Силезии, где совершал рейды с казаками по тылам неприятеля, подполковник обнаружил такую отвагу, смекалку и умелость, что обратил на себя внимание командующего Бутурлина. Нечто новое входило в устоявшийся порядок русской армии. Представляя к награде герцога, он писал императрице, что «Суворов себя перед прочими гораздо отличил». А отцу его, генералу, не преминул добавить, что сын «у всех командиров особливую приобрел любовь и похвалу».

Екатерининский век вывел его на великий ратный путь. Ветер дул в паруса одержимого и безоглядного военачальника! Служба забросила Суворова в Польшу, где шляхетская Конфедерация подленько боролась против короля Станислава и России при поддержке иностранцев. Именно здесь и приступил он к

осуществлению своей системы выучки войск, доказал истинность своей «науки побеждать». Виктории над конфедератами следовали одна за другой. Был разгромлен знаменитый французский генерал Дюмурье; с отрядом из девятистот человек Суворов наголову разбил пятитысячный корпус гетмана Огинского. Слава об удивительном вершителе побед докатилась до столицы. Восхищенная императрица произвела его в генералы и наградила орденом Святого Георгия 3-й степени, самой почетной наградой державы.

Неизменный успех сопровождал Суворову и на турецкой войне. Дважды брал он крепость Туртукай, от обороны города Гирсово перешел в наступление и уничтожил османов, втрое превышающих по численности его силы. Благодаря стремительному броску у Козлуджи, его корпус захватил высоту в тылу турецкого лагеря. Это и привело к полному краху войск сераскира Абдул Резака. Тотчас Порты, ее султан, запросили у российской императрицы мира...

Два года назад он получил назначение в Крым, где возглавил расположенные там войска. Благо, и семья была неподалеку, в Полтаве. К прежним обязанностям вскоре прибавилось командование Кубанским корпусом. К тому же, рескриптом императрицы было поручено управление политическими делами на Кубани. Не в открытых сражениях, а в скоротечных боях проходило отражать ненавистников России, – крымчаков, закубанцев, отряды ногайцев и черкесов. По большей части, не воевать приходилось Суворову, а мирить племена и орды, подносить щедрые подарки и писать ласковые письма отъявленным башибузукам. Политика не была мила его душе, выматывала силы. Жалобы на Суворова сыпались со всех сторон: крымский хан Шагин-Гирей возненавидел его за переселение с полуострова христиан, которые приносили львиную долю от своих налогов, генерал Райзер,

своевольный и мстительный, обвинял его в доносах за излишнюю лояльность к магометанам.

Нелады с фельдмаршалом Румянцевым, сварливым и ограниченным воякой, побудили просить о переводе в другое место. Но глава военной коллегии Турчанинов и Потемкин, всегда покровительствующий Суворову, почему-то медлили...

3

В пятом часу ночи Леонтий Ремезов вышел из здания офицерской казармы, где жил в одной комнатухе с сотником Куликовым. Необходимо было поднять казаков загодя, чтобы успели подготовиться к утреннему выступлению из крепости. Нещадно давил мороз. Прямо над головой висела тонкая скибка луны, а по краям аспидно-мглистого небосвода переливчато мерцали звездочки. Расчищенной дорогой миновав церквушку и гауптвахту, Леонтий зашагал вдоль комендантского, или – шефского, дома. Появившись из-за угла, его остановил караул из трех драгун.

– Стой! Кто идет? – сипло окликнул унтер-офицер в высокой форменной шапке, выступив вперед.

Ремезов представился.

– Не дозволено приближаться к строению ближе тридцати сажен! Тут генерал почивает.

Неожиданно от крыльца, наполовину скрытого за горбиной сугроба, донесся насмешливый возглас:

– Генерал петухов любит! И не спит, а богу уже помолился, да водой не облился...

И на каменистую площадку стремглав сбежал человек, в напахнутой на плечи шубейке. За ним метнулись рослый гусар и армейский офицер. Озадаченные драгуны и Леонтий замерли.

– Ваше превосходительство, не слишком ли холодно... – осторожно заметил офицер, палками держа

коченеющие руки. В лунном освещении Леонтий разглядел профиль этого странного чудака и – обомлел.

– Держи кацавейку! – прикрикнул Суворов, сбрасывая с себя верхнюю одежду и бросая ее на руки адъютанта. На нем осталась одна светлая рубаха. – А вы, соколы, почто рты разинули?! Стать в строй на гимнастику! Ружья наземь! Четвериком – за мной!

Он припустил по дорожке легко, с прискоком, вращая при этом обеими руками. На ходу оглянулся, язвительно бросил:

– Экие увальни! Шагу!

Бежать было неудобно, – мешали ножны, пристегнутые к поясу, и сумка с овсом, висевшая за плечом, но Леонтий, опередив драгунов, у соляного склада нагнал генерал-поручика, который замедлил шаг и повернул обратно. Сделав таким образом семь кругов, Суворов приступил к приседаниям. Этого потребовал и от служивых. После прыжков на месте, унимая учащенное дыхание, он окликнул Леонтия:

– Ты – проворник, вот и потри снежком спину, – и мигом стянул с себя рубаху. – Ты кто?

– Сотник Ремезов, ваше превосходительство!

– Так это ты гулебщиков водил?

– Так точно.

– Поглядим, какое почтение генералу окажешь...

Точно пудовые гири повесили Леонтию на руки. Со смешанным чувством озорства (оно, скорей всего, передалось от самого Суворова) и жалости он набрал пригоршню жесткого, как песок, снега и набросил его на костистую, узкую спину этого далеко не молодого мужчины. Суворов крикнул и рассмеялся.

– Наддай! До огня!

Зоркие глаза Леонтия, привыкнув к полумраку, различали выступы позвонков, впадинки между ребрами, шрам на правом боку. Но он черпал снег из сугроба и осыпал, натирал им, – точно медный котел, –

тщедушное тело генерал-поручика. От его задубелой кожи едва заметно поднимался парок...

– Шубу! – потребовал наконец Суворов. И, накинув ее на плечи, быстро зашагал впереди адъютанта и охранников к комендантскому дому. Леонтий, проводив его взглядом, вдруг обнаружил, что ладони приятно горят, точно держал их над костром...

Утром взвод казаков, состоящий в полной боевой готовности, отрядили для встречи необычных гостей. Сотнику Ремезову, знающему ногайскую речь, и штабс-капитану Вострякову было приказано выехать навстречу делегации от касайской орды. Под седым небом мороз сдавал, вились мелкие снежинки. Султанский гонец, предупредивший о приближении отряда, поскакал по следам своего коня в западную сторону. На окраине леса ожидали его многочисленные всадники. Суворовский адъютант и Леонтий, недалеко остановив казаков, подъехали к татарам. На плечах воинов были толстые бурки, а родовитая знать выглядела иначе. Дорогие азямы, отороченные мехом куницы, меховые шапки, со знаками отличия в виде металлических угольников и диадем, отделанное серебром оружие, породистые кони, – всё свидетельствовало о достатке и важности этих направляющихся в крепость персон. Трое, одетые наиболее броско, держались обособленно. Несмотря на теплую приветственную речь порученца Суворова, которую Леонтий перевел не без труда, иноверцы оставались подчеркнута сдержанны. Старший охранник представил Арслан-Гирея-султана, главу орды. Адъютант уведомил, что Суворов уже в крепости и готов принять его. Эти слова почему-то вызвали у Арслан-Гирея откровенное недовольство. Повременив, этот суровый и горделивый бородач, со смуглой желтизной кожи на лице, тронул своего иноходца, брякающего медными бляшками сбруи, и непреклонно объявил:

– Со мной поедут братья – Гаджи-Гирей и Мурат-Гирей. Это мое условие! Русский сераскер Суворов знает о них. Еще – мой толмач и десять воинов! Также я привез сюда ваших пленных и пригнал похищенных лошадей.

– Ворота крепости всегда открыты для вас, дражайший султан! – воскликнул Востриков, избегая недоразумений или пуще того конфликта, и развернул своего скакуна.

Под охраной казачьего взвода гости пожаловали в крепость. Оставив телохранителей на плацу, султаны, встреченные почетным артикулом дежуривших драгун, прошли в комендантский дом, где находился Суворов. Оттуда веяло запахами жареного мяса и неведомых кушаний. Заботу о касайских воинах принял на себя унтер-офицер комендантской команды, пригласив их в казарму «отведать каши», а скакунам распорядился задать овса. Леонтий, получив указания от штабс-капитана, передал шестерых пленных и девять возвращенных лошадей помощнику коменданта. Пленники одеты были, на удивленье, добротнo: теплые бурки, суконные штаны и валенные сапоги. Но вид у всех – изможденный, хотя они бодрились и не скрывали слез.

– Как же вас в полон взяли? – сочувственно спросил Леонтий у одного из них, дядьки, с густой рыжей бородой.

– От плена, господин хороший, не зарекайся... Мы так же думали, что завсегда отобьемся. А близ Всехсвятского фельдшанца, на кубанской стороне, прошлым летом стерегли табун, а эти аггелы подкрались. И вспашить не успели. Думал, смертынька пришла. В голоде и работах содержали... А тут, слышу, выкупают нас у ногаев... – торочил, еле шевеля поси-невшими губами, освобожденный из неволи солдат. –

Замерзли мы, братец казак, до костей. Дозволь в казарме погреться...

– Идите, идите по дороге прямо, – указал рукой Леонтий. – И на вас каши хватит!

Касайские вожди пробыли в крепости не более двух часов. Около полудня они вышли в сопровождении суворовских адъютантов и полковника Шульца на крылечко комендантского дома. Толмач в двух руках вынес большой кожаный мешок. Султанам подвели лошадей. Выглядели они довольными и оживленными, говорили, перебивая друг друга, – толмач еле успевал переводить. Штабс-капитан Востряков перед тем, как сесть на лошадь, подал Леонтию знак. В качестве почетного эскорта адъютант и казаки проводили гостей до окраины леса, где у костров коротали время их соплеменники.

И почти сразу же после этого была дана команда к выступлению.

Летучий отряд двинулся по бездорожью в азовскую сторону, к новым строящимся крепостям – Московской и Донской. В последней, ввиду наступившей темноты и метели с сильным встречным ветром, пришлось заночевать. Лошадей укрыли за деревьями, гусарам и казакам отвели место в турлучном сарае. А для Суворова и офицеров были отдельно поставлены две походные палатки. Ротмистр Рубин взялся опекать Леонтия, смущающегося в обществе просвещенных командиров. Отужинав салом и печеной картошкой, заранее заготовленной поварами, офицеры закурили трубки при освещении дрожащих в шандале свечей. Взглянув на сидевшего в сторонке Леонтия, ротмистр Рубин воскликнул:

– Господа! Хотя обстановка и не совсем располагает, хочу представить вам казачьего сотника Ремезова, кровью доказавшего верность нашей державе. Он командует казаками.

Леонтий встал, от смущения зардевшись. Ритуал представления армейской элите ему был непривычен. К пополнившему отряд офицеру повернулись сослуживцы: поручик Благовещенский, штабс-капитан Востряков и майор Михеев.

– Сотник участвовал в деле на Калалы, воевал с черкесами, ранен в бою. Толков и до крайности скромн. Словом, черт возьми, так и хочется пожать ему руку...

– Сегодня я также имел честь познакомиться с Ремезовым, – откликнулся суворовский адъютант. – Вместе встречали и провожали султанов. Надеюсь, в дороге мы сдружимся.

По затянувшемуся молчанию Леонтий догадался, что должен ответить.

– И я надеюсь... Рад стараться!

Офицеры снисходительно заулыбались и закивали в знак согласия. Простота сотника, видимо, понравилась им.

Приготовление ко сну заняло времени немало. Ординарцы натаскали в палатку припасённого в здешней крепости сена, сбили в постамент, застелили брезентом и ватными покрывалами. Когда офицеры одетыми улеглись на походном ложе, прикрыли их ватными одеялами. Леонтий приютился с краю, рядом с ротмистром. Угрелись, начали дремать. Но усилившийся ветер, завывания завирухи, даже сквозь брезент овевающий лица снежный холод мешал сну.

Вялый вязался разговор.

– Собственно говоря, с какой целью приезжали султаны? – поинтересовался ротмистр, видимо, адресуя свой вопрос к майору Михневу, присутствовавшему на переговорах в качестве секретаря, или к Вострякову.

Адъютант, переведя дыхание, не без иронии предположил:

– Вероятней всего, явились за мздой. Это тот самый Арслан-Гирей, которого осенью генерал Райзер арестовал и утек в еникальскую крепость, заподозрив в неверности. Их превосходительство привержен замирению с горцами. Вот и назначил встречу, дабы извиниться за своеволие генерала и вручить презент.

– А я полагаю, что на всех иноверцах в казне денег не хватит! – загорячился ротмистр. – Позвольте, с какой стати русский солдат должен претерпевать нужды и голод, а хищники благоденствовать? Дикие племена покоряются только силе!

– Вражда порождает вражду, – возразил майор. – Мы не раз слышали из уст Суворова, что врага должно пуще оружия поражать человеколюбие. Он – мудрейший политик, притом, что нет на свете ему равных в военном деле. Касайцы и другие орды благоразумно принимают российское подданство, как ранее это сделали осетинцы и ингуши. Суворов дорожит русскими солдатами. И те три тысячи рублей, которые увез Арслан-Гирей, не токмо окупил возвращенных пленников, но и спасут жизни иных екатерининских ратников.

– Не уверен, – проворчал ротмистр, ворочаясь на пружинящей сеном постели. – Жизнь на войне – грош. Кто знает, не крадутся ли сей минутой к нашему биваку те самые касайские татары? Сколько раз уже заверяли в своей дружбе кабардинцы, и при первом случае нарушали свое слово. Непросвещенные народы! Хищникам нет веры. Они клянутся и – легко нарушают клятву...

– Не знаете ли, господа, сколько еще до азовской цитадели? – простодушно спросил поручик, подавляя зевок. – Верст, пожалуй, двести пятьдесят?

– Какая, черт возьми, разница? – вспыхнул, как спичка, ротмистр. – Предполагать, витать в эмпиреях, любезный поручик, – препустое занятие. Вы срав-

нительно недавно в армейских делах, а мы притерпелись. Все версты, кои впереди, – наши...

Ветер рванул во всю мощь, и на палатку с шумом осыпался с дерева тяжелый пласт снега, гулко скатился вниз. Тревожное ржание лошади на мгновение слышалось в ночи. Также еле внятно донесся окрик караульного, дежурившего у входа.

– Однако, пора и к Морфею, – строго заключил майор. – Подъем чуть свет!

Но уснуть Леонтию долго не давал молодецкий храп ротмистра и нескончаемые думки. Еще осенью полк его вернулся в Черкасск на «льготу», а казачья команда, куда попал и сотник, осталась дожидаться замены. Увы, как выяснилось, полк Грекова направили на Кубань. А полусотне донцов было приказано поступить в распоряжение полковника Шульца и зимовать вместе с драгунами в ставропольской крепости. Тоска непреходяще жалила Леонтия. Он мысленно разговаривал с Мерджан и матерью, представлял, каким стал подросший сынишка, будто воочью видел яры берега и займище, лазурный отсвет утренней донской воды. Родина тянула к себе неодолимо, хотя и этот кавказский край исхожен-изъезжен, стал не чужим. Постепенно знакомился Леонтий и с армейским бытом, набирался знаний у офицеров, в редкие часы отдыха читал книги по ратному делу. Однако сейчас ощущал он себя неуютно. Ночевка в одной палатке с адъютантом самого Суворова и офицерами только добавляла ему беспокойства и затрудняла свободу службы. Скованность не покидала. И он решил, что впредь будет ночевать с казаками, – так привычней и веселей...

В три перехода отряд Суворова добрался до азовской крепости. И после короткой остановки путь его продолжился в Гёзлев, где располагалась крымская резиденция командующего. А казачий взвод, имея в

запасе неделю для возвращения в крепость, во весь опор помчался на побывку в родной край.

4

Шел семнадцатый год царствования Екатерины. Не только внешне изменилась она, обретая величественность и обаятельную привлекательность, несмотря на полноту, но и внутренне это была уже совсем не та мятущаяся женщина, которую белой ночью июня мчала карета в столицу, где принародно предстояло объявить о восшествии на российский престол. Многое пришлось испытать ей за это время, многого удалось добиться, – стать влиятельнейшей монархиней Европы. Высокое мнение о своем божественном предназначении для России, об исключительных талантах государственной управительницы и – вообще любых наук, – будь то литература, философия или шахматы, пренебрежение общепринятыми границами поведения и моральных норм, сладострастие не по годам – всё это повлияло на ее самодовлеющий ум, позволило ввергнуться, благодаря угодничеству статс-дам, – в бездну фаворитизма. Это как будто забавляло ее и добавляло сил, наполнило жизнь веселыми минутами, взрывами чувственности и даже материнской нежности к молодым избранникам, по возрасту младше ее сына, но вместе с тем и вносило дисгармонию в дворцовый порядок. Она сговорилась с Потемкиным, что фавориты не должны иметь никакого отношения к политике, и придерживалась этого, хотя лукавый Панин и Орловы упорно протезировали своих ставленников.

Разумеется, и до Потемкина были у нее романы, длившиеся много лет. Но «Гришатка-милюша» по-прежнему стоял особняком. Тайный муж оставался державным соправителем и главным советчиком. Он немало знал об интимной жизни матушки-госуда-

рыни, как и сама она была осведомлена о потемкинском гареме из трех племянниц, ставших по ее милости придворными фрейлинами. Эту обоюдную греховность они, христиане, как бы прощали друг другу. Но нередко ревность доводила князя до негодования, и он, взбешенный неуважением к себе фаворита-фитюльки, посягнувшего на его положение во дворце, объяснялся с Екатериной весьма круто. Она заверяла могучего колосса в неизменной любви, обласкивала, делала богатые подарки и – спешила видеть своего юного неотесанного любовника...

Восьмого февраля Потемкин устроил в Аничковом дворце, приобретенном благодаря императрице, званый ужин. Несмотря на боль в ноге, Григорий Александрович, торжественный и бодрый, встречал гостей у парадной лестницы, среди которых был высший свет столицы, иностранные посланники, офицеры. Последней приехала государыня в сопровождении свиты. Статс-дамы и прочие лица сознательно сторонились, давая место рядом с ней фавориту – Ивану Корсакову, божественно красивому, голубоглазому, с кудрявыми, как у агнца, золотистыми волосами крепкотелому молодцу.

В этот вечер Екатерина была несказанно хороша! На ней ладно сидело, скрывая полноту, бордовое бархатное платье, комбинированное с белым гипюром, украшенное бриллиантовой брошью и живой алой розой. Когда тайная женушка поднималась по ступеням, Потемкин заметил, как на ее высоко поднятых, зачесанных назад волосах искрились тающие снежинки, – и сердце его дрогнуло...

– Нет слов, чтобы выразить восхищение вашей красотой, милостивая государыня! – с чувством признался Потемкин, наклоняясь над протянутой рукой и продолжительно целуя ее.

– И ты, батинька, свеж. Ну, показывай свою обитель.

Потемкин сделал шаг назад и, обернувшись, указал на драпированную зеленым штофом кабину, посередине которой стояла беломраморная статуя, олицетворяющая Дружбу, с бюстиком Екатерины в руках.

– Ваш образ предо мной неотлучно!

Она несколько смутилась от столь утонченного сюрприза, одобрительно усмехнулась и наградила «милюшу» взглядом, исполненным искренней благодарности и такой ласковости, что Григорий Александрович с трудом сдержал себя, чтобы не стать на колени.

Праздник был затеян, прежде всего, как продолжение свадьбы его племянницы Варвары Энгельгардт и князя Строганова, состоявшейся в конце января. В потемкинском дворце собрались самые нужные и близкие люди семейств, к коим относились молодожены и, в первую голову, покровительствующая им Екатерина.

По обеим сторонам верхней площадке лестницы стояли наряженные с особым блеском приглашенные, а несколько впереди – в парадном мундире премьер-майор Преображенского полка Сергей Федорович Строганов и ослепляющая юной красотой Варенька, а рядом с ней сестры – Александра и Екатерина. Увидев своих фрейлин, императрица приветливо им улыбнулась и прошла, ведомая хозяином, вдоль застывших в поклоне гостей в Оранжерею. Это была обширная комната, с зеркалами и венецианскими окнами, уставленная кадками с экзотическими растениями: пальмами, пиниями, лимонами, магнолиями, олеандрами и еще невесть какими. В ящичках и тумбах благоухали комнатные розы и лилии, гвоздики, орхидеи, хризантемы. Чудесной свежестью нельзя было надыхаться! В следующей комнате, примы-

кающей к оранжерее, стоял длинный стол для гостей, но Потемкин провел императрицу дальше. За ними по пятам следовал Корсаков.

– Для вас, ваше величество, приготовлен особый кабинет. Не откажите в желании показать вам его и еще маленькие покои. А также коллекцию новых картин и библиотеку.

– На твой сюрприз, Григорий Александрович, я заготовила свой подарочек, – игриво произнесла Екатерина и сделала паузу. – Сегодня нас будет услаждать пением и скрипкой Иван Николаевич Корсаков. Для него я выписала скрипача Надини, стяжавшего во Франции весьма великую славу. Вчера я слушала их чувственный дуэт. Пусть эта райская музыка звучит в твоём дворце!

– Премного благодарен, ваше величество, за внимание и столь...

Екатерина вдруг отвернулась. И вопреки придворному этикету, пожала руку своему новому фавориту.

– Надеюсь, сударь, вы и нонеча заставите биться от восторга сердца?

– Я способен петь только для вашего сердечка, ваше императорское величество!

По мгновенно вспыхнувшей улыбке на отрешенном лице красавца можно было понять, что он уже привык отзываться на знаки внимания государыни подобно кукле, которую дергают за нить.

Потемкин приотстал, как будто не заметив неприятной выходки «Катюшки». Совсем, матушка, лишилась рассудка от необузданной страсти. Видимо, не наигралась в детстве с куклами, так теперь играет с «Ванечкой». Не время ли подыскать этому «античному божеству» замену? Впрочем, фаворит глуповат и не опасен...

Покои, о которых говорил хозяин, представляли собою два кабинета, – японский и китайский. Каждый

из них был украшен мебелью, посудой, фонариками, разноцветными бумажными змеями и дракончиками, шпалерам из шелка, на которых были изображены птицы и сказочные существа. Екатерина залюбовалась убранством этих комнат и изумительными вещами восточных мастеров. Хозяин, зная слабость императрицы, подарил ей лакированную табакерку из бамбука, украшенную дивным орнаментом. Новые картины итальянцев и фламандцев также пришлись Екатерине по душе. Но дольше всего задержалась она в библиотеке князя, рассматривая не только фолианты в кожаной обложке, с золотым тиснением, но и древние берестяные рукописи.

Из книжного узилища вышли в комнату, которую преобразовали в палатку из красной китайской тахты, хотя под потолком висела, множа блики свечей, великолепная люстра. Посередине сиял саксонским фарфором и хрустальными бокалами стол на семь персон. Получасовая встреча в узком кругу была оговорена заранее. Григорий Александрович сел напротив государыни, а соседями ее оказались Прасковья Брюс и Корсаков. В присутствии Потемкина молодой фаворит держался скованно, то подобострастно взглядывая на своего покровителя, благодаря которому попал в спальню ее величества, то как-то блудливо на статс-даму.

– Не сочти за упрек, но хочу сказать тебе, батинька, что положение в Крыму неладное, – обретая серьезность и характерную интонацию в голосе, проговорила Екатерина. – Хан капризничает, беспрестанно просит денег. А противники Шагин-Гирея, как доносит Константинов, не оставляют умысла сбросить его с трона. Суворов в прошлый год предотвратил высадку османов. Но эти волки в лес смотрят! Я писала Стахиву, чтоб приложил вящее усердие в переговорах. Сул-

тан должен подтвердить в конвенции условия Кючук-Кайнарджийского договора.

– Весьма многое может решить мир между королем Фридрихом и императором Иосифом.

«Параша» не отрывала от профиля Корсакова своего отуманенного взора. Потемкин это заметил, в его сознании родилась цепь возможных действий, которые могли бы помочь избавить Екатерину от влияния этой статс-дамы, родной сестры фельдмаршала Румянцева, его недоброжелателя. Но Григорий Александрович и виду не подал, продолжил рассуждения:

– Бог даст, князь Репнин уравновесит амбиции австрияков и пруссаков. Второй год тянется война за баварский престол. Франция и мы больше всех заинтересованы в мире. Французам на горло наступает Англия. А нас не забывает Порта.

– Дания и Швеция – в нейтралитете. Мы должны твердой ногой стоять на Кубани и Кавказе, – заключила Екатерина, мельком заметив погрузневший взгляд «Ванечки». – Доносит Якоби, что во множестве проповедники из Порты преклоняют тамошние народы к своей вере. Происки турок как на ладони. В перспективе им выгодно направить горцев с огнем и мечом на земли «неверных».

– Это так, ваше императорское величество. С нетерпением жду от Суворова рапорт о положении на Линии. Мы продолжаем возведение крепостей. Однако зима не помиловала южный край. Из-за неурожая в полках нехватка в провианте. В кавалерийских частях падеж лошадей. Забота о Крыме обременяет весьма.

Екатерина взглянула на своего «Пирра, короля Эпирского», как звала красавца-любовника, заскучавшего донельзя, и первой остановила затянувшийся разговор.

– Забастуем о делах. Об этом – не всуе. Приезжай завтра. После твоего приезда из Новороссии мы не толковали, как след... Иван Васильевич, не вешайте носика! И не надуйте губки!..

Екатерина широко улыбнулась.

– Мы думаем, час пировать! Григорий Александрович, позови молодых и своих прелестных племянниц!

После ужина, обильного редкостными блюдами (повара-иностранцы постарались выше всяких похвал), гости восторженными рукоплесканиями награждали пение Корсакова, которому старательно аккомпанировал первый скрипач Европы. Фаворит, действительно, обладал приятным тенором и чувством ритма, но верхние ноты проглатывал, брал фальшиво. Екатерина, смолоду относившаяся к музыке без особого жара, но уважающая вкусы других, свое внимание по привычке останавливала не на красоте мелодий и гармонической силе аккордов, а на самом образе каждого из исполнителей. Недаром драматические артисты вызывали у нее больший интерес. И потому многое в музыке воспринимала превратно. Крикливые рулады, жеманные жесты, взволнованные телодвижения «Пира», вызывающие у иных неприятие, на нее действовали завораживающе, – она попросту любовалась красивым самцом, который ночью снова будет ласкать ее в постели...

Потемкин, сидевший рядом с государыней, как и другие, громко хлопал в ладоши, пошучивал, что Корсакову за артистический талант пора присвоить звание «певец-фельдмаршал». А сам не переставал мысленно удивляться: «На пятидесятом году жизни она влюбилась, как деревенская пастушка. И в кого? В заносчивого и пустопорожного хвата. Значит, мой выбор, когда представлял его, был верен. Опасаться это-

го «златоуста» нечего, а матушка пускай потешится, коль случай...»

5

С детских лет Батоко замечал, что к его отцу сыновья и приближенные князя относились неприветливо, а иногда с пренебрежением, хотя в крепости Аз-мат считался непревзойденным джигитом. От этого в душе росло желание поскорей вырасти, чтобы вступить за родного человека! И к своей цели он стремился с удивительным упорством: днями пропадал на конюшне, ухаживая за лошадьми и участь верховой езде, стрелял из боевого лука, вырабатывая меткость, боролся не только со сверстниками, но и с теми, кто был на голову выше. И однажды победу Батоко над долговязым крепышом своими глазами увидел князь Алихан. Высокий, рыжебородый, с пучком морщинок у глаз, он веселым взглядом встретил мальчугана, которого подвел слуга.

– Как зовут тебя, маленький кабардинец?

– Батоко.

– Кто твой отец?

– Славный воин Азмат! – высоко подняв голову, с гордостью произнес мальчик.

Князь почему-то свел брови и задумался, а затем приятельски потрепал его по голове.

– Да, твой отец храбрый уорк. Он являет в боях отвагу и умелость. Но я желаю, чтобы ты превзошел его. Отныне мы будем с тобой друзьями. Согласен? Обращайся ко мне, когда надо. А теперь проси подарок, о котором мечтал.

Батоко ответил не раздумывая:

– Настоящую гурду!

– Сколько тебе лет, знаешь?

Тот, вскинув руки, растопырил пальцы и один загнул.

– Значит, девять... Нет, Батоко. Надо подниматься на гору не спеша, как учат мудрецы. Подарю я тебе сначала не шашку, а боевой кинжал и позабочусь о том, чтобы родители нашли достойного аталыка. Только с высокой горы может бежать сильная река. Ты ведь хочешь стать таким же непобедимым, как твой отец?

– Очень хочу!

– Я помогу в этом...

Спустя полгода Батоко отвезли в дальний аул, к почтенному воину и охотнику Али-Мурзе, приходившемуся князю родственником. При расставании мать безмолвно плакала, а хмурый отец утешал, что он ненадолго уезжает из дому. Но разлука затянулась на восемь лет. Возмужавшим, широкоплечим юношей, успевшим проявить себя храбрецом в стычках с алтинцами, вернулся он на добытом в бою скакуне в родную крепость. В живых застал только исхудалую мать, а воин-отец, как узнал Батоко с болью, погиб при осаде Моздока. Князь, не забывавший о подопечном и нередко присылавший ему подарки, пожелал видеть его.

Батоко вслед за охранником вошел пружинистым шагом в озаренный солнцем, усталый коврами зал, в котором князь собирал старейшин и принимал посетителей. Годы состарили владельца. Вместо ачи отросли седые волосы, борода сильно поредела, а темнели только разлатые брови, придавая взгляду выразительность и глубину. Князь также долго и внимательно всматривался в юношу. Был он высок и узок в поясе, приятен лицом. В темно-карих диких глазах – ни тени смущения. Бритая голова с пучком волос, как в детстве, высоко поднята. Только сильные руки, казалось со стороны, причиняли юноше неудобство, – он точно не знал, куда их деть. Низко поклонившись и поздоровавшись с князем, благодарностью помянув Аллаха, он спрятал их за спину.

– Мне рассказывали о тебе, – приветливо улыбнулся владетель и жестом пригласил Батоко сесть на ковер вблизи себя. – У людей длинные языки. Одни любят хвалить, другие – ругать. Я запомнил тебя мальчиком, с бесстрашным характером. Поведай сам, каким ты теперь стал. И что хочешь сделать в жизни.

Батоко ответил не сразу. Видимо, от волнения, сам того не замечая, он слегка передернул плечами.

– Я хочу, как мой отец, стать воином! – произнес он звонким голосом. – Аталык научил меня тому, что должен уметь кабардинец... Но твои слова, всемилостивый князь, для меня важнее всего.

Алихан огладил бороду, посмотрел в окно, за которым сиял мартовский день, и было видно, как с низкого напуска крыши стекали струйки талого снега.

– Наслышан, что знаешь Коран и знаком с науками.

– У аталыка Исмаила жил турецкий мулла. Он ставлял меня.

– И об этом мне ведомо, как и то, что воспитатель отметил тебя дорогим махлуфом, подарил коня и оружие. Образованный человек найдет самый короткий путь к победе. А неуч будет тыкаться, как слепой щенок... Тебе говорили о родословной?

– Я знаю, что мой отец – тума.

Владетель приказал слуге, дежурившему у двери, выйти.

– Наши традиции и обычаи идут из глубины веков. Их никто отменить не посмеет, ибо это – воля предков. Много лет назад, когда был холост, я полюбил одну пленницу. Она была очень красива, но своенравна. Нашего сына нарекли Азматом и младенцем увезли в дальнее селенье. Ему дали другую фамилию, но когда я стал владетелем, я вернул его в крепость... – Алихан прервал речь. – Это был твой отец. Он жил в неведении о своих родителях. Пришел срок рассказать прав-

ду... Ты – мой внук, хотя у тебя нет права называться так. Твой незаконнорожденный отец старался подвигами заслужить дворянский титул, который присуждается по согласию членов княжеской семьи и старейшин. Азмата я, как мог, выделял. Вы жили в отдельном доме и в достатке. Он получал за службу больше, чем другие. Я был готов дать ему титул, но Азмата недолюбливали княжичи...

Влажными и расширенными от потрясения глазами Батоко смотрел на владельца. Слова, его доверительное признание всё перевернуло в сознании и душе молодого воина!

– Аллах наказал моих сыновей, Атаджука и Мурзу, не дав им наследников. У меня пятеро внучек!.. Батоко, я желаю, чтобы с этого дня ты приобщился к нашей семье.

– Ради тебя, светлейший князь, я отдам жизнь! – с горячностью признался ошеломленный юноша.

Алихан принял ответ с потеплевшим взглядом. Затем неторопливо открыл крышку серебряной табакерки, захватил из нее щепотку табака и раздутыми ноздрями втянул душистый аромат. Взбодренный, заговорил громче и отрывистой.

– Мне хочется сказать тебе о самом главном. Помимо нашего княжества в Большой Кабарде еще три: Джамболатово, Атажукино и Мисостово, носящие фамилии своих родов. А внизу, почти на равнине, лежит Малая Кабарда. Там владения князей Келахстановых и Талостановых. Тысячу лет кабардинцы соседствуют с другими народами, и почти все эти годы не утихали войны! Таков Кавказ. Все хотят достатка и богатств, женщин и чудесных коней. Добыть это можно у другого в открытом бою. Времена, мой дорогой Батоко, стали тяжелей. Русская царица решила подчинить нас. Она приказала построить крепости и станицы, прислала сюда свои войска. Не мы пришли к ним на се-

вер, а русские возымели корысть на наши земли, исконные пастбища и уголья.

– Доблестный князь! Мой отец погиб в бою с неверными. Я отомщу за него!

Алихан вскинул руку, останавливая жестом возбужденного юного ратника.

– Слепая месть постыдна. Для кабардинца непреложны правила, изложенные в «Уорк Хабзэ». Запомни их навсегда! Ты – уорк, воющий не ради грабежа и добычи. Этим занимаются низкие разбойники. Всё, что тебе желанно, ты должен отвоевать в бою. Победа – вот твое достоинство. Азмат был таким! Добытое он раздавал друзьям и беднякам. Геройство, а не обогащение, – вот знак доблести. Ты, Батоко, сколько угодно вправе брать пленников, увозить золото и деньги, угонять лошадей и скот. Ты можешь пролить кровь врага и лишить его жизни! Но пусть остановит тебя Аллах, когда захочешь поджечь дом или хлебную ниву. Нельзя трогать труд Всевышнего и труд людей... И наконец запомни, что верх бесславия для уорка – это бросить на поле боя убитого товарища или сдать в плен... Ты услышал меня?

Батоко, не в силах сдерживать волнение, встал. Лицо его пылало.

– Клянусь, что никогда не нарушу «Уорк Хабзэ»!

– Я надеюсь на тебя, – подтвердил князь, строго сведя брови. – В скором времени на общий совет съедутся кабардинские владетели. Я возьму тебя в охрану. А пока не теряй времени. Занимайся, чем пристало уорку. Хорошо устроить скачки! У меня есть арабский конь. Но я стар, чтобы соперничать. На него сядет конюшенный. А ты – на своего жеребца, он мне понравился. Думаю, зрителей соберется немало. Покажи себя!

И Батоко, обуреваемый желанием порадовать князя, доказал свое мастерство наездника, первым

придя в трудном заезде по скользкой каменистой дороге...

На исходе марта в крепости старшего князя Кабарды Джанхота Татарханова был объявлен общенародный совет. Алихан, зная, что пути туда не менее трех часов, выехал чуть свет, когда по ущельям еще клубился туман. Было зябко. Гривы лошадей лоснились от влаги. Князя сопровождали его младший сын Мурза, Батоко и еще дюжина самых опытных воинов. Чтобы не привлечь внимания лихих людей громким перебором копыт, ехали шагом на неподкованных лошадях, – так они меньше ранились на камнях.

Батоко занимал место в середине отряда, которое указал Мурза, и первое время держался напряженно, точно ожидал нападения разбойников. Но однообразный вид туманного леса, прямая дорога вдоль склона горы, размеренный и твердый шаг коня успокоили и навели его на мысли о девушке, которую повстречал у ручья, текущего близ крепости. Был полдень, и припекало солнце. От невысоких деревьев падали на подсохшую землю в пожухлых палых листьях синие извилистые тени. Пахло талой водой и прелью. А где-то на склоне, в чаще буков, заливалась неведомая птаха. Батоко спешил вглубь леса высмотреть кабаньи тропы и растерялся, когда в нескольких шагах увидел юную незнакомку с вязанкой дров на плече, идущую навстречу. Она была удивительно стройна, черноглаза, с двумя длинными косами, заброшенными наперед. Несмотря на тяжесть ноши, поступь была свободна и быстра, а на лице отражалась улыбка. Появление чужого юноши испугало ее. Она хотела немедленно закрыть лицо, но руки были заняты, и даже бросить вязанку было некуда на узкой тропе вдоль крепости. Красавица, нахмурившись, опустила глаза. И Батоко, давая ей дорогу, был вынужден изловчиться и по выступам камней вскарабкаться, зависнуть на

крепостной стене. Когда она прошла мимо, охотник спрыгнул на землю и окликнул:

– Скажи, как тебя зовут?

Но скромница даже не повернула головы, а только ускорила шаг.

Эта негаданная встреча не выходила у Батоко из головы. Наверняка эта прелестница жила в крепостном дворе, и необходимо поскорей разузнать о ней. Жаль, что он только недавно вернулся домой и не успел познакомиться со многими жителями княжества. Если она была на скачках и видела, как он одолел соперника, – это могло бы заинтересовать ее и оставить о молодом человеке хорошее впечатление...

У крепости валия скопилось множество всадников из охраны прибывающих владетелей. Их, встречая с почестями, помощники хозяина провожали в покои. Алихан, направляясь в крепость, пожелал, чтобы его телохранителем на совете был Батоко. Княжич Мурза воспринял это с кислым лицом, но промолчал, подчиняясь воле отца.

В большом приемном зале, где на отдельном столике лежал Коран, и в больших керамических сосудах стояли знамена, не умолкали голоса собравшихся. Близилось начало совета. Батоко испытал оторопь при виде такого количества известных и знатных владетелей страны. Князь Алихан здоровался с теми, кто попадался на пути, кивал по сторонам, целенаправленно пробираясь к группе владетелей, сгрудившихся в дальнем конце. Наружность их отличалась суровостью: лица хмуры и отчужденны, позы воинственны. Алихана они приняли как своего, обнимая и что-то горячо говоря.

Батоко встал неподалеку у стены, где находились другие телохранители, и, следуя их примеру, положил ладонь на рукоять кинжала. Горделивое чувство обьяло его!

Из задней комнаты вышел представительный, седовласый мужчина. По задним рядам прошелестело: «Валий! Джанхот Татарханов, внук великого Бекмурзы, основателя княжеской династии!» Левая половина зала встретила его дружесственными возгласами и рукоплесканиями. А партия, в которой находился Алихан, промолчала. Старший князь поклонился, и первое слово предоставил мулле, вознесшему молитву Аллаху. Вместе со всеми молился и Батоко.

Речь старшего князя взволновала Батоко: кабардинский народ стоит на черте войны с русскими. Декабрьское требование – снести крепости и вернуть плодородные земли вдоль Терека и Кумы, они отвергли. И это подхлестнуло холопье сословие азатов (вольнотпущенников), чагаров (оброчных земледельцев) и лагунапытов (крестьян на барщине) тайно покидать своих владетелей и переселяться на равнину, под защиту российских полков. К тому же, урожай прошлого года, вызванный засухой, отозвался в отдельных княжествах голодом. Трудной выдалась зимовка. Сократилось поголовье коров и овец, мор скосил лошадей. В сложившемся положении есть три выбора. Первый – это предложение грузинского царя Ираклия переселиться в его страну всем кабардинцам с условием выделения лучших земель и долин. И в баксанской, и в кашкатавской партиях он нашел много сторонников. Бросать могилы предков – значит, предать свой род. Остается два варианта: или снова обратиться к царице Екатерине с покаянием за нападения на ее крепости и войска и попросить у нее помощи, или силой оружия выгнать захватчиков из своего края.

У Батоко восторженно заколотилось сердце, для него не могло существовать сомнений: только битва с урусами до полной победы! Он был совершенно уве-

рен, что владельцы, мудрейшие люди, примут это неотвратимое решение.

Но его ожидало разочарование! Когда после владельца Тепсаруко из Малой Кабарды, оправдывающего русских за то, что снабжают его людей мукой и не препятствуют пасти скот в долинах рек, выступил Исмаил Темрюков, призвавший к мобилизации и всенародному восстанию против России, в зале поднялась буря! Сменявшие один другого владельцы приводили противоположные доводы, то призывая к добрососедству, то настаивая на военных действиях. Настроение зала качалось, как стрелка маятника, пока не взял слово большой князь Мисост Баматов. Именно он был главным среди тех людей, к которым примкнул Алихан.

– Достославные князья! Последние десять лет в Кабарде не гаснет пожар войны. Погибают самые достойные уорки! Я думаю, многие помнят, как мы укрывались с вами в Эшконе, дальнем урочище, ожидая войско крымского хана. Но оно было разбито русскими, и мы поддались убеждениям почтенного валия и вернулись на Баксан. Потом был бой за Наур-городок, в котором старший князь потерял брата Кургоко. Наш союз с крымским ханством прервался после избрания на трон Шагин-Гирея. Но это не совсем так! Нас связывает дружба с храбрыми закубанскими князьями, крымскими и ногайскими султанами, противостоящими в общей борьбе с кафирами. За нами стоит – Оттоманская Порта. Вчера я получил срочное письмо от своего человека из Суджука. Русская царица и великий султан подписали особый документ, который подтверждает их прежний договор. Русских заставили вывести войска из крымского ханства и с Кубани! Они убираются!

В зале раздался гром радости и воинственных криков! Подождав тишины, Мисост Баматов заговорил еще резче:

– Настал самый подходящий момент, чтобы объявить царице ультиматум. Мы, элита народа, должны поставить жесткие условия. Русские должны снести крепости и редуты, как это будет сделано на Кубани, и полностью вывести свои полки с нашей территории. На ее отказ – мы объявим России войну! Больше нельзя терпеть унижения и обиды, братья мои! Нам обещает свою поддержку турецкое правительство. Настал час, когда каждый из нас должен делом, а не пустыми словами доказать, что значит для него кабардинская земля. Я всё сказал!

Полдня не смолкали споры, едва не доходившие до рукопашной. И трижды Батоко бросался к своему князю, когда тот выяснял отношения с представителем противостоящей группировки. В заключение валий предложил не торопиться с выдвижением ультиматума, так как это только озлобит российскую сторону. Его уважительно выслушали. Но, разъезжаясь, большинство владельцев подходило к Баматову и его сподвижникам, давая клятвенное обещание, что выступят единым фронтом против войск генерала Якоби.

Всю обратную дорогу Батоко представлял, как он будет сражаться, одерживая одну победу за другой, которые прославят его имя и принесут богатство. И тогда князь Алихан пожалует ему княжеский титул и наверняка доверит командовать своим войском...

6

Леонтий привел свой отряд в Черкасск ясным теплым днем. Тепло нахлынуло внезапно, впервые за всю лютую зиму. У заставы казаков остановили постовые. Выяснив, кто они и откуда, потребовали, что-

бы сотник немедленно зарегистрировался в военной канцелярии. Порядки за последний год в казачьей столице ужесточились. Распустив подчиненных по домам, уточнив, где живет каждый, Леонтий назначил сбор через двое суток на майдане у Ратной церкви.

Айдан нес к родному куреню стремительно, точно понимал нетерпение хозяина. Из озаренных солнцем садилов и дворов тянуло сладким запахом нагретой вишневои коры. С ним мешался дух сена из выбранных наполовину скирд, лошадиного навоза, гарь дымящих труб. С верхнего края Черкасского городка доносились протяжные запевки кочетов. Вдоль улицы, по которой скакал Леонтий, перекатывался собачий брех. Таким родным окатило его душу, с такой силой забилося сердце, что он ощутил, как повлажнили глаза.

Дверь куреня была наполовину распахнута, и когда Леонтий взбежал по крыльцу, то сразу же ощутил знакомую горечь кизячного дыма и догадался, что разжигают печь. Он вытер сапоги о циновку и, пригнув голову, быстро минул сени. Мерджан, в суконном, вышитом орнаментом платье, в шерстяном платке, завязанном позади, ворошила кочергой чадящие уголья. Она оглянулась на шум шагов и воскликнула от неожиданной радости:

– Ты?!

Он сильно обнял ее, высокую и гибкую, и стал бормотать ласковые слова, сам не слыша их, весь предавшись в этот миг сумасшедшему ощущению счастья. А Мерджан не переставая целовала его лицо, глаза, усы, щеки, – и тоже что-то сбивчиво шептала. Стоящими посредине горницы и застал родителей вбежавший Демьянка. Выглядел он старше своих четырех, – и смышленным взглядом и ростом. Растерявшись от появления незнакомого вроде бы дяденьки, он замер у

двери и хотел было шмыгнуть обратно, но мать успела заметить его.

– Сыночек, батянюшка приехал! – освобождаясь из рук мужа, проговорила Мерджан. – Смотри, какой он у нас!

И подхваченный бессознательным чувством родства, мальчонка бросился к Леонтию, распахнув руки с красными от снежков ладонями, пронзительно закричал:

– Ура!

Чад ел глаза, но Леонтий, с повлажневшими глазами, подбрасывал сына до самого потолка и смеялся вместе с ним, а вокруг своих любимых приплясывала Мерджан, озаренная улыбкой...

Когда разгорелась печь и затрещали уложенные в нее дрова, Мерджан почему-то потемнела взглядом и, накрывая на стол, односложно отвечала на вопросы мужа.

– Так где же матушка? – повторил он с оживлением. – У подруг али у сеструшки?

Наконец, собрав всю волю, Мерджан с затаенной горестью взглянула любимому в глаза.

– Нет у нас ее... Схоронили на другой день Рождества...

И, всхлипнув, закрыв лицо руками, как подкошенная, села на лавку. Леонтию в первое мгновение не поверилось в то, что произнесла Мерджан, показалось это невероятным. Он вскочил, прошел к двери, ведущей в залу, резко оглянулся, точно искал глазами кого-то незримо присутствующего в курене.

– Как же это... Схоронили... – от захлестнувшей боли едва выговорил он. – Не ведал я, не знал... А горе какое!

– Мороз-шайтан застудил шибко... – сквозь слезы подхватила, жалея всем сердцем и стараясь отвлечь его, Мерджан. – Птицы на лету замерзли. Не пуска-

ла я ее по воду. И печку сама жгла, и дрова собирала. На дальний лог ходила. А матушка Устинья не слушалась... Я к ней фершала войскового приводила, заплатила, сколь просил. И знахарки две заговаривали ее, и снадобья варили. Истаяла от горячки за восемь дён...

Леонтий долго в безмолвии простоял у могилы матери, занесенной метелями. На солнечном кладбище, кроме него и Мерджан, в эти часы никого не было. В стороне займища будоражил Нижнюю станицу городка вороний грай. Слегка пахло талой водицей. С дубового креста снежок совсем опал, и улавливался запах мокрой древесины. Леонтий, потерявшийся от внезапного горя, заплакал незаметно для себя впервые с детских лет. Мысли путались, – он то мысленно разговаривал с матерью, то перед глазами представал ее образ, любимый и несравнимый ни с кем, то ранил душу рой обрывочных воспоминаний, то слышалась ее речь, размеренная и ласковая...

Только в сумерки, взяв под руку, привела его Мерджан домой. Леонтий, сбросив тулуп и меховые сапоги, прилег на топчан, – и забылся, проспал до предзорья мертвецким сном. В темноте перебрался на кровать к своей любимой и желанной, чутко встрепенувшейся от его шагов...

Утро выдалось бодрым и стозвонным от капли. Леонтий напоил застоявшегося Айдана, задал ему гарнец овса и поводит по двору. Затем помог Мерджан разжечь затухнувшую печь, расчистил двор и поправил поваленный сугробом плетень. Всё это время ни на шаг не отходил от него Демьянка, стараясь чем-то помочь, что-то подать или принести. Пока родителей вчера не было дома, он тайком потрогал отцовское ружье, рассмотрел кинжал, вынув его из ножен, и подергал за рукоять тяжелой для его рук кривой турецкой шашки. Теперь же, возбужденный и веселый, Де-

мянка норовил забежать наперед и заглянуть отцу в глаза.

– Батянь, а враги дюже страшные?

– Да как тебе сказать... Не так, чтоб дюже, но неприглядные.

– А правда, у них по две башки. Так Гаврилка гутарил, а ему – дяденька с бастиона.

– Выдумщик твой дружок! Человеки они как человеки. Вроде нас с тобой.

Эти слова, по всему, озадачили казачонка.

– А в сказках басурмане о двух головах, – утвердительно напомнил он. – Почто тогда вы насмерть воюете?

Леонтий, отвлеченный тесанием стоянка для плетня, не сразу подыскал понятные слова.

– Такую казакам дал долю Господь. Кабы не разорjali Черкасский городок да Азов, да другие станицы злые крымчаки, ногайцы и прочие разбойники, не воровали бы людей и скот, не палили хлебные нивы, то никто бы их не теснил. Одначе нечестивцы эти так досадили нам и нашей русской царице, что завела она полки в ихний Кавказский край. И крепости повелела понастроить для обороны Дона православного. Вот твой батяня и служит там с братьями-казаками.

– А ты много сразил рож неумытых? – наморщив лоб, серьезно спросил Демьянка и замер.

– Сразил я их, сынок, не по воле, а поневоле. Так в боях завсегда заведено: кто кого опередит... По мне – нехай бы жили, лишь бы нас не трогали. А раз враждой пылают, тут мешкать нельзя. С божьей помощью сражаемся, державу нашу защищаем.

– И я хочу! – признался сорвиголова и доверительно протараторил: – Я на улице из пряча лучше всех бью! Осенью ажин галку сшиб и голубя, и... стекло у Денисовых... Я не хотел, а камушек ветром отнесло.

– Не тужи, и тебе достанется в походы ходить да с шашкой в головах спать.

– А ты насовсем к нам?

– На провед, кровинушка. Служба – дело строгое. Приказ есть приказ. Вот летом заменят в ставропольской крепости нашу команду, и тогда надолго приеду. По мне, чем воевать, лучше сено косить да в заводях осетров ловить. Ась? Будем верши ставить?

– До лета ишо весна... Погано без бабушки Усти. Она мне сказы про басурман торочила. На разные голоса... – вздохнул Демьянка. – А ты можешь?

Леонтий со вздохом бросил:

– Она и мне их славно передавала...

– А ты мне про войну Расскажи.

– Как-нибудь постараюсь. А зараз пойдика, сын, погляди, как там конь мой, – отослал сына Леонтий, вновь охваченный ощущением непоправимой беды, одиночества и страшной утраты в жизни...

В военной канцелярии он доложил дежурному есаулу о прибытии, предъявил дорожный аттестат и напрямик направился по искрящейся лужицами улочке к сестре. Двухэтажный курень Стреховых громоздился на углу проулка, желтел четырехскатной черепичной кровлей. За высоким дощатым забором бухал басом пес, с грохотом волочил цепь. Леонтий отложил окованную железным уголком калитку, вошел в обширный двор, распалив своим появлением черного кобеля, с клыкастым оскалом. На лай вышел прислужник, дюжий казак средних лет, знающий Леонтия. Он оттащил пса к загородке, давая пройти к высокому, украшенному деревянной резьбой крыльцу, которое обстреливали, дробясь о каменные стены, золотистые капли.

Хозяев Леонтий застал за обедом. В знак уважения они вышли в переднюю встретить его. Обрадованная и взволнованная до крайности Марфуша, порывисто

обняв братца, заголосила, запричитала по матушке, сокрушенно потряхивая головой. Михайло Васильевич, не в казачьей форме, а в гражданском мундире, с зачесанными набок редкими буроватыми волосами, лоснясь щечками и выпяченным подбородком, походил на важного царского чиновника. Он хмуро, но терпеливо наблюдал за супругой, понимающе безмолвствовал. Наконец, остепеняя, окликнул. Марфуша послушно отступила, любовно оглядывая Леонтия.

– А ты возмужал, родненький, похорошел! Жаль маманя наша не дождалась...

– Довольно, голуба, пора и выплакаться... – скороговоркой оборвал муж, испытующе глядя на шурина. – Слыхал о твоём геройстве на Линии Моздокской, за какое благодарность войсковой атаман выразил. А, признаться, о возвращении казаков «на льготу» не ведаю.

Леонтий объяснил, почему отлучился с казаками из ставропольской крепости. Стрехов, услышав о Суворове, тотчас проникся к сотнику уважением. Крепко пожав ему руку, повел к столу.

– Я зараз на должности при непременно войсковом судье Мартынове в гражданском правительстве. Мы все чисто дела по правам и хозяйствованию вершим, даем им ход али подвергаем запрету, – начальственным баском пояснил Михайло Васильевич, едва уселись за столом. – Атаман Иловайский командует как военной канцелярией, так и правительством. А наиглавнейший над нами есть генерал-губернатор Азовской губернии и глава казацких войск князь Потемкин. По новым порядкам жизнь казацкую закручиваем!

Подождав, пока служанка поставит для гостя столовый прибор из белого китайского фарфора, хозяин по праву старшего налил Леонтию полную рюмку водки.

– За Дон православный и матушку государыню! – громко провозгласил войсковой чиновник и махнул залпом. Закусывая соленой капустой, пережевывая ее с отменным старанием, не без хвастовства бросал короткие фразы: – По секрету раскрою: идет промеж донской старшины буча. Потеснили мы Ефремовых и дружков их. Нонеча Иловайские, Мартыновы, Луковкины, Орловы, Денисовы верх взяли.

– А как же Платов? – поинтересовался Леонтий, всегда добром поминая своего бывшего командира.

– Матвей? – скосил брови Стрехов. – А никак! Находится при войсковом атамане в порученцах. Обабился, в доме опального атамана жительствоует со своей Надеждой Степановной. Угораздило его жениться на дочке Ефремова!

– Она женщина образованная и обходительная, – негромко возразила Марфуша, выждав момент, чтобы вступить в разговор. – И приданого за ней богатейно дали.

– Да что ж с того? Тощая и бескровная. А он – буйан и матерщинник. На богатство польстился да на старшинское положение. Супротив турок и татар он герой, а в доме всем теща заправляет, Меланья Карповна, бывшая торговка базарная. Хоть и посадили в темницу муженька, а прежние владения при ней.

– Мишенька, жена наставляет Матвея Ивановича грамоте. Был он неотесанный, а таперь отцу-полковнику в Москву своей рукою весточки отписывает.

– Ну, закруглим на время беседушку. Час трапезничать! – решительно объявил хозяин, протягивая руку к кускам жареной баранины. – Сытый голодному не товарищ.

И действительно, Стрехов так увлекся поеданием яств, что несколько минут не проронил ни слова. Марфуша, зная привычку мужа, воспользовалась удобным моментом и стала рассказывать о болезни матушки, о

том, с какой самоотверженностью ухаживала за ней Мерджан, о тяжелых похоронах. Потом вкратце поведала о своих семейных делах: больше трех лет жила она с мужем, а ребенка бог так и не послал. Леонтий мимолетно вспомнил о встрече с Касьяном, за которого хотел выдать сестру, но вслух не сказал об этом.

– Чем смогу, тем пособлю, чтоб из ставропольской крепости донскую команду вернули, – пообещал на прощанье Михайло Васильевич. – Раньше апреля, как срок по всем полкам не выйдет, не получится. А так-то в Черкасске немало полковников без дела слоняется. Есть, кого на замену прислать.

На зорьке следующего дня Леонтий покинул родной курень. При расставании с Мерджан, чтобы не ранить ее, держался спокойно и деловито, как будто ничего особенного не происходит. И она, душа родная, не показывала виду, как тяжело переживает этот час. В мыслях у Леонтия было одно: «Вернусь, без сомнения. Им без меня нельзя... И неча унывать да беду накликать. Бог не без помощи, а казак не без счастья...»

7

С осени минувшего года в Европе пахло порохом. Вялотекущие боевые действия между австрийской армией и полками прусского короля Фридриха за баварское наследство, получившие название «картофельной войны», пытались остановить Версальский двор и императрица Екатерина. С французской стороны барон Бретейль, а с русской – князь Репнин, попеременно встречаясь с монархами обеих стран, полгода согласовывали условия подписания мира.

Противоборство Пруссии и Австрии, близкое расположение их армий к балканским владениям ничего хорошего не сулило турецкому султану. И тем не менее Порта поддержала мятеж против Шагин-Гирея, а когда законный хан подавил его с помощью русских,

стала тайком готовиться к войне. Восстановив разбитый при Чесме флот, султан Абдул-Гамид направил в сентябре фрегаты к берегам Крыма с многотысячным десантом. Цель была одна: оккупация ханства. Под предлогом нужды в питьевой воде турецкий Капитан-паша запросил разрешение у Суворова высадиться на берег его незначительному контингенту. Уцепиться бы коготком, а уж там...

Суворов ответил категорическим отказом «на основании моровой язвы» и привел свои войска в боевую готовность вдоль морского побережья. Расчеты турецкого правительства рухнули. Османские корабли, опасаясь потопления, откочевали в Синоп, а позже были вынуждены вернуться обратно в Константинополь. Султан, разуверившись в поддержке французского короля, поторопил искушенного в негоциациях Абдул-Резака начать с русским послом переговоры о подписании конвенции, исправляющей в его пользу Кючук-Кайнарджийский договор.

Удивительно, но в один и тот же день, 10-го марта, в город Тешен съехались уполномоченные для решения мирного договора между венским двором и Пруссией, а в турецкой столице Стахийев заключил с Портой конвенцию о добрососедстве. Впрочем, мера эта была вынужденной и спокойствия в Крыму не обеспечивала, а лишь оттягивала назревающий вооруженный конфликт.

Запланированный отъезд Зодича за океан, где в Северо-Американских штатах продолжалась гражданская война, был отсрочен самим Паниным. Глава иностранной коллегии, обеспокоенный, как и Екатерина, усилившейся активностью Турции, направил своему агенту в Париже инструкцию, в которой подчеркнул необходимость его повторной поездки в Порту и, что чрезвычайно важно, – в Крым и Черкесию, куда частенько наведывались европейские путешественники

и купцы. Разработать детали и мотивы этого предприятия поручалось самому confidentу.

Александр узнал у купца, посетившего кавказский край, что там ценятся недорогие серьги, колые, браслеты, бритвенные приборы, спички, ленты, иголки и нитки. Он послал Пьера на рынок с длинным списком этих безделушек и наполнил ими целый кофр. Также запасся, на всякий случай, лекарственными средствами: ревенем, морской солью, александрийским листом, нашатырным спиртом, тимолом и арабским бальзамом, который у кавказских племен использовался как универсальное средство от всех болезней. Несколько дней провел за изучением медицинских учебников. Наконец приобрел три английских маленьких подзорных трубы, два компаса и хорошей писчей бумаги.

Вдвоем со своим испытанным слугой Зодич выехал из Парижа в середине марта. Нанятый крытый фиакр, запряженный четвериком, для путешествия оказался весьма удобным. Дорога до Вены, где они сделали короткую остановку, заняла неделю. На сей раз Голицын принял Зодича не во дворце Селмура, а в своем новом великолепном доме, построенном в Пратере, на гористой окраине города, в окружении леса. Они откушали венского шницеля с прекрасным мадьярским вином, полюбовались с балкона на Дунай, а затем уединились в библиотеке с высокими застекленными шкафами, до предела заполненными книгами и старинными фолиантами. Камердинер подал на серебряном подносе малый фарфоровый сервиз. Разлил по белым узорчатым чашкам ароматный, отдающий жасминовым цветом, зеленый китайский чай.

– Переговоры о мире между австрийским императором и королем Фридрихом близки к завершению, – сообщил Дмитрий Михайлович, осторожно отхлебнув из чашки. – Мне приходится в них активно участво-

вать. Упирается только саксонский курфюрст и требует особых условий пфальцский двор, препятствующий участию в Тешенской конференции герцога цвейбрикенского. Но императрица Мария-Терезия снова выказывает свою мудрость и, вопреки капризам великовозрастного сына Иосифа, настаивает на мирном трактате. Мне написал князь Репнин, чтобы я отстаивал позиции Пруссии. Но это и само собой вытекает из хода переговоров, тем более, что баварский двор согласился заплатить Саксонии шесть миллионов гульденов. Надеюсь, мир в центре Европы скоро наступит.

– А каковы же его условия? – поинтересовался Зодич. – Неужто удалось поровну разделить пирог?

– Австрия получит Инн, баварский округ по берегам Дуная, Рейна и Зальца. Принц саксонский, как я упомянул раньше, получил денежную компенсацию. А Фридрих заберет свою часть территории: Байрейт и Ансбах. Важно предвидеть последствия. Пока австрийские войска находились на позициях, турецкий султан вел себя сдержанно. Более того, когда год назад турки готовы были развязать против России войну, чтобы посадить в Бахчисарае своего хана, австрийский посланник в Стамбуле передал рейс-эфенди меморандум своего правительства с неодобрением этого шага. Тогда же серьезную поддержку оказали нам и французы. Но с подписанием последней конвенции, как я полагаю, ситуация в Крыму значительно обострится. Вам знакомо ее содержание?

– Нет, я еще не успел получить копию.

– Завтра я передам вам, сударь, список с нее. А вы, если не затруднит, расскажите последние новости Версальского двора. От князя Борятинского письма редки.

– Версаль обсуждает отъезд в Америку графа Ферзена, фаворита королевы. Заносчивый, весьма пригожий собой, сей швед сразил сердце Марии-Антуанет-

ты тем, что явился в своем национальном офицерском мундире. Представьте высокого молодца в белой тунике, камзоле, в замшевых штанах с шелковыми оборками, золотым поясом и шпагой с золотым эфесом. По чести говоря, он напоминал попугая. Зато дамы были потрясены, а королева бросила к ногам Эроса свое любвеобильное сердце. Между тем не утихают сплетни, кто истинный отец ее дочери: герцог де Кони или кто-то другой. Во всяком случае, когда в церкви Святой Женевьевы при большом стечении народа крестили маленькую принцессу, публика встретила Марию-Антуанетту леденящей тишиной. Жизнь простолудинов становится тяжелей год от года. Цены на хлеб растут, а королевские празднества становятся всё дороже. Французы, говоря откровенно, считают ее чужой. Многим известно, что король и королева живут отдельно и не делят ложе.

– Да, я знаю, сколь переживает отсутствие наследника ее мать, Мария-Терезия. Родственные связи Бурбонов и Габсбургов давно являются основой альянса двух государств...

Они еще долго говорили о политических интригах во Франции, об обострении ситуации в Польше, где подняли голову новые конфедераты при поддержке как раз парижского правительства, о преобразованиях Екатерины и о будущем Крыма.

В конце марта Зодич приехал в Константинополь. Он остановился в той же гостинице, что и два года назад, неподалеку от русского посольства. Первым делом Александр напомнил своему слуге-волоките, чтобы ни при каких обстоятельствах не разговаривал с женщинами. Тут законы прямо противоположные парижским! Чернокудрый красавец похлопал глазами от столь нерадостной новости и, подумав, хитровато предложил:

– Черт возьми, мсье! Тут, как мне говорили, есть рынок невольниц. Давайте купим для вас женщину!

– Ты хотел сказать: для нас? Пьер, оставь свои нелепые ухищрения. Я вижу тебя насквозь, и понял, чему обязан заботе о моем полноценном времяпровождении... Вспомни библию и утвори плоть свою! Тем более что скоро начнутся нешуточные испытания. Лучше попроси разрешение у хозяина воспользоваться его садом, он турок уступчивый, и упражняйся в стрельбе из пистолета. Держи наше оружие в полной готовности. Повтори, как ты теперь ко мне должен обращаться.

– Мсье Верден, купец и врачеватель.

– Вот именно. Мы – простые путешественники, наша цель – наладить с горцами торговлю. Я знаю твой длинный язык, и если начнешь привирать, хвататься моим истинным положением при французском дворе, то жестоко заплатишься. В лучшем случае за меня потребуют выкуп, а тебе отрежут голову.

Бургундец взволнованно вскинул свои дугообразные брови и ухмыльнулся. Видимо, хозяин не балагурил...

Старые связи в османской столице помогли «купцу и врачевателю» быстро найти проводника, который неоднократно сопровождал служителей ислама в Кабарду, и мог общаться на местном наречии. По тому, как торговался Яха, как набивал себе цену, Александр понял, что для этого низенького и юркого турка деньги превыше всего. Но выбор был не велик, и потому сговорились на ста турецких пиастрах, что равнялось тремстам французским ливрам.

– Полностью вознаграждение ты получишь по возвращении в Стамбул, – твердо заключил Зодич. – А в качестве залога я выдам ровно десять пиастров.

Яха, взывая к Всевышнему, стал тараторить так быстро, что половину слов невозможно было разо-

братъ. Затем скорчил грустную рожу и, стараясь разжалобить бесчувственного француза, стал рассказывать, что его малые дети и жена целыми днями не берут крошки в рот, что они давно голодают и могут от бессилия умереть. И в доказательство, распахнув свой длинный халат, вздернул рубашку и показал впалый живот. По всему, хитрюга сочинял, но Александр добавил-таки к задатку еще пять пиастров и больше не стал даже слушать пламенные излияния враля.

Зодича ждали в посольстве. Но он медлил, потому что содержание конвенции возмутило его. Фактически она учитывала только интересы Порты. Понимая, что без соизволения Екатерины Стахийев не подписал бы этот унижительный документ, Зодич впервые усомнился в прозорливости императрицы. Можно пойти на компромисс и согласиться, чтобы султан обладал духовной властью в Крымском ханстве, чтобы русские военные корабли по-прежнему не передвигались свободно по Черному морю. Но российская сторона обязалась в течение трех месяцев и двадцати дней вывести свои войска с Крымского полуострова и Кубани. Сверх того, императрица обещает употребить все способы, чтобы склонить хана и правительство крымское на добровольную уступку Турции земли между Днестром, Бугом, польскою границей и Черным морем. И ради чего эти реверансы? А для того, чтобы султан смилостивился и признал Шагин-Гирея ханом. При этом еще крымские депутаты должны явиться к нему с мазгарами (хвалебными просительными грамотами) и поклонами...

– Это же канальство! – не сдержался Зодич, читая копию конвенции. – Разве неведомо государыне и Панину, что и признав российского ставленника ханом, Абдул-Гамид сделает всё, чтобы свергнуть его или лишить жизни? Оголение южных границ возбудит закубанцев и кабардинцев, не говоря уже о ногайских ко-

чевниках. Неужто столь слаба российская армия, что императрица пошла на неблагоприятную сделку с турками, которая грозит обернуться еще большими бедами?

Тайная встреча с послом состоялась ночью. Стахийев был осведомлен из письма Панина о целях поездки конфиденнта. Минул месяц с подписания конвенции с Портой, однако Крым по-прежнему напоминал разворошенное осиное гнездо. Обе стороны были заинтересованы в том, чтобы в Стамбул побыстрей явились татарские депутаты с мазгарами, в которых подтверждалось бы верховное калифство султана. А в ответ он должен вручить грамоту с признанием Шагин-Гирей крымским ханом. Это бы сняло затянувшееся напряжение. Между тем не лучше складывалась ситуация на кавказском рубеже. Именно об этом с тревогой говорил Стахийев.

– Вывод наших войск с Кубани, вероятно, послужит кавказцам сигналом для возобновления военных действий. Но, поверьте, этот документ одобрен европейцами. И недаром вместо крайне враждебного к нам Омер-эфенди он назначил главой своего правительства всем известного Абдул-Резака, с кем много раз велись переговоры. И весьма успешно. Порты прячет кулаки. Но, полагаю, ненадолго.

– В этом мало сомнений, – подтвердил Зодич. – Теперь, обретя некую определенность с Крымом, султан решил развернуть широкие действия на Кавказе?

– Турки никогда не сбрасывали эту территорию со счетов. Если вам удастся проникнуть в неприятельский лагерь и вызнать планы тамошних сторонников Порты, мы сможем принять должные меры для защиты отечества.

Только самообладание и чувство иронии позволили Зодичу умолчать о своем отношении к конвенции.

Он не сомневался, что это – промах российской дипломатии. Но в ответ лишь понимающе спросил:

– Хрупкий мир, установленный благодаря гибкой политике Суворова, срывается в тартарары?

– Мы надеемся на усиление позиций Шагин-Гирея. Ногайцы и горские народы так или иначе зависимы от крымского хана. Хотя риск его свержения после вывода наших войск сохраняется. Дело в том, что после переселения христиан из Крыма в Азовскую губернию между ханом и Суворовым, а также нашим крымским резидентом Константиновым отношения чрезвычайно разладились. Это мешает, прежде всего, Шагин-Гирею укрепить в ханстве государственную власть, – Стахийев, кладя руки на поручни кресла и, показывая, что собирается встать, не без сожаления заключил. – Признаться, ведет он себя не как зрелый муж. Почти всю осень в прошлом году не появлялся в своей столице, а занимался соколиной охотой. Суворов предлагает найти ему замену. Императрица ищет решение. И ваша миссия будет способствовать этому...

8

Особая сложность задания и непредсказуемость путешествия в чужедальний край, где давно нет ни войны, ни мира, и реальна любая опасность, побудили Зодича вести дневник на французском языке. Вот его перевод.

«2-е апреля. Третий день мы находимся на пути к Сухум-кале. Небольшой парусник, гонимый ветром, идет вдоль побережья курсом на северо-восток. Судно старое и скверное, паруса ветхие. Дьявол угораздил меня согласиться с предложением Яхи, который, как я убеждаюсь, ни на грош не дорожит ни своей, ни чужой жизнью. Он бесконечно молится Аллаху, что-то подвывает под нос, хлещет воду и дрыхнет. При этом выглядит вполне здоровым и спокойным. Зато для

бедного Пьера плаванье оказалось сущим адом. Его беспрестанно тошнит, он то и дело бегаёт в отхожее место и поминает всех чертей. Бедняга бледен, как мануфактурное полотно. Но при этом чувство юмора по-прежнему не теряет. Расспрашивая о горской стране, он задаёт заведомо смешные вопросы, на которые я стараюсь в меру моего остроумия давать ответы. Проводник на наш хохот взирает с подозрением: не издеваемся ли над ним? Я попробовал перевести ему шутку, но он не понял её совершенно.

Попутный ветер раздувает паруса. Море то слегка зыбится, то раскачивает волну. Цвет его постоянно меняется. Вблизи – зеленовато-стального оттенка, а по кромке горизонта – лиловое. Солнце украдкой выглядывает из-за кочующих туч, мрачных и гривастых. Водные валы не высоки, – иногда лишь захлестывают корму. Торчать на ней безрадостно, – ветер достаточно холоден, временами наносит туманом. Из семи членов команды фелюги только капитан Исса-эфенди, штурман и первый помощник являются подданными Порты, все остальные – иноземцы: два матроса-раба с греческих островов, один грузин и еще серб, по имени Милан.

8-е апреля. Сухум-Кале – старый турецкий порт на кавказском побережье. Множество судов, среди которых и военные, пришвартовалось к длинному каменному причалу. Один французский и два венецианских парусника стояли на якоре. Нас встретил берег солнцем. Абрикосы, черешни и вишни в цвету! В городе благоухает сирень. Мой Пьер чуть не заплакал от счастливого облегченья, когда ступили на земную твердь. Но, увы, нас ожидала незадача. Приятель Яхи, который прежде вел его через перевалы в Черкесию, недавно убит. Среди местных жителей не нашлось охотника сопровождать нас в опасном пути. Я был вынужден воспользоваться подсказкой и отпра-

виться на рынок, расположенный на окраине. Столпотворение напомнило мне крымский базар. Чего только здесь нет! От редких заморских фруктов, овощей, посуды, шелка и муслина до самого изысканного оружия. Богат выбор лошадей. Отдельно расположено торжище людьми. Мужчины-невольники, большей частью молодые, стоят рядами, им не разрешают садиться на землю. Некоторые, как я слышал, говорили по-русски. Все они истощены, с лицами, выражающими печаль и безнадежность. При этом их владельцы постоянно грозно покрикивают на них, требуя улыбаться проходящим покупателям. Отдельно, под навесами из тростника и в открытых шатрах, ждут своей участи узницы. Как бы подчеркивая их рабское положение, женщинам не позволяют закрывать лица. Наоборот, хозяева не жалеют белил и прочих средств, чтобы подчеркнуть внешность своего «живого товара».

Пьер не сводил жадных глаз с хорошеньких невольниц, пока мы с Яхой ходили вдоль палаток, знакомясь с торговцами. Они знают толк в этом ремесле. По обыкновению, дельцы покупают юных черкешенок у абреков или прямо у родителей, в аулах, а затем привозят сюда и втридорога перепродают в серали по всему Востоку. Один из них, носящий фамилию Паннус Тухманов, крымский армянин, откликнулся на нашу нужду. Оказалось, он в большой чести у главного черкесского князя Дулак-Султана, который указан в данной мне инструкции, как наиболее воинственно настроенный к России лидер закубанцев. Мы сговорились, что отправимся в дорогу, как только работоровец сбудет с рук своих женщин.

11-е апреля. Ночуем на лесной поляне, недалеко от горного перевала. Еще светло, но солнце уже за острыми заснеженными вершинами, и становится холодно. Хотя одет я по-зимнему, прошлую ночь так замерз, что ни на минуту не сомкнул глаз. Днем было

солнечно, хорошо. Ко мне в попутчики napросился, сбежав от капитана-хозяина, Милан. Серб подружился с Пьером в плаванье, хотя общались и общаются они пока жестами. Этот христианин, рискуя жизнью, во что бы то ни стало решил пробраться к русским, дабы сражаться вместе с ними супротив османов. Разумеется, отговаривать онoго мужественного единовеpца я не стал...

Чем выше поднимаемся мы в горы, тем становится тяжелей передвигать ноги. Не хватает воздуха. Два вьючных ослика то и дело останавливаются, выбиваясь из сил. Мой слуга проклинает горный климат и погоду, меняющуюся почти ежечасно. То солнышко, то будто бы из-под скал с ветром выплывают тучи, и опускается промозглый туман. А между тем красота здесь сравнима только с панорамой Альп. С заоблачных высот открывается вид Кавказского Хребта, величественных неведомых гор. Дух захватывает, когда дорожка прижимается к самой пропасти. Туда, в сумрачную бездну, лучше не смотреть! Завораживает и манит к себе, как ведьма. Мой бургундец, человек равнинный, дрожит от страха, но нарочито держит нос кверху. У французов это в характере – свое малодушие прятать за внешней бравадой.

Оба проводника держатся уверенно и насмешливо. Сторонясь при первой возможности, они постоянно о чем-то шушукуются. Вероятно, ломают голову, как выгодней продать нас, когда окажемся в окружении горцев. Глупцы не знают, что у меня подорожный билет самого Абдул-Резака, турецкого рейс-эфенди. Я запасся им, благодаря французскому посланнику. Допускаю, что и защита турецкого правительства не остановит кровожадного абрека. Рассуждать в данном положении бессмысленно. Много раз судьба искушала меня, всё в руках Божьих. Но по уверениям проводников у горцев почитается за тяжкий просту-

пок нападение на путешественников или просто путников.

Зябнут руки, мой карандаш затупился, и писать уже темно.

15-е апреля. Провидение нас дважды спасло на этом безымянном кавказском перевале! Ничто не предвещало опасности, когда мы, делая короткие переходы и длинные остановки, достигли вершины, пересекли длинный отверделый снежник, спустились саженей на триста и вышли на петлистую тропу, проторенную среди скал. От мысли, что подъем завершен, завершен из последних сил, – он теперь позади, дух вновь обрел бодрость. Мы оживленно разболтались с Пьером. И в этот момент, с нарастающим тяжелым шумом, разбрасывая по сторонам колкую пыль, мимо нас с бешеной скоростью пронеслась снежная лавина. По мере движения вниз она захватывала всё больше снежную массу, голыши и валуны, превращаясь в один убийственный поток, всё сметающий на своем пути. Раскатистый грохот далеко отдался эхом в горах! Несколько минут мы как вкопанные простояли на месте. Такое никогда не забывается. Первым Яха пал на колени, уткнул лоб в камень и стал молитвенно бормотать. То же самое сделал и Милан. Когда мы продолжили путь, оба они, пренебрежительно поглядывая друг на друга, стали убеждать меня, что только молитвам, сотворенным ими в пути, мы обязаны чудесному избавлению от гибели. Каждый утверждал, что это был перст Божий! Слушать их наивные речи было забавно. Разве можно установить, чей бог смилостивился? Вполне возможно, что оба, Аллах и Христос, помогли избежать гибели?

А второй раз, уже в конце спуска, нас остановила бурная река. Невольно припомнились мне слова одного из сухумских торговцев, что не самую удачную пору выбрали мы для путешествия. Действительно,

на высокогорье еще держалась зима, ниже по склону было сыро и скользко, а на дне долины, где цвели кизил и алыча, оделись листвой ясени и клены, самозабвенно пели пичуги, – в бешеном разливе клокотали реки, затопив берега и унося вдаль мутные талые воды.

Между Яхой и Паннусом возникло препирательство из-за того, где лучше переправляться. Один указывал на дальнюю скалу, синеющую мраморной породой, а другой настаивал, что нужно идти в противоположную сторону. Там, где расступаются буки, самое широкое место, и, стало быть, глубина – наименьшая. Этот довод показался мне весомей. Я доверился армянину. Однако при виде разыгравшейся стихии, кипящих тут и там водных бурунов, подбрасывающих бревна, точно спички, спорить с рекой ни у кого из нас не возникло желания. Турок повел нас по склону вверх с торжествующим видом, к указанной ранее скале. Но и там место для переправы мне не понравилось. Поднялись еще выше и, к удивлению, увидели над сужившимся руслом, подвесной мостик. Дощечки, закрепленные просмоленной пенькой, поперек покоились на канатах. На это малонадежное сооружение, вероятно, давно не ступала нога человека. Яха привязал один конец длинной веревки к своему кожаному поясу, а другой доверил держать сербу и мне. Едва турок сделал несколько шагов, как мостик закачался, дощечки заскрипели. Но проводник продвигался вперед, и удача не отвернулась от него. Храбрец отвязал веревку и крикнул, чтобы Пьер и Милан перевели в поводу осликов. Мой слуга наотрез отказался. Пока я пытался пристыдить труса, хитроумный Паннус воспользовался замешательством и взошел на мостик, на согнутых ногах, семена, благополучно преодолел его. Пример торговца воодушевил Милана, и тот сумел перегнать ишака через мост. Правда, на середине опасного пути

испуганное животное едва не оступилось. Настал черед Пьера. Мужество у женского обольстителя подошло к концу. Он трясся и причитал, как бесноватый. Я успокаивал его, укорял, что не подобает французу так низко вести себя на глазах у иноземцев. Бледнолицый Пьер в три кольца обвязался вокруг пояса веревкой и, помолившись, подошел к краю деревянного настила, точно к эшафоту. День клонился к закату. И преступно было медлить, выжидать. К общему изумлению, Пьер встал на четвереньки, и таким образом, по-собачьи, довольно быстро миновал сей отрезок земного ада. Свободный конец веревки перебросили мне с противоположного берега. Первым делом привязал ее к уздечке ослика. И когда мои спутники общими усилиями перетащили упряма на противоположный берег, я без всякой страховки перебрался к ним. И тотчас из-за деревьев и валунов грянуло три выстрела, направленных в нашу сторону! Пули по-осиному прожужжали мимо. Дюжина горцев, в теплых шерстяных кафтанах и бараньих шапках, мгновенно окружила нас. У всех в руках были кинжалы...

19-е апреля. Коротко допишу о том, чем закончилось наше пленение. Признаться, я подумал, что спасения нет. Вид у разбойников был чрезвычайно свирепый. Но главарь шайки узнал Яху, с которым заговорил, как с давним приятелем. Наконец турок указал на меня. Абрек в знак приветствия коротко кивнул. «Мне сказали, что ты купец и лекарь из далекой страны. Закон чести не позволяет нам причинять ущерб чужестранцу. Я приглашаю тебя с твоими людьми в свой аул. Вы отдохнете и подкрепитесь. А затем мой человек покажет дорогу в Кабарду». Невероятно, но этот владелец аула по имени Андагар открылся человеком великодушным и мудрым. Нас поселили в большой комнате флигеля, который отапливался по-черному киззяками. Гостеприимство хозяев проявлялось

прежде всего в том, как щедро кормили нас буйволиным мясом, бараниной, просяной кашей, лепешками на меду, – пищей, быстро восстанавливающей силы. На следующий день мы хотели двинуться дальше. Но Андагар попросил задержаться, чтобы с местными жителями встретить праздник в честь особо уважаемого в народе божества, покровителя кузнецов, – Тлепша. Действительно, кузница у черкесов издревле является священным местом, где собираются старейшины, принимаются важные для всего общества решения и возносятся молитвы языческим богам и богиням. С утра, озаренного ясным солнцем, аульцы сошлись на ровной травянистой площадке, ведущей к лесу. Были принесены сосуды с бузой. Мужчины пригнали лошадь, впряженную в плуг, разложили на земле несколько топоров. Седобородый старейшина, очевидно, их религиозный лидер, как заклинание, повторяя имя Тлепша, орошал бузой железо плуга и топоры. Присутствующие на молебне ему вторили, вздымая руки к небу. По окончании этой части ритуала женщины удалились по своим домам, а их мужья и парни предались забавам до самой темноты. Одни боролись, другие хлестали бузу, третьи стреляли из ружей по мишени: уложенному на верху валуна куриному яйцу. Поразило меня то, как искренно и просто-душно веселились эти люди! Да и мы, особенно Пьер, сверх меры перебрали пенной бузы, напитка легкого, приятного, но в большом употреблении – чрезвычайно коварного...

23-е апреля. Я в Кабарде. В княжестве Баматова, чье имя было указано в моем дорожном билете. Сей владетель в отъезде. Сославшись на желание в большом количестве приобрести кабардинские кинжалы и ружья, я упросил княжеского помощника сопроводить меня к нему. Сейчас мы на привале в отдаленном урочище...»

9

Азово-Моздокская Линия еще только обустроивалась. Во всех заложенных крепостях несли службу армейские и казачьи части, шла обыденная жизнь, велись фортификационные работы. Но степень защищенности их была далеко не равноценна. Если Екатерининская, Георгиевская и Павловская имели, наряду с прочими оборонительными сооружениями, каменный профиль, то Андреевскую и Мариинскую верней было бы назвать крепостишками, поскольку окружены были одним рвом и насыпным валом с турлучным забором. И говорить о данных крепостях, как о надежных цитаделях нет оснований. Именно этой дистанции Линии, напрямую граничившей с Кабардой, главнокомандующий Якоби предавал первостепенное значение. Ему и всем армейцам памятно было, как спустя три месяца после закладки Павловской крепости стекло к ней многотысячное кабардинское войско, грозя войной, если русские укрепления не будут немедленно срыты. Поспешное выступление драгунского полка и егерских батальонов заставило злоумышленников образумиться и отступить. Сверх того, астраханский губернатор настоял, чтобы кабардинцы не только выдали аманатов, но в клятвенной форме снова подтвердили верность российской царице.

Дальнейшие действия генерала Якоби, временно почившего на лаврах, вызывают по крайней мере недоумение. Он, возглавлявший военное и политическое руководство на Кавказе, отвечающий за безопасность и спокойствие российских границ, не только не поддержал переселение враждебно настроенной части кабардинцев в Грузию, куда их с распростертыми объятьями позвал царь, а категорически воспрепятствовал этому, арестовав посланников Ираклия Вто-

рого. Тем самым он как бы и на будущее обеспечил «нескучную» жизнь русскому солдату!

Надо полагать, такое решение было продиктовано той политикой, которую императрица в течение последних лет выстраивала по отношению к иноплеменным народам. Не оттолкнуть кавказцев, а приклонить к себе – вот ее сущность. А какой ценой это будет достигнуто, к счастью или невзгодам аборигенов, к прочному миру или затаенной ненависти – об этом Екатерина Алексеевна не задумывалась, считая, что несравненный ум ее пронзает века, и ей одной открыта истина.

Увы, оба они ошибались. За полтора года смута среди кабардинских князей не улеглась. Напротив, побег черной люда и ясырей на русскую территорию не прекращались. Там, взятые под охрану, они жили вольно и занимались тем, чем хотели. Холопы в аулах уже открыто показывали свое неповиновение, и владетели в ответ ужесточили наказания. Прежнее устройство кабардинского общества начинало расшатываться, несмотря на усилия валия Джанхота Татарханова. Но он не был всемогущ, да и партия противников его, готовящаяся к смертельной схватке с русскими, обретала все больше влияние среди князей Большой Кабарды,

Правая, или Вторая, дистанция Линии, включающая всего две существующие крепости – Ставропольскую и Александровскую, фактически стала открытой для любых сил, следующих с западной стороны. Крепости Московская и Донская еще ни шатко ни валко строились. И никакого препятствия для врагов не представляли. И это отлично знали абазинские беи, ногайские мурзы и воинственные темергоевцы. Черкесский предводитель Дулак-султан в минувшем году несколько раз атаковал русские укрепления на Кубани, сражался с ногайцами и татарами, получая жесто-

кий отпор. И теперь, в конце марта, приступая к выводу русских войск из Крыма и с Кубани, Суворов заблаговременно обратился к горским военачальникам с таким недвусмысленным предупреждением:

«Всех закубанских племен черкесских и абазинских беям, узденям и всем вообще надежным приятелям моим чрез сие объявляю.

Получаю, я известия, что из ваших народов многие хищники, скопляясь большими шайками, переправляются часто воровски чрез Кубань и как приятелей наших ногайских орд: скот, имение и людей, так и российских лошадей воруют и, нападая на наши караулы, оказывают часто свое злодейство. Сие побудило меня увещать вас, приятелей моих, дабы вы запретили конечно своим подсудственным народам такие воровства и хищения, повинувшись власти его светлости Шагин-Гирей-хана; обращались бы с ногайцами и нашими людьми дружественно и, возвратя все то, что оными по временам похищено без остатка, жили бы в покое, который и с нашей стороны соблюдаем будет, ибо сия одна стезя есть к вашему благоденствию и целости.

Буде же, не внимая моего сего увещания, и еще не будут вами пресечены и истреблены подобные прежним хищничества, то принужден буду переправить чрез реку Кубань войски и наказать за такую дерзость огнем и мечем, и в том вы сами на себя пенять должны будете. Впрочем, ожидая дружественного вашего обращения, есмь вам доброжелательный и ко услугам готовый».

В отличие от Суворова генерал Якоби не обладал мощной и многоопытной армией. Полки и отдельные батальоны Астраханского корпуса были рассредоточены по всем укреплениям Линии, хотя по численности больше солдат все же находилось в левофланговых крепостях. Об этом Дулак-султан отлично знал,

как и то, что Державный фельдшанц, последний на кубанской стороне, не разрушен, но уже брошен ротой мушкетеров. Князя оповещали не только конные лазутчики, но и шпионы, жившие в крепостях. Он копил силы, собирал большое войско, летучую конницу со всего Закубанья. Оставалось немного подождать, чтобы иссяк вешний разлив Кубани, и поднялась сочная трава, дающая лошадям выносливость...

От Ставропольской крепости до Александровской – ровно шестьдесят пять верст. Леонтий Ремезов со своим взводом сопровождает обоз, перевозящий муку. Солнцем и мягким ветерком обласкан этот майский день. Набитая колесами и копытами дорога плавно течет с увала на увал, по долинным низинам и тянется на изволок, где виднеются каменные распадки. С него обозримо на много верст вокруг, как горма горит, полыхает алыми и желтыми лазориками степь. Душа вздрагивает и замирает от этакой завораживающей красоты! И вдруг становится ясно, как дорога тебе вот эта земля, уже политая первой казачьей кровью, ставшая навек своей, тобой завоеванною. И пусть скоро придется покинуть этот край, отправиться с казачьей командой «на льготу» на Дон, но разве оставит сердце память о прожитых здесь днях, о нелегкой кавказской службнице? И недаром сейчас завел песню Фирс Колосков и ее, распевную и величественную, дружно подхватили казаченьки, ощутившие слитность с вековечным бескрайним простором и распахнутым над ним небом, с родящей землей, подвластной великому празднику весны и обновления. Именно в такие часы особенно остро понимаешь, что ты, казак, значишь сам по себе, чему служишь и какой след проложишь. Не о любви, не о зазнобе станичной, а о давней встрече удалого соплеменника с царем Петром Великим вспомнилось донцам.

Как у нас было, братцы, на святой Руси,
Ой да, в Петербурге было,
Было в славно го... славном городе.
Ой да, там стоят-то, стоят
Три полка ка... три полка казачие.
Как по тех полках государь погуливал.

Фирс сделал короткую паузу, искоса посмотрев на товарищей. Лишь тихий звон удил и перебор копыт размеренно раздавались в тишине. И горделиво подбоченясь правой рукой, на которой петлей была захлестнута плетка, наддал во всю грудь:

Перед ним-то идет вестовой казак.
Он шумит, кричит своим громким голосом:
«Ой да, уж и нет ли у вас
На царя вот охотничка,
На Петра-то царя нет ли поединщика?»
Ой да, ни в одном-то полку
Не было вот охотничка.
Тут лейб-гвардейского полка
Выезжал охотничек.
Ой да, он взял царя за белы груди,
Вот и вдарил его казак о сыру землю.
Вот лежит наш царь, а сам речи говорит:
«Ой да, ну и чем же тебя,
Чем, казак, пожаловать?
Ну, большим чином али золотой казной?»
«Не надо чинов, золотой казны,
Ты пожалей меня, младца, вольной волею :
Ой да, не стоять во строю,
А быть во темном лесу.
Ой да, во темных-то лесах,
Гулять во диких степях!»

Окончили песню вразнобой, из-за того, что запевала, желая удивить односумов, взвинтил свой тено-

рок до предела и долго тянул последнее слово. Прохор Мотовилов, едущий в одном ряду, усмехнулся:

– Ну, и горазд ты на голос, Рыжий. Иде в тебе столь воздуха помещается?

– Как иде? – откликнулся Фирс, сделав удивленную гримасу. – Научил, братцы, один малоросс. Бандурист. Ты, гутарит, дюжей вдыхай и задержку на пупке делай. Стал быть, запас воздуха пропускай в самое нутро, то бишь в желудок и косу. Зараз мы не дневали, с утра маковой росинки во рту не было. Нутро по-рожнее.

– Знамо дело. На язык ты мастер, – подхватил Арженов Петр, урядник. – А мне дюже по духу песни страдательные, про любовь-разлуку. Вот возвратимся на Дон, к бабочкам своим, заиграем...

– Да скорейча бы, сутерпу нету... – вздохнул Бузликин, прозванный после разговора с Суворовым «Заячьим малахаем». – Как ни ночь, так курень снится.

– По дням исчисляя, на замену нам должен был полк из Черкаска уже выйтить, – рассудил урядник. – Завсегда с конца апреля вызывают с чужбины казаков «на льготу». Господин сотник, не слышать про это?

– Ордер поступил. Днями сменят нас, – отозвался Леонтий, оглядывая ближнюю степь со склона довольно затяжного увала. – Мирон и ты, Лихолетов! Спуститесь обратно, прикройте тыл обоза. Грибатов, Калеев и Лукин – вперед, в дозор! Быть начеку!

И на самом деле обоз из семи телег далеко отстал. Подъемные лошади, запряженные парами, за долгий день выбились из сил. Зарей тронулись в дорогу, а уже солнце клонилось к закату. Начальник обоза, провиантмейстер Демидов, ехал также верхом, но предпочитал держаться от охраны в стороне, выказывая свое старшинство. Пора было делать дневку, чтобы после отдыха успеть добраться до Алексеевского редута и там заночевать. Леонтий высматривал подхо-

дящее место. Его ординарец, Василь Мещеряков, указал рукояткой плетки на ручей, отблескивающий не-вдалеке от шляха.

– Кажись, от родника бежит. И деревья рядом. В аккурат коней напоить.

Леонтий тронул, разогнал Айдана. Не отставал и ординарец. Саженьях в двадцати они увидели на прибрежной луговине серые округлые папахи, страннодвигающиеся, точно живые. Приблизившись, уловили слухом неумолчное надсадное шипение и поняли, что это были клубки парующихся гадюк. Даже издали омерзительно было наблюдать, как в узлы вязались десятки змей, шевелясь, сплетались в судорожные кольца, скользили по траве, тускло блестя серой узорчатой чешуей, точно ножны у хищников.

– Фу ты, гадость! – не сдержал своей брезгливости Василь. – Али рубануть их на скаку?

– Нехай, – отмахнулся Леонтий. – Создал Господь всякой твари по паре. Вон, гляди, журавли на болотце. И бабич-птицы. Подберут!

– А за ними – конник! – вдруг вскрикнул ординарец. – Черкес, ваше благородие. И он нас заметил, вон как поскакал!

Леонтий пристально следил за удаляющейся фигурой разведчика. Сердце кольнуло недоброе предчувствие.

Вскоре нашлось удобное становище возле озера из полой воды. Она была настолько прозрачной и тихой, что точь-в-точь отражала небо. Леонтий, наскоро перекусив хлебной лепешкой и куском вяленой баранины, прилег на разостланную бурку. Долила дремота, он с трудом размыкал глаза, следя за казаками, обозниками и лошадьми, пьющими то ли водицу, то ли небесную синеву...

– Почиваете? – услышал Леонтий рядом скрипучий голос и понял, что обращаются к нему. Он повер-

нул голову и встал перед подошедшим к нему высоким и тощим провиантмейстером в застегнутом на все пуговицы драгунском мундире.

– Прапорщик Усков, – представился тот важным голосом. – А вас я знаю. Сотник Ремезов, не так ли?

– Так точно.

– Господин сотник, полагаю, вам известно, что варвары возбудились и на кубанской сторонке, и у нас. Полковник Шульц получил от полковника Фабрициана письмо весьма тревожное. У Мариинской крепости хищники выследили и угнали лошадей. А Бешпагирский редут, под носом у нашей Ставропольской крепости, осаждал крымчак Апакай-мурза со своей шайкой и тоже умыкнул табун. Черти эти кружат поблизости! Извольте, господин Ремезов, построже следить за конвоем. Не песни надо петь, а воров стеречь!

– Премного стараемся. Готовы отразить неприятеля, – сухо и отрывисто возразил Леонтий.

Усков огляделся по сторонам и, вероятно, несколько успокоившись, предложил:

– Хотите закурить? Я купил табаку у Иоганна Бейфорта. Этот предприимчивый немец, узнав об ордере Потемкина о хлебопашестве, виноградарстве и разведении табака, в прошлом году посадил сие растение подле крепости, вырастил, а теперь открыл лавчонку, получил разрешение коменданта и торгует за милую душу... Жарко. Третью неделю ни дождейка. А пора уж! В самый раз для пшенички...

Сотник слушал внимательно и молчаливо. Усков подержал деревянную табакерку в руках и, не обрета себе напарника, снова убрал ее в глубокий карман штанов.

– Развозим муку по крепостям. Третьего дня отпустили в строящуюся Донскую, а теперь вот в другой конец Линии правимся. Туговатое с провиантом в этом году. Слава богу хоперцы отсеялись пшеницей и ро-

жью. Пошлет бог дождя – соберут урожай. Э-хэ-хэ... Я, собственно говоря, хочу обратиться к вам с предложением, – снова официальной интонацией заговорил прапорщик. – Учитывая близость варваров, не соблаговолите ли исключить остановку в мало защищенном Алексеевском редуте, а проследовать напрямую в крепость? Я настаиваю на этом небезосновательно. В противном случае, ежели пятьсот пудов муки доставнутся горцам, ответственность за это понесете вы, господин сотник. И потом... Глупо подвергать свою жизнь столь очевидной угрозе!

– Я думаю, вы правы. Непокойно, – подумав, согласился Леонтий и вскоре поднял казаков.

На закате миновали редут и, приободренные мягкой прохладой майского вечера, решили не останавливаться, а двигаться до пункта назначения. Во влажной темноте, благоухающей цветущим разнотравьем, звонко били перепела. Ласково и безмятежно сияли звезды. Казаки вполголоса балагурили. А у Леонтия на душе было тревожно до тех пор, пока не привела дорога в крепость, таящуюся за земляным валом, на склоне холма.

10

Нападение черкесов полыхнуло в предрассветный час, когда сонно перекликались в казачьем хуторке, приютившемся ниже крепости, голосистые кочета.

Донцам для ночевки отвели край площади, прилегающей к армейской казарме. Ремезов вскочил на ноги одновременно с казаками при первых выстрелах. Вмиг подпоясавшись и схватив оружие, они бросились к крепостному валу. У наблюдательной вышки, пронзенный стрелой, лежал убитый казак. Медный колокол деревянной церквушки бил набат! С угловой

бойницы запыленно, срывая голос, кричал молодой канонир:

– Черкесы конные! Войско огромное! Краю им не видать...

Комендант, секунд-майор Гартог, прибежал впопыхах, вскарабкался по эстакаде на бастион и приложил к правому глазу подзорную трубу. По обыкновению носящий мундир с исключительной аккуратностью, в эту минуту он успел натянуть только штаны и сапоги, оставшись в белой спальней рубашке. Вглядываясь вдаль, он стоял неподвижно, расставив ноги, точно капитан на качающейся палубе. И хотя еще было сумеречно, его взору и всем, кто находился на валу, открылась приближающаяся орда всадников, стягивающихся к крепости с двух сторон. Гуп насчитывал не менее трехсот воинов. Среди них выделялись верховые стяжники с распущенными родовыми флагами. В первых рядах скакали уорки и уздени, защищенные легкими кольчугами и шлемами. За панцирниками следовали ряды стрелков из лука, которые при необходимости меняли древнее оружие на шашки или кинжалы. В арьергард были сведены воины менее опытные и сильные. По разномастной одежде и воинственным несмолкающим возгласам без труда можно было понять, что это – сводное войско, собравшее черкесов, темиргоевцев, абазин, ногайцев. Впереди, дразня своей отвагой караульных и охрану крепости, гарцевали лучники и воины с одними нагайками в руках.

Походный атаман хоперского полка Клим Страшнов, есаул Бабииков, командир донской плусотни, Ремезов и поручик из роты пехотинцев встали рядом с комендантом.

– Пока противник не нашал приступ, взять оборон!– строго приказал Гартог, поворачиваясь к офице-

рам. – Когда отбивать приступ, казаки атаковать фрэг. Меня понять? Команда выполнять!

Комендант остался на бастионе, следя за тем, как заряжают пушки канониры. Он лично принял над ними командование, передавая артиллерии первостепенное значение. Однако не оставлял без контроля и действия офицеров, то и дело посылая к ним адъютантов. К счастью, семь хоперцев, тягловых лошадей и частично скот успели укрыть за крепостным валом.

Под мощные удары походных барабанов черкесы предприняли штурм. Казаки вместе с драгунами, рассредоточившись вдоль западного и южного фаса укрепления, отбивались ружейными залпами. Спешившийся неприятель то бросался вперед сломя голову, стараясь преодолеть земляной вал и ворваться в укрепление, то откатывался вспять, выманивая русских, чтобы сразиться в открытую. Вокруг пласталась пороховая наволочь. И не сразу обороняющиеся смекнули, откуда несло едкой гарью. Неожиданно позади грянули пронзительные крики казачек, и вдоль рядов пронеслось: «Пожар! Часовня горит!»

Леонтий, отбивающийся с казаками в цепи, оглянулся. С восточной, алтарной стороны часовни вставал высокий столб дыма, растекался по небу слоистыми белесыми полосами. Вплотную к ней жались деревянные строения: комендантский дом, кузня и длинная деревянная коновязь, у которой были привязаны лошади. Ремезов отрядил к ним четырех казаков в дополнение к уже побежавшим туда подчиненным Бабикова. Сам есаул оставался на валу, время от времени о чем-то переговариваясь с комендантом Гартогом. Как только казаки оголили участок обороны, черкесы стали приближаться не только на расстояние выстрела, но гораздо ближе, на рубеж, откуда до вала оставалось несколько перебежек. Даже пушечная картечь, осыпающая толпы закубанцев, не мог-

ла остановить натиска. Положение с каждой минутой ухудшалось. Не оставалось иного выхода, как отбросить неприятеля встречной атакой.

– Сотник, в шашки! – сбегая с эстакады, приказал Бабигов. – Пойдем лавой. Прикроешь меня!

Пламя плясало и разбегалось по деревянным стенам и крышам. Ни у кого не закралось сомнения, что поджог сделан умышленно. С пожаром боролись хуторские старики, бабы и нестроевые казаки, в том числе провиантмейстер во главе со священником, отцом Иоанном Никитиным. Воды не жалели, хотя была она привозной. О том, что может случиться осада, и нечего будет пить, никто в этот страшный час не думал. Зато стало ясно, почему с таким остервенением лезут на смерть хищники. Они заранее знали, что часть сил русских отвлечется на спасение православного храма, а стало быть, покорить крепость будет легче.

Казаки уводили от огня взволнованных лошадей расторопно и с расчетом, чтобы удобней было строиться. Когда перед крепостными воротами сомкнулись ряды всадников, Бабигов объяснил Леонтию план атаки, а на вопрос о Касьяне Нартове почему-то промолчал, отъехав в сторону. Походный атаман строил хоперцев чуть в стороне. Какое брать оружие командиры оставили на усмотрение каждого казака. Те, кто был летами постарше, кроме ружей и шашек, прихватили и дротики, свои укороченные пики.

По команде секунд-майора Гартога караульные с двух сторон, разом подняли дубовый, окованный железом щит. В первое мгновение вражеское войско оцепенело от неожиданности. У крепостного вала грудились только пешие, и, увидев казачью конницу, они бросились врассыпную. Донцы, держа шашки наизготовку, быстро настигли их. Хоперцы зашли с левого фланга. Дружно пальнули пушки по задним рядам панцирников, нанося им значительный урон.

Объятый воинственным порывом пашэ, не теряя времени на то, чтобы призвать на помощь какой-нибудь иноплеменный отряд, и презирая опасность, на виду у всего войска бросился очертя голову со своей княжеской дружиной навстречу ненавистным гяурам.

Черкесские конники мчались с одними нагайками в руках. Об этой уловке Леонтий хорошо знал. Ледедил души их многоголосый воинственный клич:

– Еуз! Маржэ!

Саженья в двадцати уорки разом выхватили из чехлов ружья и дали по лаве залп. Сраженные пулями с близкого расстояния, здесь и там с тяжким гулом падали на землю лошади, повергая вместе с собой и казаков. На полном скаку черкесы забросили ружья за спины и выхватили шашки. Миг – и две лавы схлестнулись, оглашая степь звоном булата! Отчаянная рубка не прерывалась ни на минуту. Повсюду сквозь вызвень и скрежет стали слышались ругательства, натужные крики и стоны. Леонтий бился в первом ряду, отражая сокрушительные удары панцирника с лицом, полузакрытым шлемом. Уздень, чувствуя свою неуязвимость, напирал все сильнее. Он пытался сильными ударами выбить из руки казака шашку и без промедления прикончить его. В разгар боя односумы, прикрывающие сотника с двух сторон, потеснили противников. И неповоротливый уздень оказался в одиночестве. Его отлично выученный гнедой жеребец стал пятиться, ровняясь с другими лошадьми из княжеского табуна. Леонтий, подумав, что стал недостижим для врага, рванул коня вправо, чтобы было сподручней нанести удар шашкой. Рядом промчалась вороная, с которой свисал, застряв одной ногой в стремяни, очевидно, мертвый уорк. Леонтий пропустил момент, когда притворщик одним рывком вскинулся в седле, выхватил из чехла ружье и в упор выстрелил в шею Айдана. Струя темной крови залила Леонтию

грудь. Теряя ход, казачий конь зашатался. Сделав еще несколько шагов, стал на передние колена, точно стараясь не причинить хозяину вреда, и – замертво рухнул. Леонтий отбивался от окруживших горских воинов из последних сил, отчаянно и яростно. И все же смутно надеялся, что казаки, сражающиеся в гуще вражеской конницы, отобьют его, выручат. Но в одно мгновение брошенный с коня аркан захлестнулся на его горле и сдернул с места. Падая, Леонтий успел схватиться за веревочную петлю руками, и это спасло его от верной гибели. Волоком казака оттащили в сторону. С удивлением обнаружив, что гяур жив, пленивший его абазин-абрек очень обрадовался и тут же перепродал черкесскому узденю Мусе-бею. Со связанными назад руками, избитого, Леонтия швырнули на землю, на истоптанный копытами пырей рядом с завернутыми в бурки и холсты убитыми правовеерными. Их было немало. Еще утром эти люди встречали солнце, были бодрыми и полными желанья обрести ратную славу. Русские убили их. И, вероятно, его, пленного, еще до заката предадут жестокой казни. Окончательное слово после боя – за предводителем.

Превозмогая боль во всем теле, Леонтий повернулся лицом к крепости, осажденной горцами. С бастаионов прицельно палили пушки, отгоняя их все дальше. Видимо, пашэ разуверился в успехе и намеривался отступить. Над уцелевшим крестом часовни ясно голубел небосвод, – значит, потушили пожар. И крепость стояла на том же самом холме, и солнце привычно бороздило небесную высь, и так же пахли стебли и листочки молодой травы, по которым пробегали юркие муравьи, а для него, Леонтия, мир земной стал совершенно иным, – мучительным и враждебным. Но и в этот час, на краю неволи или смерти, сотник Ремезов с удовлетворением подумал, что ни он, ни его ка-

заки, служа Державе и вере православной, не дрогнули, не преклонились ворогу...

Штурм Ставропольской крепости был предпринят полторататышным войском черкесского князя Дулак-султана. То, что его уорки, имея многократное преимущество в силе, не смогли взять ни Алексеевский редут, ни Александровскую крепость, предводителя ничуть не смутило. По донесению своих шпионов, армянских купцов: Артемия Васканова, Петра Сергеева, Паннуса Тухманова и других, имеющих билеты для посещения укреплений, князь знал, что в этой крепости малочисленный гарнизон. Несколько рот драгун – горстка по сравнению с его силами. Имелась, правда, артиллерия. Однако ночью пушки становятся слепыми, как кроты. План захвата ненавистой крепости был продуман до мелочей.

Осада началась вечером. Спешившиеся черкесы, прошивая воздух градом стрел, паля из ружей наугад приблизились к крепостной стене. Но ответные пушечные залпы картечью скосили несколько рядов атакующих. Неудачей окончилась попытка и ворваться в хоперскую станицу. Дулак-султан отступил на версту, в лес, а утром решил «выкурить» казаков из укрытия, поджечь забор из бревен. Наверняка им на выручку выступят из крепости солдаты, и стремительным ударом конницы появится возможность ворваться в цитадель через открытые ворота.

Но жажда наживы и ненависть сыграли с Дулак-султаном злую шутку. Когда факельщики стали поджигать палисад, из ворот крепости, по склону, лавиной неожиданно стекли две сотни донцов полковника Кутейникова, за день до этого прибывшие в крепость. Черкесская конница только подтягивалась к месту сбора, и атака казаков застала уорков врасплох. Сабельный бой смерчем пронесся по засеянному пшеницей полю. Сражение длилось почти до вечера, то

затухая, то ожесточаясь с новой силой. Погибли лучшие воины Дулак-султана. Опасаясь подкрепления из крепости и прибытия новой партии донских казаков, он приказал поспешно отступать. А затем, дав волю негодованию, развернул войско на север и совершил набег на касайских татар, отказавшихся с ним воевать против русских.

Часть вторая

1

Вся Линия была охвачена пламенем войны. Одновременное выступление горских войск на ее левом и правом фланге было скоординировано черкесскими и кабардинскими вождями, благодаря посредничеству Порты. Мартовская конвенция обезопасила турецкие владения и развязала султану руки. Не дожидаясь, когда Крым и Кубань будут очищены от российских войск, он целенаправленно усилил деятельность своего правительства на Кавказе. Прежде всего, этому способствовало успешное распространение среди горских народов магометанства. Исламские проповедники, не жалея сил и даже жизни, непрерывно вели агитацию в аулах, крепостях и княжествах. Они внедрялись в отряды, сопровождали воинов в походах, на равных участвуя в боевых действиях. Мулл безошибочно узнавали по общепринятой примете: масть их лошадей была только игренево́й.

Если многие старейшины упорно отстаивали языческие верования и традиции, доставшиеся от пращуров, то молодые князья и уздени, алчные дворяне, прельщенные дорогими подарками и пиастрами, посулами турок взять кавказские племена под защиту, охотно клялись на Коране, принуждали свой люд принимать ислам. А поскольку духовным калифом всех правоверных признавался Абдул-Резак, то

фактически султанская власть распространялась и на кавказских вождей. Люди смелые и опытные, они бы не стали собирать подданных в многотысячные войска и открыто вступать в смертельную битву с российской царицей, если бы не делали ставку на мощь османской армии. Откуда им было знать, мало искушенным в политических интригах, что Порты никогда не станет жертвовать своими сынами ради каких-то полудиких народов. Нет уж, пусть они сами сражаются с гяурами, убивают их, разрушают крепости и угоняют скот. Долг султана воодушевлять единоверцев и укреплять свое влияние подачками тем, кто отстаивает интересы его страны. Чем больше увязнут русские на Кавказе, тем станут сговорчивей. Шагин-Гирея рассматривали в Константинополе как временную фигуру. Неоднократно брат хана, Батыр-Гирей, встречался с высокопоставленными турецкими лицами и искал у них поддержки, ссылаясь, что закубанцы и большинство соплеменников хотят видеть именно его на крымском престоле. И свои слова он подтверждал враждебными выпадами против Бахчисарая и русских, отказываясь подчиняться. Султан и рейс-эфенди держали этого наследника Гиреев на примете. Словом, Крым и Кавказ – это две чаши весов, зависимые одна от другой. И султан, готовясь к новой войне с Россией, старался ловко ими балансировать...

Записи в дневнике российского агента Александра Зодича.

«30-е мая. Уже почти два месяца я на Кавказе. Положение весьма незавидное. Сначала меня привезли в лесное урочище, где скапливались кабардинские отряды. Князь Баматов, избранный дзэпцем отнесся ко мне заинтересованно и пообещал содействие в приобретении нужного товара. За несколько дней я собрал весьма важные сведения. Признаться, было неожиданностью увидеть столько ратников. Командиры,

их приближенные и многие воины отлично вооружены. Но всего сильнее поразили меня лошади. Они, местной кабардинской породы, выведены естественным путем. Вероятно, в них смешалась кровь и арабов, и дончаков, и ахалтекинцев. Во-первых, лошади умны и поддаются дрессировке. Во-вторых, на редкость выносливы и резвы. Как уверяет приставленный к нам с Пьером толмач-турок, в сутки они могут отмахать сотню верст.

Да, я уже собрался было отправиться в Крым. Но мой слуга, этот неугомонный враль, ненароком познакомился с перебежчиком из русской армии, ротмистром Гуткевичем. Они разболтались, и предатель дословно передал кабардинцам выдумку Пьера. Езбаздук Канаметов, главный у кабардинцев по части разведки, с пристрастием допрашивал меня, выясняя, почему скрыл, что обучен врачеванию. Я, как мог, разубеждал его, доказывал, что это блеф. Да и Пьер покаялся в том, что черт попутал. Тем не менее князь заподозрил меня в шпионаже. Недаром заметил, что если бы не турецкий аттестат, то со мной поступили бы иначе.

2-е июня. После грабежа хищниками скота у крепостей Екатериноградской и Мариинской дзэпщ двинул к российским позициям свою шеститысячную армию. Она разбита на три группировки. Одну возглавил сам князь, другие – Хамурза Кайтукин и Карамурза. Ротмистр набивается мне в приятели. С превеликим удовольствием я влепил бы этому негодяю пулю в лоб! Он похваляется своим положением у кабардинцев (они просто глумятся над ним), пачкает имя императрицы, много пьет бузы. Он же поведал, что кабардинцы подкупили армянского купца (его точная фамилия – Васканов), чтобы тот вместе со товарищи сделал поджоги в нескольких крепостях.

15-е июня. Поход Баматова завершился трагедией. Об этом рассказал мне Гуткевич, раненый в руку. Кабардинцы начали с наступления по трем направлениям: лагерь Якоби в крепости Павловской, сводный казачье-калмыцкий сикурс и крепость Мариинская. Получив достойный отпор от Якоби и казаков, кабардинские отряды соединились и все вместе, имея огромный численный перевес, обрушились на оную крепость. Канониры частыми залпами охладили их пыл. Тогда дзэпщ приказал приступить к так называемой правильной осаде. Во-первых, были отрезаны пути сношения с другими укреплениями и потеряна возможность пополнения запасов провианта. Во-вторых, из квадратов ивового плетня, между которыми поместили грунт и гравий, мастеровыми были сооружены особые приспособления на тележных колесах. Защищаясь этими передвижными щитами, отважные уорки приблизились к крепостному валу, готовясь к последнему штурму. Другие при помощи кинжалов прорыли к нему траншеи. Ротмистр, участвовавший в этом деле, нарисовал даже план операции. Шел уже седьмой день противоборства, и наверняка бы крепость пала, несмотря на геройство волжских казаков (один из них попал в плен) и их жен, которые в мундирах находились тут же, на валу, и палили по врагам из ружей. В самый критический момент со стороны долины показали отряды казаков, артиллерии и пехоты, выстроенной в три каре. Баматову был навязан арьергардный бой. В разгар его казачьи эскадроны высыпали из ворот крепости и смешали ряды кабардинцев, отнюдь не ожидавших такой дерзости защитников крепости. Сражение свершилось настолько жестокое, что земля, по словам ротмистра, была полита кровью. Сам он едва унес ноги, как и его новые сослуживцы, за Малку. Сотни трупов были брошены кабардинцами на поле битвы. Погибли достойные дети ка-

бардинского народа. Вот чем оплатил Баматов и его приспешники свою ненависть к России. Как ни вспомнить теперь с особым уважением о валии Татарханове, который, как мне рассказывали, пытался всеми силами остановить этих безумцев. Впрочем, они разбиты, но не сломлены.

23-е июля. Вопреки моему требованию дать возможность выехать в Крым, большой князь Баматов временно поселил меня у владельца Алихана, который принимал участие в баталии подле Мариинской и потерял там двух своих сыновей. Тут же, кроме нас с Пьером, два пленника-казака. Волжского зовут Фролом, а донского – Леонтием. Первого пленили в недавнем бою, а второго привез и продал Алихану мой бывший попутчик армянин, состоящий у кабардинцев осведомителем. Казаков содержат впроголодь и, набив на ноги по колоде, заставляют убирать на конюшне, ворошить и складывать в стога сено, таскать водовозку. Рабское положение обоих угнетает. Я подслушал их разговор, в котором они обсуждали побег. Разумеется, без помощи это сделать невозможно.

5-е августа. Князю Алихану привезли секретный приказ императрицы, перехваченный у русской почты. Тайком я почти полностью переписал его. В нем она призывает наладить с кабардинцами мир, а в противном случае – дать отпор.

Увы, государыне неизвестно, что в Кабарду нахлынули турецкие проповедники и шпионы, в один голос утверждающие, что скоро придет на помощь Аджа Али-бек со своим корпусом янычар».

2

В течение полутора месяцев Мисост Баматов, оправляясь от тяжелой неудачи, заново формировал армию, одновременно ведя переговоры с русскими. Его требование было непреложным: скрыть все кре-

пости и упразднить Линию. За это он обещал возмещение скотом и золотом. Главнокомандующий Якоби эти наивные предложения оставлял без ответа. Уже совсем иной расклад сил был у него на первой дистанции Линии с прибытием новых частей. К Павловской крепости были стянуты Томский пехотный полк, четыре роты Кабардинского полка, Кабардинский егерский батальон, Моздокский батальон, Моздокский казачий полк под командованием подполковника Савельева, два полка донских казаков, несколько сотен Семеновских и Гребенских казаков. Сверх того, ожидалось еще войсковое пополнение.

В конце июля кабардинское войско расположилось вблизи речной долины Малки, в двадцати верстах от лагеря Якоби. Мелкие отряды их беспрестанно тревожили русские пикеты. А уже в первый день августа состоялся продолжительный бой, после которого неприятель снова откатился к Малке.

Командир Томского полка, Густав фон Штрэндман, с прибытием на Линию не скрывал воинственного настроения. И когда полковник Шульца прибыл со своими драгунами в русский лагерь, не преминул выразить ему при встрече свое расположение.

– Я рад видеть вас, барон! Вечер, проведенный в Ставропольской крепости, незабываем. Ваша жена. Шарлотта, играла на клавикордах и пела изумительно. Я, оторванный от родных, ощутил в душе горячее тепло...

Шульц, приветствуя потомка остзейских дворян и крепко пожимая ему руку, улыбнулся:

– Моя супруга здесь. Только вы вряд ли узнаете – она одета драгуном. Надеюсь, в будущем у вас найдется возможность заглянуть на часок в мою походную палатку.

– Непременно! Как прошел ваш поход?

– Без особых приключений. Я привел полк почти в полном составе. А в Ставропольской крепости нас заменил Ладожский полк генерала Пиля.

– Пиля? Имел честь познакомиться с этим заносчивым и грубым солдафоном. По-моему, в армии его презирают за тяжелый характер и трусость... Однако пользуюсь тем, что мы тет-а-тет, я хотел бы поделиться некоторыми соображениями.

Полковники отошли в сторону от штаба Якоби, расположенного в здании крепостного коменданта, в тень могучего грецкого ореха. Жаркий день начала августа становился мучителен. Расстегнув верхнюю пуговицу мундира, Шульц обернулся к новому знакомому и приготовился слушать.

– Замечу, Вильгельм Васильевич, – не без раздражения начал Штрандман, – что сил у нас теперь предостаточно. Генерал Якоби, о геройстве которого я наслышан, не предпринимает, однако, никаких действий. Вы, помнится, говорили, что начинали службу в австрийской армии. И вам нечего объяснять, что такое ордер-де-баталь или поэн-де-вю. Противник расположился на расстоянии одного перехода или двух часов броска конницы. Его конники не прекращают свои вылазки. Ежедневно в лагере тревога. Солдатам в такую жару не разрешено раздеваться, а спать они должны перед фронтом возле своих ружей. Это издевательство!

Шульц слушал с некоторым недоверием, щуря свои темные выразительные глаза.

– Да, возможно, я ошибаюсь, – поправился Штрандман. – Но как объяснить приказ главнокомандующего, данный неделю назад? Моему полку было велено покинуть прежние позиции и расположиться в двух верстах от Павловской крепости с южной стороны. Места отвели нам крайне мало, лагерь растянулся. Притык к нему, и в переднем, и в заднем фесе стояли казаки, а

мои мушкетерские роты были поставлены на флангах обоих фасов. Получился параллелограмм! Такой приказ мог дать только невежественный офицер.

– Я думаю, это недоразумение исправимо. В секретном письме государыня остерегает от излишнего кровопролития.

– Но в нем она и указывает, что пора наказать дерзость кабардинцев.

Шульц развел руками. Определенного ответа у него не нашлось. Каждый понимал наставления Екатерины по-своему.

Несмотря на военное положение, крепости жили своей обыденной жизнью. Под охраной сродников волжские казаки ездили на молотьбу хлеба в Наурскую станицу, пасли днем лошадей в выжженной солнцем степи поблизости от фронта лагеря, рыли рвы и метлами зашибали саранчу, уничтожающую остатки травы. Сено заготавливали за пятнадцать верст, но его не хватало. Кони донельзя похудели и ослабли. Во вьючном гурте начался падеж.

На исходе августа, при переправе через Куму близ Георгиевской крепости, большой транспорт с провиантом из пятисот фур, который от самого Царицына прикрывал горский егерский батальон под командованием подполковника Великопольского, был атакован войском кабардинцев. В затыжном, ожесточенном бою они потеряли более ста воинов убитыми и ранеными, причинив урон русским значительно меньше. И на этот раз хищникам поживиться не удалось. Обоз благополучно прибыл в Павловскую цитадель.

3

В царском дворце – переполох. Фаворит получил отставку. В это поверить было невозможно, как в то, что земля может взлететь на небо. Давно уж замечало окружение императрицы флирт ее баловня, «милого

Ванечки», с графиней Брюс, но кто бы решился намекнуть об этом?

Тем не менее изгнание Корсакова и статс-дамы совершилось скоропалительно. И вскоре по столице поползла веселенькая сплетня. Якобы Екатерина Алексеевна неожиданно и тайком пожаловала к своему златовласому «Пирру». Вот вошла она в покои фаворита, услышав стоны, быстро отворила в спальню дверь. И что же за нею? А увидела она собственными глазами сцену преразвратную: Ванечка в голотелесном виде лобзал ни кого-нибудь, а Прасковью Брюсшу, вернейшую подругу, раздетую донага. И будто бы виновницей сего казуса была фрейлина, одна из племянниц Потемкина, смело доложившая своей покровительнице о вероломстве избранника.

Основания, действительно, имелись, чтобы в это поверить. Однако всё было гораздо прозаичней. Фаворит Корсаков, малообразованный и тщеславный вертопрах, потерял под ногами почву. В дурмане похвал и успеха у женщин он забыл, кому обязан положением при Дворе. И часто навещая клан Орловых, приклонился к нему. И в самозабвенном порыве преданности брякнул во всеуслышание, что Потемкин – общий враг.

Об этом донесли императрице. Больше Корсаков не был к ней допущен. А прощальное назидание от любовницы получил довольно резкое. Зато Потемкину написала Екатерина почти в тот же день письмо столь ласковое:

«Слышу я, батинька, что ты живешь в лагере. Весьма опасаясь, что простудишься. Пожалуй к нам в покой; каков ни есть – суше и теплее, нежели в палатке. Мне кажется, год, как тебя не видала. Ау, ау, сокол мой дорогой. Позволь себя вабить. Давно и долго ты очень на отлете».

Едва затрагивалась честь «венчанного мужа», Екатерина Алексеевна обращала свое сердце в камень. Впрочем, расставаясь, пожаловала «Ванечке» дом в столице на Дворцовой набережной, имение в Могилевской губернии, 6000 душ крестьян, 200000 тысяч рублей и еще драгоценностей на 400000 рублей...

Кавказ далеко от столицы.

За день строительной работы на Линии солдат получал 5 копеек. А обещанные подъемные в размере 20-ти рублей семьям хоперских казаков вообще не выплатили. В крепостях не хватало хлеба, пороха, медикаментов. От бескормицы и сапа гибли лошади. Видимо, в течение двух месяцев влюбленной императрице недосуг было доподлинно разузнать, каково положение Астраханского корпуса.

Главкомандующий Якоби собрал по приезду в Павловскую крепость генерал-майора Фабрициана своих командиров. Сентябрь истекал, близилось ненастье, и требовалось без промедления предпринимать меры к беспрестанно нападавшим кабардинцам.

– Господа! Я должен объясниться, – начал Якоби, высокомерно оглядывая сидевших за длинным столом офицеров. – Некоторые из вас, хотя и витиевато, но недвусмысленно упрекают меня в бездействии. Наипаче того, в трусости! Желая напомнить, что недаром служу Отечеству, и окупил на бранном поле воинское звание и почести от царицы.

Иван Варфоломеевич по-стариковски крикнул, сдерживая волнение.

– Так вот, любезные господа! Я твердо следую ордеру императрицы, присланному князем Потемкиным. В нем ясным духом сказано, чтобы военных операций супротив кабардинцев мы не предпринимали. В России устоялся мир. И нарушать его государыней не дозволяется!

Штрандман искоса посмотрел на сослуживцев. Полковники Ладыженский, Шульц, подполковники Великопольский и Ток сидели в напряженных позах, с хмурыми лицами. Это объяснение они слышали уже не впервые. С каждым днем хищники являли все больше дерзости, убивая солдат и казаков на кордонах, грабя подводы с рожью и просом, отрезая сообщение между крепостями. Лишь казачий полковник Савельев браво держал голову кверху.

– Ваше превосходительство, – обратился Фабрициан ровным и четким голосом. – За эти дни уже пять раз солдаты становились под ружье. Нападению подверглись пикеты. Злоумышленники подожгли заречный луг и траву перед фронтом крепости. Мне доложили господа офицеры, что негде стало заготавливать сено. А варвары огромными толпами скапливаются на курганах, в двух верстах от наших позиций.

– Они завсегда так, – вполголоса бросил Савельев, не без досады подумав про себя, что за столом все, кроме него и Ладыженского, сущие пруссаки.

– Мы поставлены перед выбором, – жестче сказал Фабрициан. – Либо далее мучить наших солдат, рискуя их и собственными животами, либо разбить и отогнать прочь разбойников.

Новоприбывшему генералу было всего за сорок. Светловолосый, с большими залысинами, он выглядел старше своих лет, За свою бурную службу, опаленную и Семилетней войной, и русско-турецкой, Федор Иванович был четырежды тяжело ранен, стал кавалером ордена Святой Анны. И ничуть не утратил прежней храбрости и особого, заботливого отношения к подчиненным.

– Я понимаю вас, генерал-майор, – иронично ответил Якоби и развел руками. – Не от меня зависит сие.

– В таком случае, необходимо направить Потемкину рескрипт об истинном положении на границе, – предложил Штрандман.

– Я неоднократно доносил князю, – раздраженно парировал Якоби.

Фабрициан оживился.

– А нельзя ли ознакомиться с ордером государыни, дабы подготовить разъяснительное письмо?

Якоби с неудовольствием передал ему сафьяновую папку. Савельев, воспользовавшись паузой, заметил:

– Кабардинцы по аулам разъедутся, как только дожди зарядят. Почто же казаков и служивых на смерть вести? Обождать надо, так считаю.

Ему снова возразил Штрандман, найдя поддержку у Ладыженского. Якоби, не вмешиваясь в спор, подслеповато смотрел на Фабрициана, которому намерился в будущем переподчинить полки. Должность губернатора отвлекла его от множества гражданских дел. Наконец Федор Иванович поднял голову.

– Ваше превосходительство, Иван Варфоломеевич, позвольте изложить собственное мнение. Полагаю, что слова императрицы вы трактуете не вполне верно.

– С чего вы, государь, так решили? – вспыхнул Якоби, вскинув руку и краснея всем лицом.

– Послушайте. «По дошедшим к нам известиям о чинимых от кабардинцев беспокойствах и неоднократном нападении их вооруженною рукою на учрежденную нами Моздокскую линию, повелеваем вам, для обуздания их, по рассмотрению вашему, учинить отряд войск, коим, наказав дерзость оных, привести их в надлежащее повиновение и тишину». А далее – пожелание сделать это без излишней жестокости, предварив военные действия переговорами.

– Я полностью разделяю эту точку зрения! – воскликнул Штрандман, выразительно глядя на главнокомандующего.

Якоби задумчиво молчал. А Фабрициан, между тем, передал папку Ладыженскому, прежде не читавшему послания императрицы. Фортификатор и командир Кабардинского полка пользовался всеобщим уважением.

– И каково ваше мнение, Николай Николаевич? – подождав, поинтересовался главнокомандующий.

– Вот это место: «Привесть их в повиновение и тишину», – прямое повеление не терпеть унижения от неприятеля. У нас, если судить объективно, достаточно сил.

– Убежден, ваше превосходительство, что назрела необходимость провести усмирительную акцию против враждебных князей, – заключил Фабрициан.

Как ни колебался Якоби, боясь за свою репутацию, но дал приказ готовиться к походу на Малку. Утверждение плана операции было намечено на следующий вечер, перед выступлением из лагеря.

4

Зодича подняли утром громкие голоса и перестук подков о камни, устилавшие двор. В тусклое окошко мазанки было видно, как княжеский помощник Батоко и еще два всадника, спешившись, возились у ворот. И вскоре в крепость въехала повозка. Через минуту ее окружили мужчины, оставшиеся здесь. Батоко с горестным причитанием воззвал к Аллаху, повторяя, вероятно, слова из Корана. Правоверные, встав на колени, вознесли молитву. И следом из повозки достали завернутое в бурку человеческое тело.

– Что произошло? – выйдя из мазанки, спросил Зодич у ногайца-пастуха, выгонявшего коз.

– Беда! Аллах забрал к себе князя Алихана.

До полудня мулла с мужчинами, съехавшими из соседних аулов, проводил погребальный ритуал. Рядом с крепостью, на склоне горы копали могилу. Зодич, на всякий случай, посоветовал Пьеру не попадаться на глаза уоркам, потерявшим предводителя.

Вечером французского врачавателя потребовал к себе Батоко. Зодича привели прямо в парадный зал. В княжеском кресле восседал восемнадцатилетний юноша. Это было невероятно.

– Князь Алихан завещал мне княжество, – объявил Батоко по-турецки, высокомерно взирая на посетителя. – Ночью ты поедешь со мной на Малку. Будет большая битва. Урусы покинули крепость.

Зодич, обдумывая возникшую ситуацию, не торопился отвечать.. Осторожно напомнил:

– Я повторю, что мои познания в медицине ничтожны. Мой слуга попросту болтун.

– Ты поедешь! Много славных уорков погибло прошлой ночью, когда враги внезапно напали на нас! – не тая гнева, вымолвил Батоко. – Сколь малой ни была бы твоя помощь, она нужна воинам. Я забираю с собой всех мужчин, кто способен сидеть в седле.

– В таком случае, коль неизбежна баталия, возникнет нужда в тех, кто будет с поля брани выносить раненых и убиенных. Мне потребны помощники. Кроме моего слуги, – еще двое. Например, пленники. Пусть силенок у них немного, зато обстреляны и при выстрелах не сбегут.

– Пусть так. Отвечать за них будешь головой, если замыслил худое. А колоды снимем на месте. Ступай!

– Позвольте напомнить, мой друг, что я нахожусь под покровительством султана Порты! – урезонил Зодич. – Я не приемлю насильственного обращения.

– Видит Аллах, я не хотел тебя обидеть. Я заплачу за лечение...

Превращение, произошедшее за несколько месяцев с Батоко, было поразительным. Постоянно находясь в отряде, он возмужал буквально на глазах. Немало захватил добычи и пленников, в открытом бою отправил на тот свет нескольких кафиров. В нем крепло желание власти, могущества в жизни. И сегодня, предав земле тело своего деда, он точно заново родился! Завещание Алихана, хранившееся у муллы, вознесло его на княжеский трон. Батоко испытывал и хмель от исполнения затаенной в душе мечты, и печаль одиночества. Кто теперь наставит его на путь истинный, когда не стало рядом мудрого советчика? Мир распахнулся перед ним, маня страстями и желаниями. Он ничего не боялся, и был готов в завтрашнем бою с неверными доказать, что достоин княжеского титула!..

Зодич вошел в козий сарай, где ютились пленные. Пастух еще не вернулся со стадом. И казаки, которым в этот день траура показываться на дворе запретили, были одни. В тесном и сумрачном помещении стоял резкий специфический запах, и отдавало навозом. Казаки лежали на ворохе старого сена, прикрытом дерюжками и кусками овчины.

– Во! Мать честна... Зачем это хранцуз приперся? – проворчал удивленный Фрол, садясь и поправляя тяжелую колоду на левой ноге. Леонтий, облокотившись на одну руку, тоже привстал. Оба они, в изорванных грязных мундирах, вид имели измученный и жалкий. Зодич, притворив дверь, вдруг прервал молчание родной речью:

– Я – капитан русской армии. И слышал, о чем вы договаривались. Час близок! Побег совершим, господа казаки, вместе...

Ночь на исходе сентября выдалась промозглой. Княжеский отряд торопил коней к кабардинскому лагерю у Малки, обмелевшей от долгого бездождья. Батоко в новом качестве чувствовал себя несколько ско-

ванно. И чтобы скрыть это, в отличие от старого князя довольно много говорил по дороге, отдавал приказы. Дозорные то и дело вырывались вперед, опасаясь стычки с русскими. Француз, вооруженный пистолетом и шашкой, и слуга его ехали верхом, а пленников везли на подводе, переданной врачевателю для пользования. Леонтий осматривался по сторонам, стараясь даже в темноте по отдельным приметам запоминать дорогу. По уговору они с Фролом должны не сводить с француза глаз и точно выполнять его команды. Необходимо было только выбрать удачный момент.

Он возник ранним утром, в самом конце пути, когда с увала открылась всхолмленная равнина, на крутом северном берегу Малки рощица и становище кабардинского войска на острове. Оно было с трех сторон окружено русскими полками. Причем, со стороны Кабарды позиции заняли казачьи полки. Сражение назревало, судя по передвижению артиллерийских упряжек и отдельных батальонов. Батоко срыву погнал коня по спуску, увлекая за собой отряд. Всего один охранник остался возле повозки. Когда молодой князь удалился на версту с лишком, Зодич выстрелом из пистолета сразил уорка. А пожилому вознице, побледневшему от страха, жестами приказал выпрячь лошадей. Ему стали помогать Леонтий и Фрол. Ключи от их колод, вероятно, увез кто-то из отряда. Старик помог казакам взобраться на лошадей.

На северном берегу, откуда кабардинский лагерь был как на ладони, были видны позиции русской артиллерии. Зодич, долго не раздумывая, направился туда. Отчаянных всадников заметили с обеих сторон. Но преследовать беглецов Батоко уже не мог, поскольку с боем прорывался к своим, а канониры спокойно ожидали приближение неизвестных конников, – у солдат, охраняющих пушки и гаубицы, мушкетеры были заряжены.

– Не стреляйте! Мы – русские! – издали прокричал Зодич, приостанавливая коня, и ему еще громче вторили казаки. Но их крики перекрыла мощная ружейная канонада с противоположного берега, который заполнили русские егеря. Зажатое в клещи кабардинское войско ответно подняло пальбу, хотя их выстрелы звучали гораздо реже.

Командир батареи, моложавый капитан, выслушал Зодича с подозрительным видом и приказал адъютанту отвести вышедших из плена в тыл и держать их там, пока не завершится баталия.

Над речной долиной, затянутой тучами, вставали дымы сражения: белыми кустиками вырастали из стволов ружей, сизыми пластами стлались над позициями кабардинцев, стреляющих из старинных пицалей, черными клубами вихрились после пушечных выстрелов. Зодич сверху наблюдал бой в течение трех часов. Многократное преимущество в силе у русских не давало кабардинцам никакой надежды. Хотя становилось их всё меньше и меньше, но по-прежнему сражались уорки до конца. Только малой горстке храбрецов удалось вырваться из западни и переправиться на противоположный берег.

Вечером Зодич добился аудиенции у генерала Якоби, который отнесся к бежавшему из плена императорскому confidentу с вниманием, – уж чин больно высокий. Иван Варфоломеевич находился в приподнятом настроении после одержанной корпусом виктории. Ценные сведения, полученные от Зодича, еще больше его воодушевили.

– Значит, простой народ тянется к нам? – переспросил он с удивлением. – Даст бог, валий Татарханов образумит князей. Сегодня сражение было весьма жестоким! Представьте, большинство в отряде составляли князья и родовитые дворяне. Мы не только побии злодеев, – не менее полутысячи, но и захвати-

ли их лагерь. Двести кибиток, пушки, запас провианта. Меня подталкивали офицеры на то, чтобы продолжить преследование. Но я поостерегся. Думаю, и этот урок пойдет недругам на пользу. Мы отогнали их на Баксан.

– Поздравляю, ваше превосходительство! Кабардинцы – достойные воины. И победа над ними особенно похвальна. Прежде чем завтра отправлюсь в Петербург, хочу попросить вас о своих приятелях. Со мной бежали два казака. Распорядитесь дать им отдых. Смее уверить, что оба – герои.

Якоби, отнотившийся к солдатам, как к простым пешкам, однако, пообещал это сделать. Но, увы, позабыл...

5

Леонтий Ремезов был зачислен казаком (до выяснения обстоятельств пленения) в полк Кутейникова, прибывший в конце лета из Ставропольской крепости. Нежданно-негаданно в нем оказался Касьян Нартов, тоже в рядовых. Выяснилось только теперь, почему сотник Бабилов не ответил Леонтию на его вопрос о приятеле. Стосковавшись сердцем по матери и родине, Касьян дезертировал. Дома пробыл один денек и явился в военную канцелярию с повинной. За это его наказали всего лишь розгами, разжаловали и призвали в полк, где недоставало казаков. Ухарь-казак слыл в сотне любимцем. Потому рядом с дружкой детства и Леонтию приживаться в полку было проще. После рабской неволи, в которой любой час мог стать последним, Леонтий не сразу обрел былую крепость духа. Но набирая силы на крутом бараньем кулеше, срастаясь душой с земляками, он как будто воскрес заново, ощутив воинственный пыл и уверенность. И точно желая доказать отвагу, лез сломя голову в са-

мое пекло скоротечных стычек с хищниками. По всему, войне с ними конца-края не видать...

И снова главнокомандующий Якоби совершил роковую ошибку. По словам пленных, если бы русские (как предлагал Фабрициан) стали преследовать кабардинцев после сражения на Малке, у дзэпца Бамадова не нашлось бы иного выхода, как покориться.

Напротив, Якоби отвел свои полки с речных берегов, где был высокий травостой и раздолье для лошадей, обратно в крепость Святого Павла. Почтенный возраст, – уже пятьдесят три, – клонил Ивана Варфоломеевича к уюту, определенности, тишине. Губернаторствовать бы ему, вершить дела в партикулярном платье, а не трястись на прыткой кобыле или в экипаже! Так нет же, возложила императрица вериги командующего кавказскими войсками. А их – много, и как охватить все рассудком?

Весь октябрь, дождливый и ветреный, в полках корпуса была острая нужда в провианте. А вследствие преступного нерадения фуражиров (особенно в Томском полку), не заготовивших вовремя овса и сена, лошади отощали настолько, что начался падеж. Лишь в начале ноября из Астрахани прибыли транспорты с мукой, крупами, рыбой и овсом. Но этого оказалось ничтожно мало! У кого только можно: у терских казаков в станицах, у кабардинцев и ногайцев покупали сено и овес за баснословные деньги. Пуд сена стоил 50 копеек, а четверть овса – более 2-х рублей. Командиры полков помощи от командующего корпусом, к сожаленью, не получали.

А Якоби ударился в дипломатию. Для переговоров к нему в лагерь несколько раз приезжал доверенный враждующей стороны князь Шамгар со свитой. Он прельщал богатой данью: лошадьми, скотом, золотом, заверял в дружеском расположении к России. А требовал лишь одного: уничтожить Линию и

скрыть крепости. В конце концов, ничего толком не добившись, кабардинцы прислали Ивану Варфаломеевичу оскорбительное письмо. И он, уже почивший на лаврах от будущего успеха переговоров, вдруг прозрел и понял, что напрасно поддался тогда, после победы на Малке, излишней осмотрительности. Переложив всю ответственность на Фабрициана, командующий поручил ему подготовку экспедиции на Баксан, дабы обезопасить зимние квартиры.

27-го ноября в пять часов пополудни русская армия выступила от крепости Святого Павла тремя колоннами, разделенными кавалерийскими группами. В их составе – два донских полка. Леонтий держался в одном ряду с Касьяном.

– И чегой-то на ночь глядя да в такой мороз тронулись? – сердито бормотал немолодой, длинноусый низовец, едущий впереди. – Гутарят, до этого самого Баксана шестьдесят верст. Замерзнем, к черту!

– Должно не мене, раз приказали наготовить сухарей ажник на десять денечков, – отозвался суровый бородач. – Снег выпал. Это погано!

– Потому и полковники верхами скачут, а не в экипажах, – заметил Касьян. – Нехай узнают, как нашему брату казаку служба достается...

– Один командующий в экипаже, – поправил урядник. – Ему полагается!

За полночь достигли быстроводной Малки. Она не покрылась льдом, несмотря на морозы. Казаки переехали на лошадях, а пехотинцы, подгоняемые командирами, кинулись переправляться вброд, хотя у егерей имелся понтонный мост. Его разворачивать не стали. Кто был повинен в этом преступном нерадении, у Леонтия ответа сразу не нашлось. Ведь были же запасные лошади! Он ошибочно подумал, что армия тут же станет на бивак, солдаты перемотают сухие портянки, а сапоги и войлочные чуни с кожаной

подошвой, высушат на кострах. Минул час, другой, а войско продолжало двигаться. Еще три горных речонки форсировали вброд. Под утро задул ледяной ветер. Штаны солдат взялись коркой. Послышался в колонне ропот, что ступни заковенели. Сам полковник Ладыженский, поняв, что обморозил ноги, нашел во что переобуться и сел верхом на коня. А сотни простых солдат-страдалцев продолжали шагать, попирая заснеженные на четверть аршина холмы...

Переход с короткой дневкой длился к побережью Баксана ровно сутки. Треть численного состава войска Якоби (те, кто отморозил ноги) потеряла всякую боеспособность. Обездвиженных воинов дальше повезли на казачьих лошадях. Только теперь хватились генералы Якоби и Фабрициан заботиться о служивых, – по мосту преодолели бурную ревучую реку и вышли к аулам. Они были покинуты жителями, но во дворах нашлось не только сено для лошадей. Спасением для голодной и обессиленной русской армии стало то, что кабардинцы не успели угнать отары овец.

На следующий день переход экспедиционной группы составил двадцать верст. Бивак был разбит у подножья горы и хорошо виден со склонов. На них сосредоточились кабардинские отряды. Силы были не равны. Баматов, потеряв два месяца назад своих лучших командиров, собрал князей и старейшин на совет. Решение, тяжелое и безвыходное, было принято. К главнокомандующему Якоби отправились депутаты. После переговоров владельцы Большой Кабарды в присутствии своих отрядов приняли клятву в том, что никогда больше не станут воевать с Россией, а границей между странами отныне становится Малка.

Полковник Савельев с кавалерией и казачьими полками вторгся в Малую Кабарду. Военного столкновения не случилось. Местные князья присоеди-

нились к мирному договору, в котором граница для их владений была определена по Тереку.

На войне как войне. Иногда победы достигаются не в смертельном бою, не за счет ратного искусства, а демонстрацией мощи армии, устрашением. Так случилось на Баксане. Но была ли там победа в полном значении этого слова? Кабардинцы не понесли жертв. А в русской армии от обморожения умерло несколько десятков воинов, в том числе офицеров. Множество солдат стало калеками. Мирный договор был окуплен страшными потерями, которые можно было совершенно избежать. И еще. О нравственных качествах Якоби можно судить хотя бы по тому, что он отказался выделить лошадей для перевозки больных солдат на излечение в соседние крепости и терские станицы, хотя имел такую возможность. Более того, уже через два дня губернатор умчался в Астрахань, где ждали его дворцовые покои, рождественские балы и – новый чин генерал-поручика.

Так кто же вы, Державы верные сыны? Не лощеные служаки и чинодралы, не генералы-самодуры, добивающиеся высокого положения и царских милостей, а божьи люди, безоглядно преданные служению российскому народу. Великий русский солдат много раз исходил своими ногами и изъездил на коне почти всю Европу, куда ни вели его приказы. Командиры были разными, и войны были разными. Горечь поражений чередовалась с радостью побед, но никогда не покидала душу русского ратника святая любовь к отчей земле и своему дому, в котором поднимались ему на смену сыновья. Кланяюсь вам, солдаты и казаки, унтер-офицеры и господа офицерам, в грозный час вставшие на защиту нашего Отечества и покрывшие знамена императорских полков незабвенной славой!

Леонтия Ремезова вдруг зачем-то вызвали в штаб полковника Савельева, которому было поручено общее командование казачьими полками. С первого взгляда бывший комендант Моздокской крепости, где на зимних квартирах стояли донцы, узнал сотника, хотя минуло уже пять лет.

– Вот уж судьба-злодейка. Был в командирах, а стал казаком... Ну, садись за стол. Потолкуем малость. Помню, как вместе отбивались от крымчаков в Наур-городке... Ну, что тебе сказать, Леонтий Ильич. Поступил от войскового атамана Иловайского ордер на мое имя, – полковник, не тая в глазах веселого огонька, громко объявил. – Еще в апреле Донской войсковой канцелярией присвоено тебе звание есаула. Знал об этом али нет?

Леонтий растерянно покачал головой, выдохнул:

– Никак нет.

– Оно и понятно... Главное – живой. Был бы кто у тебя богатый – выкупил бы из полона. Такое бывает. А тебе резон на себя рассчитывать... Стало быть, приказываю тебе, как прописано в атаманском ордере, вертаться незамедлительно на Дон, «на льготу». Сухарей возьмешь на десять дён, коня разрешаю выбрать. Бывай здоров, господин есаул!

На восьмой день пути по раскисшей после февральских дождей степи, в яснопогодье, Леонтий подъехал к Черкасскому городку, открывшемуся с прибрежного увала. Синевато отливал Дон кольчугой льда. Непрошено набежали слезы. Он смахнул их и, соблазненный запахами отмокшей полыни и душицы, свернул с большака, пустил свою умную кабардинскую лошадь в намет, на вершину кургана.

Ехал мимо станичный дед на арбе, вез из дола сено. И от удивления даже привстал: что за диво? В стороне от своей гнедой лежит на голощёчине кур-

гана молодой казак с раскинутыми руками и обнимает пригретую солнцем землю, как матушку родную...

Не знаю, как стало возможно,
Что под замоленье грехов
Блудливая похоть и пошлость
Выглядывают из стихов.

Глаголы кривляньем избиты,
И смыслы положены в гроб.
Словесные видя кульбиты,
Доволен тем зрелищем сноб.

К новациям этим слепая,
Пишу я ко Господу – в стол.
Чтоб в мерзость – скорей закопали б!
Забили осиновый кол.

Чтоб встали глаголы рядами,
Небесные вои сиречь,
И словно в воде Иордани
Очистилась русская речь.

И отдали б руки святые
Ей все первородства права.
И мудрость вложили б в простые,
Как хлеб наш насущный, слова.

**ЕЛЕНА
ИВАНОВА**

ПОЭЗИЯ

Лирическое

Он звал меня не Леной – Ленкой-пенкой,
Но обижаться было не с руки.
Вдвоём примеры мы на переменках,
Спеша, решали наперегонки.

Когда мели суровые метели
И пальцы жёг сквозь варежки мороз,
Сосед по парте целых два портфеля,
Идя из школы, терпеливо нёс.

Припомнилось, как в свитерочке сером
С горы крутой отважно друг съезжал.
Лыжню всегда прокладывал он первым
И всех, чуть не во всём, опережал.

Однажды он в мальчишеском азарте,
От любопытных заслоняясь плечом,
Два нацарапал имени на парте,
«Плюс» пресловутый был тут ни при чём.

И помнится, как на стекле морозном
Нарисовать вдруг захотелось мне
Два сердца. и без знака. Коль серьёзно,
То только так: два пишем – «плюс» в уме.

Вот жизнь прошла... а что-то всё неймётся:
В пустынном сердце обводнить бы сушь.
Нет, зря мы снисходительно смеёмся
Над единеньем детских чистых душ.

Чего-то всё ждалось из лета в лето,
Да сбыться было, знать, не суждено.

Все песни оказались недопеты,
Которые двоим пропеть дано.

А позади... Там столько бурелома!
Угас он, упоения восторг.
И сознаёшь: лишь там мы только дома,
Где непорочный тот любви исток.

И не с того ль мы памятью к Началу
В душе прильнуть стремимся хоть на миг,
Что там, незамутнён и беспечален,
Безгрешных чувств покоится родник?..

Жизнь была, как медиум:
На гроши-шиши,
Счастливы неведеньем,
Мы росли в глуши.

Пусто за прилавками,
Хлебный очерёд.
Травками-муравками
Выживал народ.

Огород картофельный
Да с грибами лес...
Доставались крохи нам
От лесных чудес.

Всё сто раз перебрано:
Ягода, орех.
Но какой серебряный –
Этот детский смех!

Но топтали чистую
Ноженьки траву.
Утречко росистое,
Светлое, лучистое,
С ласточками быстрыми,
С трелями и свистами,
А в грозу басистое –
Отзовись:
-А-ууу!

Летят на балкон мой и дятел, и сойка,
Синички, меж ними драчун-воробей.
Зима рубежи свои держит так стойко,
Не уступает весне, хоть убей!

И голодно пташкам, от стужи уставшим,
Не рады поди, что явились на свет.
А с кормом, известно, им холод не страшен,
Подсолнечных семечек слаще им нет.

Шмыгнёт воробьишка под купол прозрачный
(Из пластика с вырезом сбоку сосуд),
Усядется важно, довольный удачей,
Как будто хозяин единственный тут.

Синички, напротив же, так благородны,
Всё ждут, что насытится серый наглец
И можно им будет инстинкт свой природный
Хоть крошкой какой утолить наконец.

Иссякнет терпенье, к окошку раздачи
«Столовой» подружки слетятся гурьбой.
Клюёт воробей их, досады не пряча,
Готов он на самый решительный бой!

И что тут поделаешь? Сетуй не сетуй –
Вот вам наша жизнь на природном корню.
Стою и гляжу я так грустно на эту
Совсем человечью, представьте, возню.

Вот и кончается дорога...
Присядем, Муза, отдохнём,
Людьми забытые – не Богом -
В уединении своём.

Я в путь пустилась так отважно,
А ныне – глушь со всех сторон.
И оттого-то песнь протяжна,
Как журавлиной стаи стон.

Что гонит их, какая сила –
Печальных перелётных птиц?
А нам с тобою до могилы
Земли родной склоняться ниц.

Хозяин ты её и пленник,
Паши и сей, хоть невпродых.
И верю я: взрастёт не плевел,
А колос от семян моих.

Нам доля выпала такая,
Что песня миру – не нужна.
Но не всегда на голый камень
Не все падут же семена.

В волосы, пропахшие дождём,
 Рухну опьяневшими глазами.
 Трое нас в безмолвии ночном –
 Мы и город, скомканный ветрами.
 Тот же город, эта же весна,
 Те же воробьи на тротуарах.
 Как во все былые времена,
 О любви волнуются гитары.
 И такой же, как и год назад,
 Первый дождь забулькал в пер-
 вых лужах,
 И кому-то чей-то теплый взгляд
 Так же всё необъяснимо нужен.
 И на дальней звёздочке висит
 Капля обгоревшего заката,
 И луна, смущённая на вид,
 Входит в небо как-то виновато.
 Только, понимаешь, дело в чём –
 Пахнут твои волосы дождём.

В асфальтовой привычной упаковке
 Живёт мой город – сплетник и тран-
 жир.
 Автобус тормозит на остановке,
 Открылись двери, вышел пассажир.
 Он заспешил в ближайший переулок,
 Взглянувши мимолётно на часы.
 Навстречу дед устало и сутуло
 Несёт в авоське палку колбасы.
 Прощебетала стайка ребятишек,
 К закату вроде покатился день.
 И я вдруг захотел залезть на крышу

**МИХАИЛ
 ВАСИЛЕНКО**
 ПОЭЗИЯ

И крикнуть: - Тише! Зацвела сирень...
Цветёт сирень, поэты, трепещите,
Кромсайте над строкой карандаши!
Цветёт сирень, из всех земных событий
Не это ль – пробуждение души?..
Но я не крикнул, не полез на крышу,
Лишь молча поглядевши на сирень,
Подумал, всё равно ведь не услышат,
Да и у нас экзамен через день.

Давно не умываюсь я росой.
Я очереди жду за колбасою.

Под своды неприступного дворца
Солнцеподобный властелин Термеза
Велел позвать седого мудреца,
Чтобы узнать, что крепче, чем железо.

Не мешкав, мудрый старец отвечал:
- Мой господин и властелин Термеза,
Железо что, - оно всего металл,
Вот дружба - та порой прочней железа.
Солнцеподобный вскинул злую бровь,
Заулыбалась ряженая свита.
Седого старца спрашивают вновь :
Что в мире может быть прочней гранита?
И дерзновенный прозвучал ответ
И прокатился по столетним плитам:
- Прочней гранита камня в мире нет,
Но дружба иногда прочней гранита.
И разразился хохотом дворец,
Сам властелин смеялся, чуть не плача.
Был изгнан из дворца седой мудрец
Людьми, не знавшими, что слово дружба значит

На пляже Туапсинского района
Заканчивался бархатный сезон,
Когда курортник в плавках-панталонах
Предстал пред всеми, будто Апполон.

Седой, но сохранившийся мужчина,
Он в направлении моря зашагал,
Обширный и блестящий, как витрина,
Разящая прохожих наповал.

Отвислости былой мускулатуры
И жировые складки по бокам
Не слишком изувечили фигуру,
Всем видом привлекающую дам.

В движениях отточенных и гладких
И в смачности округлого лица
Легко читались опыт и повадки
Весьма поднаторевшего самца.

Он дошагал до линии приборя,
Явив на фоне моря силуэт.
И огляделся... Боже, что такое? -
Никто из дам не зрел ему вослед.

Чему-то только мальчик улыбался,
Игравший в «дурака» невдалеке...
Курортник торопливо искупался
И, высохнув, уснул на лежаке.

Когда надежда не обещана,
Когда любовь не ко двору,
Всё понимающая женщина
Уходит рано поутру.

Уходит, как с чужого праздника,
Стыдясь припухлости лица,
От сыто спящего проказника
Иль от хмельного подлеца.

А может быть, от одинокого,
Такого ж, как она сама...
Уходит в сумерки за окнами,
Где ждёт дневная кутерьма.

Моя сторонка непутёвая.
Казалось, - радуйся, живи,
На счастье выбиты подковами
Просёлки древние твои.

Но как подпоенная женщина,
Без воздыханий и без слов
Ты деловито обеспечена
Мохнатой сворой грызунов.

А следом злыми пересудами
Тебя раздела догола
Толпа, довольная фастфудами
И костью с царского стола.

Лицом, как будто отутюженным,
Тот царь на свой взирает люд,

На двор церковный, где недужные
Всё молят Бога да поют.

Воды не успеешь глотнуть ключевой,
Как жажда иссушит взгляд:
У каждой дороги есть маятник свой -
Придешь и уйдешь назад.

По капле даётся живая вода
Из моря мёртвой воды -
Придешь ненадолго, уйдешь навсегда,
И волны сотрут следы.

Не мучай Создателя – в чём здесь толк? -
Путь не напрасен твой:
Оставишь детям любви глоток,
Станешь водой живой...

В осеннем дворике под клёном
На покосившейся скамье
Сидел мужик непохмелённый
И горько думал о семье.
Вокруг него пятиэтажки
Застыли в сумрачном каре.
Мужик прокашлял три затяжки
И вдруг сказал: Ну всё, хоре!

И приподнялся. от Агдама
Дрожали ноги, ныл живот...
Ну всё, - он повторил упрямо, -
Зараза... Люська... на развод...

И так бы крыл и в мать и в душу,
Но тут, нырнув из-за угла,
Сосед принёс ноль семь портюши
И полечиться дал с горла.
Через минуту закурили...
Опять прокашлялся мужик,
Потом сказал: - Пойду к Людмиле...
И двинул к дому напрямик...

На многозначные подарки,
На серебро и мельхиор,
На портсигары, кубки, чарки
Наносит надписи гравёр.

Мелькают поводы и даты
В каллиграфических значках,
Таких парадных, как солдаты
У Мавзолея на часах.

А я без видимой причины
В каракули полночных строк
Перевожу любовь мужчины,
Живущего у Ваших ног.

Слова на листике бумажном
Ложатся вкривь и невпопад,
Но я пишу о самом важном
Без всяких поводов и дат.

Последний год Грибоедова Триумф. Любовь. Гибель.

Глава из книги

От Петербурга до Тифлиса,
6 июня – 6 июля 1828 г.

ЕЩЕ РАЗ В ДАЛЬНИЙ ПУТЬ!

6 июня 1828 г. на квартире у А.А. Жандра собрались друзья Грибоедова, чтобы проводить его в дальний путь. Но было как-то совсем не весело. Андрей Жандр и Александр Всеволожский вдвоем отправились проводить друга до Царского Села, куда все они приехали только под вечер. Там для Грибоедова была предоставлена в соответствии с подорожной карета, запряженная семью лошадьми.

«Грустно провожали мы Грибоедова... – вспоминал Жандр. – Вот в каком мы были тогда настроении духа: у меня был прощальный завтрак, закурили, надымили страшно, наконец толпа схлынула, мы остались одни. Поехали. День был пасмурный и дождливый. Мы проехали до Царского Села, и ни один из нас не сказал ни слова. В Царском Селе Грибоедов велел, так как дело

**СЕРГЕЙ
ДМИТРИЕВ**

**ЛИТЕРАТУРА-
ВЕДЕНИЕ**

было уже к вечеру, подать бутылку бургонского, которое он очень любил, бутылку шампанского и закупить. Никто ни до чего не дотронулся. Наконец простились. Грибоедов сел в коляску, мы видели, как она завернула за угол улицы, возвратились с Всеволожским в Петербург и во всю дорогу не сказали друг с другом ни одного слова – решительно ни одного» (АСГ, с. 224-225).

Поэт в который уже раз отправился в сторону Тифлиса, подготовившись снова преодолевать 2670 верст и 107 почтовых станций! Конечно, по сравнению с зимними условиями летняя дорога, да еще с постоянными и быстрыми заменами на станциях лошадей для статского советника и министра, представлялась более легкой. Но все равно в итоге всех остановок в пути и задержек на несколько дней в разных городах Грибоедов прибудет в Тифлис только 6 июля, опять отдав дороге еще один целый месяц своего последнего года жизни!

В день выезда Грибоедова Паскевич направил тифлисскому военному губернатору Н.М. Сипягину особое предписание с просьбой о торжественной встрече в Тифлисе «министра при тегеранском дворе», подчеркнув важность этого мероприятия: «Зная, сколь большое влияние наружные оказательства имеют на здешний народ, и в особенности на персиян, я прошу Вас при въезде г. Грибоедова оказать ему все почести, настоящему назначению его приличные, тем более, что молва о них, конечно, дойдет и до сведения министерства персидского; поелику же есть высочайшая воля, чтобы г. Грибоедов прежде его отъезда виделся со мною, то я прошу Ваше превосходительство для проезда его до места моего пребывания приказать снабдить его самым безопасным конвоем и во время пути оказывать ему возможные пособия» (АКАК, т. VII, с. 635).

Сипягин в свою очередь по цепочке отдал распоряжения о встречах Грибоедова и содействии ему в пути и другим начальникам, вплоть до уездных исправников (Летопись, с. 119). Так, в пути по матушке-России поэту впервые в жизни повсюду оказывались особые почести и всевозможная поддержка.

Паскевич ждал своего сослуживца и родственника не только потому, что уже четыре месяца его не видел, а прежде всего из-за того, что разгоравшаяся война с турками требовала укрепления персидского тыла, откуда по русским войскам мог быть нанесен удар в спину. И в решении этой задачи Паскевич очень надеялся на Грибоедова.

С того времени, когда Николай I своим манифестом объявил 14 апреля 1828 г. войну Турции, произошло уже много важных событий, определивших дальнейший ход войны. Турецкие войска, на счастье русской стороны, в самый начальный период войны явно замешкались, отдав инициативу в руки противника. Военные действия начала Дунайская армия под командованием П.Х. Витгенштейна, перейдя 24 апреля в наступление на Малую Валахию. 1 мая русские войска обложили крепость Браилов, а 27 мая в присутствии Николая I началась переправа русских войск на лодках и плотам через Дунай, завершившаяся успехом. 30 мая пала крепость Исакча, а 7 июня, в первый день движения Грибоедова в сторону Москвы, была захвачена стратегически важная крепость Браилов. Одновременно происходила и морская экспедиция русских войск на Анапу.

В это время на Кавказе шло сосредоточение русских войск в районе Гюмри, откуда должно было начаться наступление на Карс. К счастью, войска из Персии вернулись на Кавказ очень быстро и пополнили боевой состав Отдельного Кавказского корпуса, который насчитывал уже к концу мая 15 000 человек. Во-

йска запасались продуктами и боеприпасами, строили новую, более удобную дорогу на Гюмри через Башкичет и Мокрые горы. (Удивительно, но такая сложнейшая дорога с мостами и плотинами через горные хребты и болотистые места была сооружена всего лишь за месяц!)

И вот 5 июня, за день до отъезда Грибоедова из Петербурга, из Тифлиса для командования армией выехал Паскевич. 9 июня он появился в Гюмри и, как он делал это вместе с Грибоедовым в ходе русско-персидской войны, прибег к прокламациям, нацеленным на успокоение населения на территории Турции. «Ополчаясь за дело правое и вступая в землю вашу, – говорилось в одной из них, – мы не нарушим спокойствие мирных поселян, не коснемся их собственности. Войска государя нашего будут сражаться только с теми, кто дерзнет им противиться. Пребывайте безбоязненно в домах ваших, и вы не почувствуете тяжести войны. Так поступали мы в побежденной Персии, и персияне с удивлением превозносят великодушие русских» (Потто, т. 4, с. 21).

С подобным же воззванием, но религиозного характера обратился к жителям глава мусульманского духовенства Закавказских провинций, тот самый Мир-Феттах-Сеид, который был муджтехидом Тавриза и перешел на службу России. (Ему была определена пенсия в размере 2000 червонцев в год.) Отмечая благость и милосердие действий русского императора, он заявлял: «Я служитель Бога, потомок святых имамов, спешу вразумить вас, да не подвергнусь сам гневу Божьему! Принесите покорность Государю Великому, и тем, исполнив заповедь Корана, спасите себя от гибели» (Там же).

Войска Паскевича выступили в поход 14 июня, когда Грибоедов уже покинул Москву. В походной церкви было отслужено напутственное молебствие, и во-

йска корпуса, пройдя мимо главнокомандующего Паскевича, подошли к арпачайской переправе. Первыми заповедную речку с криками «ура!» преодолели казаки бригады Сергеева. Была открыта новая страница в противостоянии на Востоке, в которой скоро придется принять участие и Грибоедову. Уже 18 июня русские войска подошли к неприступному Карсу. Близилась первая крупная победа в Закавказье, которая скажется вскоре и на судьбе нашего героя.

МОСКОВСКАЯ ПЕРЕДЫШКА, 10—12 ИЮНЯ 1828 Г.

А сам Грибоедов прибыл в свою родную Москву 10 июня, еще не зная, что видит этот город в последний раз. Ему вообще последнее путешествие на Восток позволит не только вспомнить свое детство и юность, но и — а это было самое главное — пообщаться со своими родными, знакомыми и лучшими друзьями, как будто судьба делала поэту напоследок такой царственный подарок.

В Москве Грибоедову суждено будет пробыть всего лишь двое суток и на этот раз, как он этого давно не делал, поселиться у матери в доме на Новинском бульваре. Настасья Федоровна (1768-1839), как это было и раньше, в силу своего дотошного и немного назойливого характера выпрашивала сына о его делах и безостановочно рассказывала ему о своих постоянных денежных хлопотах и домашних проблемах. Правда, на этот раз она, не раз упрекавшая сына за его неумение устраивать свою карьеру и вызывавшая у него при этом неприкрытое раздражение, не могла не порадоваться новому чину и почетному назначению Александра, хотя и переживала по поводу опасностей его дальнего пути.

Чрезмерная опека матери на этот раз докучала поэта не так, как раньше, ведь не случайно же он однажды в письме к В.Ф. Одоевскому от 10 июня 1825 г. задался вот таким вопросом: «Я почти уверен, что истинный художник должен быть человек безродный. Прекрасно быть опорой отцу и матери в важных случаях жизни, но внимание к их требованиям, часто мелочным и нелепым, стесняет живое, свободное, смелое дарование. – Как ты об этом думаешь?» (ПСС, т. 3, с. 96).

Сестра Грибоедова М.С. Дурново в беседе с биографом поэта Д.А. Смирновым приводила относящийся к 1826 г. яркий пример настойчивости матери, желавшей карьеры для своего сына: «Матушка никогда не понимала глубокого, сосредоточенного характера Александра, а всегда желала для него только блеска и внешности. Вот что она раз с ним сделала: брат решительно не хотел ехать служить к Паскевичу. Матушка как-то пригласила его с собой помолиться к Иверской божией матери. Приехали, отслужили молебен... вдруг матушка упала перед братом на колени и стала требовать, чтобы он согласился на то, о чем она будет просить... Растроганный, взволнованный, он дал слово... Тогда она объявила ему, чтобы он ехал служить к Паскевичу. Делать было нечего, он поехал» (АСГ, с. 366). Конечно, решение ехать снова на Кавказ принимал сам поэт, но поведение его матери многое говорит о ее характере.

Во время последнего приезда сына в Москву мать отдала ему письмо от его сестры Марии Сергеевны (1792—1856), вышедшей замуж в 1827 г. за Алексея Михайловича Дурново (1792 – ок. 1849) и принявшей, как это полагалось, его фамилию. Дурново еще до 1812 г. успел дослужиться до поручика, участвовал в ополчении в Отечественной войне, вышел в отставку и занялся хозяйством, устроив сахарный завод,

а впоследствии стал почетным попечителем Тульской губернской гимназии (Летопись, с. 196).

Мария в конце апреля 1828 г. родила сына и очень переживала за его здоровье. Любопытно, что супругов связывала та же любовь к музыке, которая отличала и Грибоедова. Как вспоминала А.Т. Колечицкая, Дурново был «талантливым музыкантом-любителем», а Мария «была лучшей ученицею Фильда и на арфе играла замечательно хорошо». Она выступала с музыкальными концертами как пианистка еще в 1811 г. и, по-видимому, не могла не способствовать музыкальным занятиям своего младшего брата (АСГ, с. 348, 351).

В трогательном и добром письме к брату от 25 мая 1828 г. Мария Сергеевна сообщала о болезни после родов: и своей, и своего чуть не погибшего сына Александра, который был назван в честь поэта. Сразу обратим внимание на эту важную деталь. Провидение как бы старалось сохранить имя поэта в качестве напоминания о Грибоедове: Александром нарекли его племянника, Александром успели назвать сына поэта, прожившего не более двух часов, и Александром же в 1857 г. назвал своего сына племянник поэта Александр Алексеевич Дурново.

«Любезный Александр, я сию минуту уезжаю из Богородска. Слава Богу, ребенку лучше, – писала Мария брату. – Люби дорогого Александра, и если ему суждено жить, то я употреблю все средства, чтобы сделать его достойным любви твоей. Сердце мое обливается кровью при мысли о твоём отъезде. Зачем должны мы жить всегда вдали друг от друга? Когда же наступит счастливое время и мы опять сблизимся? Муж мой тебя обожает: единственное его желание – видеть тебя с нами... Для нас было бы величайшим счастьем – видеть между нами нашего обожаемого брата. Лыщусь этой надеждою, она поддерживает мое существование» (ПСС, т. 3, с. 479).

Далее сестра просила брата дать им займы 10 000 рублей, чтобы расплатиться с долгами, и продолжала: «Прощай, дражайший друг, приезжай же к нам скорей... Вероятно, ты перед тем, как ехать к нам, заедешь к Бегичеву? Пожалуйста, не надолго, и настоятельно попроси его от моего имени также с тобою к нам приехать». Алексей Дурново сделал к этому письму важную приписку: «Душевный друг и брат... надеюсь скоро с тобой видеться. Ради Бога, приезжай поскорее: мы с Машенькой считаем все минуты и часы. Сашка нас очень занимает и делается мил; только жаль, что все болен и теперь в ветреной оспе... кроме тебя, никто его крестить не будет; я непременно сего желаю; надеюсь и Степана Никитича у себя увидеть. с нетерпением тебя ожидаем. Прощай, мой неоцененный» (ПСС, т. 3, с. 480).

Это письмо очень тронуло сердце поэта, и, несмотря на спешку, он решил обязательно заехать из Москвы и к другу Бегичеву, и к своей сестре, сам не зная, что это будут прощальные встречи!

О своих впечатлениях от Москвы Грибоедов поделился в единственном сохранившемся письме из столицы от 12 июня 1828 г., адресованном Ф.В. Булгарину. Читая это письмо, обратим внимание на веселый и иронический тон послания, которое никак не припишешь человеку, который находится во мрачном настроении или депрессии. По-видимому, все трагические предчувствия, которые одолевали поэта в Петербурге, как это обычно бывает, улетучились куда-то в глубь подсознания, лишь новая бесконечная дорога закружилась, завертелась под колесами стремительно улетающей вдаль кареты. Русские дороги вообще имеют свойство лечить душевные раны и гасить дурные мысли: это должен знать всякий, кто провел на колесах, странствуя по просторам Отечества, многие и многие часы.

В приводимом ниже письме очень многое значит откровенное признание поэта, что в «родимом доме» он чувствует себя «как на станции»: «Проеду, переночую, исчезну!» и определение «проклятое существование» для своего положения он использует не просто для красного словца, ведь ровно 10 лет назад Грибоедов начал свое бесконечное странствие по дорогам, тропам и извилинам судьбы, нигде не имея не только дома, если понимать под ним «родной очаг», но и просто постоянного места пребывания. Поэта можно было бы справедливо назвать «сиротой-скитальцем» или странником, выполнявшим какую-то неподвластную ему самому миссию. Итак, откровенное письмо Булгарину:

«Любезнейший друг Фадей Бенедиктович. Чем далее от Петербурга, тем более важности приобретает мое павлинное звание. – Здесь я несколькими часами промедлил долее, чем рассчитывал. Но ты можешь посудить до какой степени это извинительно в обществе с матерью и с миленькими полукузинками; *jolies comme des anges* (хорошенькие, как ангелы (фр.)), и этот дом родимый, в котором я вечно как на станции!!! Проеду, переночую, исчезну. *Une foutue existence* (Проклятое существование (фр.)).

Сходи к пйкуло человекую. (К.К. Родофиникин. – С. Д.). Он у меня ускромил месяц жалованья. Но со мною нет полномочия, письма Государева к тому Государю, к которому я еду. Подстрекни, чтобы скорее прислали, иначе как же я явлюсь к моему назначению. Я слишком благодетельствован моим Государем, чтобы осмелиться в чемлибо ему не усердствовать. Его именем мне объявлено, чтобы я скорее ехал, я уже на пути, но в том не моя вина, коли не снабдили меня всем нужным для скорейшего исполнения высочайшей воли. Здесь я слышу стороною вещи оттудова, которые понуждают меня торопиться. Приторопи же

и ты мое азиатское начальство, Его Превосходительство гйкуло низдерёкуло.

<...> Прощай на долгую разлуку. <...>

Матушка посылает тебе мое свидетельство о дворянстве, узнай в Герольдии наконец, какого цвету дурацкий мой герб, нарисуй и пришли мне со всеми онёрами» (ПСС, т. 3, с. 147-148).

Любопытно в этом письме и ироничное отношение автора к его «павлиному званию» и «дурацкому гербу»: тщеславием поэт, как видим, уж точно не отличался. а его просьба к Булгарину посетить начальника Азиатского департамента К.К. Родофиникина (язвительные и обидные прозвища этого петербургского чиновника, придуманные поэтом, говорят о многом!) и попросить его поскорее переслать Грибоедову верительные грамоты для персидского шаха вообще выглядит комично. Уж такие-то вопросы чиновники должны были решать сами, без понуканий и напоминаний, да еще при помощи посторонних людей. Ведь обстановка действительно заставляла Грибоедова торопиться с исполнением своих обязанностей. Нечего и говорить, что без письма с высочайшими полномочиями появляться у шаха посланнику было совершенно невозможно.

Находясь у матери, Грибоедов рассказал ей о той помощи, которую оказывает ему во многих делах, в том числе хозяйственных и юридических, Булгарин. и попросил ее переслать ему кое-какие бумаги с просьбами и поручениями. на следующий день после отъезда Настасья Федоровна написала Булгарину письмо, в котором выразила и свою тревогу за сына, и свою любовь к нему, и свои пожелания к Булгарину помогать и дальше сыну по мере сил:

«Милостивый государь, Фаддей Венедиктович. Не имея чести быть с Вами знакома, по праву дружбы моего сына с Вами отношусь к вам точно как к своему, по-

читая его друзей, как близких моему сердцу... Прошу, мой почтенный, не охлаждайте Вашу к нему дружбу... давайте ему чаще о себе известие... Вы, наш неоцененный друг, знаете его достоинства, правоту его чувств и доброту, знаете, на что и к чему он способен, зная же и его нежность и безынтересную личность, на Вас-то и надеюсь...Препровождаю бумаги, нужные для Александра, и прошу скорым Вашим трудом их обработать и к нему все доставить» (ПСС, т. 3, с. 480-481).

По всей видимости, Н.Ф. Грибоедова просила Булгарина посодействовать в том числе в решении проблемы ее долга в 5000 рублей В.Ф. Одоевскому. Сам Грибоедов предлагал Булгарину в своем письме от 12 июня поговорить с А.В. Всеволожским, который должен был его матери 34 000 рублей, чтобы он закрыл за нее долг перед Одоевским, но этот вопрос тогда так и не был решен, и Грибоедова вынуждена была в итоге судиться с Всеволожским. Этот пример показывает, что поэт совсем не чурался денежных и деловых вопросов, в том числе стараясь помочь своей матери.

Обратимся теперь к письмам к отцу второго секретаря российского посольства К.Ф. Аделунга, который вместе с первым секретарем И.С. Мальцовым должны были представиться Грибоедову в Москве как сотрудники посольства и согласовать свой дальнейший путь до Тифлиса. 10 июня Аделунг написал отцу краткую записку:

«Я только что возвратился с очень большой экскурсии, я разыскивал дом Грибоедова, в котором живет его мать, и ради этого сделал большой крюк. Я очень обрадовался, найдя его там самого; он только что приехал и завтра уезжает опять; так как Мальцева нет дома, я окончу письмо, когда все будет решено».

На следующий день, 11 июня утром, Аделунг продолжил свое письмо, сообщив о договоренностях, достигнутых на первой встрече новых сотрудников с по-

сланником: «Наш маршрут изменен; мы едем через Харьков и Новочеркасск в Ставрополь, где мы встретимся с Грибоедовым и дальше поедem вместе с ним. Мальцев (нередко фамилию Мальцова сослуживцы меняли на Мальцева. – С. Д.) проведет полдня в имении своего дяди; где буду я в это время, я еще не знаю, я буду ждать его в ближайшем городе; у меня нет охоты ехать вместе с ним, в особенности на такое короткое время (отношения между двумя советниками с первых дней не заладились и потом не выходили за рамки деловых отношений. – С. Д.)... Только что выяснилось, что я расстанусь с Мальцевым в Калуге и встречу с ним в Орше».

И наконец, 12 июня уже из Калуги, Аделунг сообщил: «Вчера, в 8 часов вечера, мы выехали из Москвы, где мы задержались у Грибоедова; в Ставрополе мы опять встретимся с ним; не могу передать, как я этому рад; чем ближе я его узнаю, тем больше я его ценю и люблю. Я встретил у него Петрозелиуса, который просил меня передать тебе его почтение...» (Литературное наследство, т. 47-48, с. 246).

Как видим, Аделунг с первых встреч был очарован Грибоедовым. Далее он встретился с Мальцовым в Орле, потом через Харьков они торопились прибыть в Ставрополь, чтобы не заставить ждать их там Грибоедова, однако им самим пришлось прождать там поэта около трех суток, так как он задержался и прибыл туда только 26 июня рано утром.

НАВСТРЕЧУ КАВКАЗУ

Выехав из Москвы 12 июня, на следующий день из Тулы Грибоедов написал новое письмо Булгарину, попросив его прислать ему четырехтомный Географический атлас Азии Хасселя на немецком языке и опять

посетовав о бесконечных русских дорогах: «Прощай, Тула, Воронеж! Что за точки на сем свете, и почему надобно по несколько часов ими заниматься. Как въедешь? Как выедешь?» (ПСС, т. 3, с. 148—149). Поэт спешил к своему другу Степану Бегичеву, который жил в селе Екатерининском Тульской губернии. Поэт пробыл у него почти трое суток, 14-16 июня, наговорившись и повспоминав с ним былое вдоволь. Поэт оставил Бегичеву очень важную для оценки его творчества так называемую Черновую тетрадь (с путевыми записками, набросками, черновиками), которую мы уже не раз вспоминали, рассказывая о последних сохранившихся литературных творениях поэта.

Вот как вспоминал об этой встрече Бегичев:

«На пути к месту своего назначения Грибоедов пробыл у меня три дня. В разговорах наших, между прочим, спросил я его, не написал ли он еще комедии или нет ли еще нового плана. “Я уже говорил тебе при последнем свидании, – отвечал он, – что комедии больше не напишу, веселость моя исчезла, а без веселости нет хорошей комедии. Но есть у меня написанная трагедия”. И тут же рассказал он содержание и прочел наизусть читанные им сцены в Петербурге. Не стану говорить мнения моего об этих сценах, вы его высказали в вашей рецензии. Но на убеждения мои прочесть мне всю трагедию он никак не согласился. “Я теперь еще к ней страстен, – говорил он, – и дал себе слово не читать ее пять лет, а тогда, сделавшись равнодушнее, прочту, как чужое сочинение, и если буду доволен, то отдам в печать”.

Во все время пребывания его у меня он был чрезвычайно мрачен, я ему заметил это, и он, взявши меня за руку, с глубокой горестью сказал: “Прощай, брат Степан, вряд ли мы с тобою более увидимся!!!” – “К чему эти мысли и эта ипохондрия? – Возразил я. – Ты бывал и в сражениях, но Бог тебя миловал”. – “Я знаю

персиян, – отвечал он. – Аллаярхан мой личный враг, он меня уводит! Не подарит он мне заключенного с персиянами мира» (АСГ, с. 30-31).

Мы уже приводили чуть выше часть этих воспоминаний Бегичева, рассказывая о настроениях поэта после назначения посланником и о его трагедии «Грузинская ночь». Для нас очень важно, что свои опасения Грибоедов повторил уже в дороге на Кавказ. По всей вероятности, обстановка отдыха в гостях у друга позволила поэту снова расслабиться, почувствовать те же тревоги за будущее и рассказать о них Бегичеву. О привязанности Бегичева и его жены Анны Ивановны к Грибоедову говорит тот факт, что уже после отъезда поэта, в июле 1828 г., у супругов родилась дочь Надежда и одним из восприемников ее при крещении был назван «статский советник Александр Сергеевич Грибоедов»...

Полномочному министру в Персии нужно было спешить, но он все-таки вместе с Бегичевым навестил свою сестру Марию Дурново в селе Спасском Чернского уезда Тульской губернии, где окрестил своего очень болезненного племянника, названного в его честь. 24 июня, находясь уже в Новочеркасске, Грибоедов описал эту важную для него встречу в письме А.А. Жандру, опять обратив внимание на свою скитальческую судьбу «против воли», заставляющую ездить по той же «проклятой дороге»:

«Любезный Андрей. Мухи, пыль и жар, одурь берет на этой проклятой дороге, по которой я в 20й раз проезжаю без удовольствия, без желания: потому что против воли. Двое суток пробыл я у матушки, двое у Степана, с которым много о тебе толковали. Он надеялся, что ты вместе со мною его посетишь. Но вышло иначе, я и сам блеснул, как зарница перед ночью, посадил с собою Степана, и покатались к сестре. Она с мужем Бог знает в какой глуши, капусту сажит, но чи-

сто, опрятно, трудолюбиво и весело. Зять мой великий химик, садовник, музыкант, успешно детей делает и сахар из свеклы. Сашку я наконец всполоснул торжественно, по-христиански. Что за фигура! точно лягушка. и все это происходит в Чернском уезде неподалеку от Скуратова, имения бывшего и сплывшего, которое они, между прочим, продали. И там я пробыл двое суток, расстались друзьями, расстанусь и с тобою, мой друг, знай, что я жив» (ПСС, т. 3, с. 149-150).

Крестя 18 июня «торжественно и по-христиански» Сашку, поэт не мог знать, что и имя свое, и здоровье, и благословение на будущее он передал своему племяннику как будто бы по наследству. Проведенные им с родственниками и другом Степаном три дня в глуши с 16 по 19 июня, пожалуй, были одними из самых счастливых в перевалившем уже за половину суматошном для поэта 1828 г. Кстати, именно в эти дни, по свидетельству его сестры, поэт сделал ей удивительное признание: «Я не постигаю, как могут посылать меня Министром; я очень незначительный дипломат» (Летопись, с. 120). Та же самая скромность не оставила поэта и после знаменательного повышения по службе!

В том же письме к Жандру от 24 июня поэт попросил того обратиться к Булгарину, «чтобы он от себя или чрез Малиновского написал к Семашке в Астрахань и пригласил бы его определиться», имея в виду согласие А.К. Семашко на должность врача в миссии. А завершил поэт свое письмо удивлением, что в российской глубинке «еще о сию пору читают только декларацию о Турецкой войне, и ругают наповал персиян, полагая, что персияне и турки одно и то же» (ПСС, т. 3, с. 150).

Только за Новочеркасском Грибоедова нагнал курьер, который привез личное послание Николая I

Фетх-Али-шаху с верительными полномочиями нового посланника:

«...На основании мирного договора, благополучно заключенного в селении Туркманчай, и для постоянного содействия, сохранения и утверждения дружества, возобновленного сим вечно достопамятным актом, Мы признали за благо для постоянного пребывания при Дворе Вашего Шахова Величества определить Полномочного Министра, и таковым назначили Нам любезноверного Статского Советника и Кавалера Грибоедова. Мы питаем лестную надежду, что Ваше Величество примет сие как доказательство Нашего искреннего уважения и желания распространению мирных сношений не только между Нами, но и между народами».

Как вскоре покажут виражи истории, эта лестная надежда на «дружество» будет подло разбита коварными и жестокими происками врагов России. А «любезноверного» министра-посланника не спасет ни поддержка императора, ни мудрость, опыт и героизм.

Грибоедов приехал в Ставрополь, где его ждали Мальцов и Аделунг, 26 июня и на следующий день начал писать длинное и весьма насыщенное фактурой письмо Ф.В. Булгарину (27 июня – 1 июля 1828 г. Ставрополь, Владикавказ):

«Любезнейшая Пчела. Вчера я сюда прибыл с мухами, с жаром, с пылью. Пустил бы я на свое место какого-нибудь франта, охотника до почетных назначений. Dandy петербургского Bondsstreet – Невского проспекта, чтобы заставить его душою полюбить умеренность в желаниях и неизвестность.

Здесь меня задерживает приготовление конвоя. Как добрый патриот, радуюсь взятию Анапы. С этим известием был я встречен тотчас при въезде. Нелзя довольно за это благодарить Бога, тому, кто дорожит безопасностью здешнего края. В последнее вре-

мя закубанцы сделались дерзки до сумасбродства, переправились на нашу сторону, овладели несколькими постами, сожгли Незлобную, обременили себя пленными и добычею. Наши, пошедшие к ним наперерез с 1000 конными и с 4 орудиями, по обыкновению, оттянули, но успели. Пехота (39го Егерск<ого полка> майор Казачковский, который думал фрунтом ударить на черкесскую конницу и сам тяжело ранен) вздумала действовать отдельно, растянулась длиною цепью, тогда как донской полковник Родионов предлагал, соединившись, тотчас напасть на неприятеля, утомленного быстрым походом. Горцы расположены были табором в виду, но заметив не совокупность наших движений, тотчас бросились в шашки, не дали ни разу выстрелить орудию, бывшему при пехотном отряде, взяли его и перерубили всех, которые при нем были, опрокинули его вверх колесами и поспешили против конного нашего отряда. Родионов удержал их четырьмя орудиями, потом хотел напасть на них со всеми казаками линейскими и донскими, но не был подкреплен, ударил на них только с горстью донцов своих и заплатил жизнью за великодушную смелость. Ему шашкою отхватили ногу, потом пулею прострелили шею, он свалился с лошади и был изрублен. Однако отпор этот заставил закубанцев бежать от Горячих вод, которым они угрожали нападением. Я знал лично Родионова, жаль его, отличный офицер, исполинского роста, и храбрейший. Тело его привезли на Воды.

Посетители сложились, чтобы сделать ему приличные похороны, и провожали его, как избавителя, до могилы.

Теперь после падения Анапы все переменялось, разбои и грабительства утихли, и тепловодцы, как их здесь называют, могут спокойно пить воду и чай. Ген<ерал> Эмануэль отправился в Анапу, чтобы принять присягу от тамошних князей. на дороге с той сто-

роны Кубани толпами к нему выходили навстречу все горские народы с покорностью и подданством.

Опять повторяю, что выгоды от взятия Анапы неисчислимы. <...> Коли к моему приезду гр<аф> Эриванский возьмет Карс, то это немало послужит в пользу моего посольства. Здесь я в его услугах, все меня приветствуют с чрезвычайно переменною его характера. Говорят, что он со всеми ласков, добр, внимателен и бездну добра делает частного и общего. а у нас чиновники народ добрый, собачья натура, все забыли прошедшее, полюбили его и стали перед ним на задние лапки. Но жребий людей всегда один и тот же. О дурном его нраве все прокричали в Петербурге, и верно, умолчат о перемене: потому что она в его пользу. Прощай еще раз, любезный друг. Пришли мне от Винтера стекла три, четыре от карманных часов, которые я у него купил. Я забыл запастись ими, а стекло в дороге расшиблось, и я принужден руководствоваться свечами небесными.

Ура! Любезнейший друг. Мои желания и предчувствия сбылись. Карс взят штурмом. Читай реляцию и проповедай ее всенародно. Это столько чести приносит войску и генералу, что нельзя русскому сердцу не прыгать от радости. У нас здесь все от славы с ума сходят.

Верный друг твой

А. Г.

Порадуй от меня этим Е<го> П<ревосходительство> Конс<тантина Константиновича> Родофиникина. – Я оттого не доношу ему официально, что не имею места, где бы прислониться с пером и бумагой для чиstopисания, а служба требует наблюдения различных форм благоприличия, несовместных с дорожною ездою» (ПСС, т. 3, с. 150-152).

Данное письмо представляет интерес во многих отношениях. Во-первых, оно демонстрирует веселое

настроение поэта, даже несмотря на «умеренность в желаниях и неизвестность» в пути и на мелкие неприятности, наподобие разбитых часов. Во-вторых, писалось оно отрывками в течение 5 дней, когда стали известны новости о взятии русскими войсками Анапы и Карса. Грибоедов прекрасно оценил эти победы как выдающийся вклад в исход всей войны с пониманием того, что они не смогут не сказаться также на персидских делах и миссии самого поэта. а какие эпитеты поэт нашел для выражения своих чувств: «нельзя русскому сердцу не прыгать от радости», «у нас здесь все от славы с ума сходят»!

В-третьих, поэт обратил внимание на рост авторитета Паскевича, несмотря на заискивающее и часто «подленькое» поведение некоторых чиновников. а самое главное, что Грибоедов опять вынужден был констатировать жестокий и кровавый характер новой войны, которую «горцы», «закубанцы», «черкесская конница», как он их называет, использовали для своих набегов на русские территории. Грибоедов ярко описал подвиг полковника Родионова, и не случайно ему приходилось ехать дальше в сопровождении военных конвоев.

А теперь вновь предоставим слово К.Ф. Аделунгу, который кропотливо и подробно записывал все происходившее в письмах к отцу, описывая, правда, под теми или иными датами события предыдущих дней. По-видимому, он делал это в свободное время, а не во время дорожной суеты.

«Тифлис, 14 июля 1828.

26 июня в 7 часов приехал, наконец, Грибоедов в Ставрополь. Я не смогу описать мою радость по этому поводу. Я чувствую истинную привязанность и любовь к этому превосходному человеку. Мы были в саду, когда он за нами прислал; он занял комнату рядом с нами. Несмотря на усталость, он, как всегда, был

очень любезен и рассказал нам много интересного; мы пили у него чай, ужинали и не заметили, как настало 11 часов, когда мы и расстались. Ужин был такой превосходный, какого можно только пожелать. Хороший повар, которого держит Грибоедов, заставил нас забыть, что мы находимся в пути. в среду, 27го, в 10 часов утра, уселись мы с Мальцевым на дрожки и отправились в путь. Грибоедов уехал вечером, так как нам надо было 7 лошадей, а он боялся не получить ни одной. <...>

В полдень мы приехали в Екатериноград; по названию это город, на самом же деле это большая деревня с крепостью; все же здесь есть базар, куда я и пошел за мятой, но вернулся с пустыми руками. Вечером Грибоедов (он догнал нас на последней станции перед городом, отсюда мы поехали вместе. – Примеч. К.Ф. Аделунга) пригласил меня на прогулку: он хотел показать мне горную цепь с одной возвышенности. Эльбрус и правая сторона гор были закрыты облаками, но остальные вершины и между ними Казбек стояли в полном блеске. Снежные вершины были озарены золотым светом, и вся эта картина была так великолепна, что мы оторвались от нее только тогда, когда темнота скрыла ее от нас. Грибоедов каждую минуту восклицал: “Не правда ли, это прекрасно! Как это великолепно!” Я же совсем не мог говорить, – он был слишком велик.

Обогнув Мальту, быструю речку, мы возвратились домой пить чай. с этого вечера я полюбил Грибоедова еще сильнее: как наслаждался он природой и как он был отзывчив и добр! в Екатеринограде нельзя получить почтовых лошадей, надо нанимать вольных до Владикавказа. Чтобы достать лошадей, Грибоедов попросил меня пойти к коменданту города.

Я явился к нему впервые в роли секретаря миссии и все хорошо устроил. 30го мы выехали с конвоем в 20 казаков, так как дорога опасна.

Так как мы получили своих прежних лошадей, мы должны были сделать два привала – первый в укрепленной станции с двумя пушками, где мы обедали, а второй – на подобной же станции, где мы ночевали. Вечером выехали мы из крепости, чтобы вновь восхищаться Кавказом» (Литературное наследство, т. 47-48, с. 247—248).

Как видим, Аделунг в силу своей молодости и эмоциональности сразу стал просто боготворить Грибоедова, который относился с уважением и заботой к своим помощникам, устраивая даже для них экскурсии по хорошо знакомым ему местам, чтобы те почувствовали красоту Кавказа. Молодой дипломат прекрасно описывает основные черты характера Грибоедова, особо подчеркивая его доброжелательность. Эльбрус и Казбек потрясли Аделунга, как раньше они не раз потрясали самого Грибоедова. Очень важны детали, которые описал Аделунг: сложности с поиском лошадей, сопровождение дипломатов казачьим конвоем, ночевки на укрепленных станциях.

Дальше Аделунг описал события, которые предшествовали прибытию дипломатов во Владикавказ:

«13 июля.

От этой станции до одного минарета, уцелевшего от разрушенной деревни и отстоящего на 7 верст от станции, мы ехали, ввиду опасной дороги, под усиленным конвоем.

1го июля, в час ночи, выступил наш отряд в таком порядке: впереди ехали 3 казака, за ними шли 10 пехотных солдат, с барабанщиком; затем ехали пушки с артиллеристами и 4 экипажа; за ними опять 10 пехотных солдат и 3 казака. Командовал этим отрядом гарнизонный офицерартиллерист. Барабан дал сиг-

нал к выступлению, и в полной темноте мы выехали. Так как нас сопровождала пехота, мы плелись шагом. К минарету мы подошли в 6 часов утра; после часового отдыха мы отправились дальше и вечером благополучно прибыли во Владикавказ. Мы остановились у одной старой знакомой Грибоедова, полковницы Огаревой, у которой мы остались и на ночь. Ее муж держал наблюдение над дорогой и был в отсутствии. Добрая женщина не знала, что и сделать, чтоб Грибоедову предоставить все возможные удобства, но, как все русские, она не дала этого никому почувствовать. Чай, компот, ужин быстро следовали один за другим. Нас, обоих секретарей, она устроила на ночь в кабинете своего мужа» (Литературное наследство, т. 47—48, с. 248).

Обратим внимание на яркие детали путешествия: 1 июля из Екатеринограда путники выехали в сопровождении более чем 30 казаков и солдат, А.П. Огарева, жена полковника Н.Г. Огарева, принимала гостей по-царски, помня старую дружбу с Грибоедовым. Далее путь из Владикавказа, откуда наши герои выехали 2 июля, лежал через Ларс, Ананури, Коби, Душет, Мцхету. в Тифлис путники прибыли 5 июля.

Аделунг продолжал свое описание следующими строками:

«Во Владикавказе нанимают лошадей до Тифлиса; мы должны заплатить за пару 90 руб., что, как нам сказали, было недорого, так как накануне платили до 125 руб. Мы долго обсуждали, отпустить ли нам экипажи и ехать дальше верхом или же удержать их, так как в этом месте дорога через горы хорошая.

Наконец решили задержать коляску, и 2го июля, в 10 часов утра, мы выехали. Один офицер, Захаревич, который незадолго был назначен главным приставом над калмыками, присоединился к нам со своей кибиткой.

Так как первая станция, Батта, находится всего в 17 верстах от Владикавказа, мы на ней не остановились, но продолжали наш путь до Ларса. После обеда мы покинули Ларс. По совету Грибоедова мы доехали верхом на казацких лошадях, чтоб чувствовать себя свободней. Несмотря на опасность, нас сопровождали от Владикавказа до Ананура всего 7 пехотных солдат и столько же казаков. Вечером прибыли мы в форт Дариель. Здесь мы должны были ночевать. во вторник, 3го июля, в 3 часа утра, согревшись стаканом чая, отправились мы снова в путь; на этот раз мы не получили верховых лошадей, и я прошел 20 верст пешком, так как ехать в экипаже по этим тропам неудобно. Дальнейший путь до Тифлиса и мое пребывание там следует с ближайшей почтой. <...>

Тифлис, 25 июля 1828.

3го июля в 10 часов утра дошли мы до Казбека... Местность была необычайно прекрасна; перед нами были очень высокие горы, над которыми поднимал свои снежные вершины великолепный Казбек (он получил свое имя от одного князя). Грибоедову пришлось несколько раз напоминать мне об обеде – так долго любовался я этой единственной местностью. в прежнее время каждые семь лет с вершины той горы срывались снежные глыбы, которые, как громадные лавины, скатывались вниз и заполняли долины, так что дорога на две недели бывала засыпана и всякое сообщение прекращалось.

...Дорога от Казбека до Коби, так же как и прежнее, шла вдоль свирепого Терека. Мы проехали с версту, когда к нам подошел офицер водных путей сообщения и сказал, что образовавшаяся от таяния снега вода сделала дорогу непроходимой.

По некотором размышлении Грибоедов решил ехать дальше. Мы подъехали наконец к месту прорыва и увидели, что перейти дорогу будет очень трудно;

к счастью, над исправлением ее трудилось много рабочих.

Наши экипажи были отложены, осторожно опущены в провал и вытащены с другой стороны солдатами и осетинами. Несмотря на тяжкую работу, через 40 минут мы смогли сесть в экипаж и ехать дальше.

За несколько верст до ближайшей станции, по названию Коби, нас встретил майор Челябин со свитой примерно в 10 человек казаков и грузин; он был знаком с Грибоедовым раньше; узнав об его приезде, вышел его приветствовать. Коби представляет собою редут, состоящий из 3-4х строений, расположенных в прелестной долине. Нам подали здесь обед, который заставил нас позабыть, что мы находимся в пути; нас было семеро за столом: Грибоедов, два грузинские офицера, Челябин, командир редута и два секретаря. За столом было очень весело.

После обеда, простившись с обоими офицерами, мы поехали дальше, майор нас провожал. После того как мы прошли верст 5 по очень трудной дороге, встретились нам несколько осетин, которые отозвали Челябин в сторону и что-то сказали ему на ухо. Мы узнали, что в трех верстах отсюда собрались 300 осетин, чтоб напасть на проезжающих; люди, которые нам сообщили это известие, были разведчиками. Несмотря на это предупреждение, Грибоедов решил ехать дальше, но, уступив в конце концов просьбам и мольбам Челябин, вернулся, с тем чтоб продолжать путь на другой день.

Мы ехали верхом, поэтому обратный путь не был для нас труден; но с экипажами люди измучились; было очень трудно повернуть их на узкой дороге. Вечер мы провели в разговорах с Грибоедовым.

26 июля.

5 июля на рассвете выехали мы в путь. Мы ехали по прекрасной местности до маленького городка Душет, где мы остановились у начальника водных сообщений, чтобы напиться чаю; когда мы пили, явились чиновники в парадной форме засвидетельствовать почтение проезжавшему министру; не могу тебе передать, что это была за картина; мы от всего сердца хохотали, когда эти провинциалы ушли. Когда мы собирались в путь, один грузинский князь поднес Грибоедову корзину с цветами и огурцами; эти последние, несмотря на то что их очень много здесь, считаются фруктами и всегда подносятся в торжественных случаях. в Гартискаре, последней станции перед Тифлисом, мы обедали под дубом на разостланном ковре. Здесь нас ожидали чиновники, выехавшие навстречу Грибоедову, – два его курьера, тифлисский исправник и некоторые другие; другие чиновники подъезжали к Гартискару, кто верхом, кто в дрожках; между ними был и Шаумбург. Дорога прекрасна до самого Мцхета, древней резиденции здешних царей, насчитывающей 3000 лет; но мы не могли остановиться у этих развалин, так как Грибоедов спешил скорее прибыть в Тифлис» (Литературное наследство, т. 47-48, с. 248-251).

Как видим, остаток пути до Тифлиса тоже не был лишен приключений: приходилось долго ехать верхом и даже идти пешком, преодолевать залитую водой от таяния снегов – и это в июле! – дорогу, прекрасно отобедать с майором Эриванского карабинерского полка Б.Г. Чиляевым, занимавшим должность правителя горских народов по Военно-Грузинской дороге (Летопись, с. 121-122, 227), переждать угрозу нападения осетин, проводить свободное время в длительных разговорах, принимать в качестве подарков огурцы, обедать под дубом

на ковре и встречать многих выехавших навстречу министру-посланнику местных чиновников. Конечно, такая дорога не могла быть забыта, и торги молодого Аделунга вполне понятны. (Автору настоящей книги в мае 2015 г. удалось проехать Военно-Грузинской дорогой, хоть и на автомашине и всего лишь за 7 часов, а не за несколько дней, но это тоже была незабываемая поездка!)

В те дни, когда Грибоедов с сослуживцами приближался к столице Грузии, со стороны Персии туда же в сопровождении военных направлялся конвой с персидским золотом, которое было получено в Тавризе в качестве контрибуции.

Летом 2004 г. в Санкт-Петербурге в Государственном Эрмитаже была проведена уникальная выставка «Иран в Эрмитаже», на которой были представлены самые яркие образцы «персидских коллекций», сформировавшихся за долгие годы русско-иранских связей. Рассматриваемый нами в настоящей книге период был представлен на выставке не только шедеврами кадjarской живописи и предметами декоративного искусства, но и различными орденами, медалями и монетами, среди которых можно было увидеть и монеты 50 туманов (вес одной монеты – около 400 г, то есть примерно 8 г золота за один туман), 20 туманов (вес монеты около 162 г) и 10 туманов (вес монеты около 80 г). в каталоге выставки прямо указывалось, что все эти монеты были получены «в числе других монет с персидской контрибуцией, уплаченной Ираном России по условиям Туркманчайского мира». Сначала они были переданы на Санкт-Петербургский монетный двор, а потом поступили в Императорский Эрмитаж (Иран в Эрмитаже. Формирование коллекций. Каталог выставки. СПб., 2004. С. 229—230).

Получается, что один туман в монетах более крупного номинала равнялся даже не 4,8 г, как мы установили ранее, а примерно 8 г золота, что должно было увеличить общий объем контрибуции с точки зрения общего веса золота. Между тем, по воспоминаниям Э. Бриммера – одного из членов комиссии по приемке контрибуции от Ирана в то время, все было еще проще: иранская сторона передавала России часто в качестве контрибуции не монеты, а золото в особых «палочках», которые по весу приравнивались в определенной пропорции к рублям, и тогда происходил окончательный расчет принимаемых сумм, как это показано на литографии по рисунку В.И. Мошкова, приведенной в одной из фототетрадей к данной книге.

Приведем свидетельство на эту тему того самого Бриммера:

«Золото было привезено в палочках, вершков пять длины и толщиной не много более пальца; уложено все в единообразных кожаных мешках; достоинством должно быть как персидский туман, в котором гораздо больше лигатуры, чем в червонцах. По испытании достоинства золотых палочек и по приведении в известность ста туманов и отношения их к рублям, начался прием. на длинном столе, тщательно вычищенном, сидел персидский казначей, поджав ноги под себя, – перед ним весы; с левой стороны клали мешочки, которые следовало взвесить, с правой – уже взвешенные. Один персиянин клал мешки на стол, другой распечатывал их. Казначей вынимал палочки и клал на весы, члены комиссии проверяли – то один, то другой; потом наш казначей брал золото и укладывал в те же мешочки. Один из членов комиссии запечатывал их, секретарь записывал вес принятого золота и число

мешков, потом они укладывали в сундуки, при которых стоял часовой» (Ениколопов, с. 106).

Да, хлопотное это было дело – считать и принимать контрибуцию, но весьма важное, ведь в нем в Тавризе принимал личное участие и Паскевич, и Аббас-Мирза, когда происходил прием самой значительной, первой части контрибуции в 5 куруров.

Вскоре заниматься проблемами «выбивания» у персиян контрибуции придется и нашему герою, уже вступившему в пределы гордого Кавказа.

Помню...

Торопился отец на луга,
И косу отбивал до потемок.
И вставал он в четыре утра,
И «парное» пил, словно ребенок.

А «парное» бежало в кувшин,
А потом разливалось по кружкам.
Был кувшин тот, как господин,
Среди маминых теплых ватрушек.

И дымилось сенцо по лугам,
И до крыши скирды возносились.
По уставшим отцовским рукам
Помню: жилы горячие бились.

Вставай, деревня!
Паши и сей.
Ведь род твой древний –
На зависть всем.

Твой род великий! –
В нем кровь славян...
Но где ни кликну –
Скрипит бурьян.

И луг не скошен,
И поле спит.
И сад заброшен, -
Душа болит.

Под ветхой крышей
Почил твой род.

**ВАЛЕНТИНА
НАРЫЖНАЯ**

ПОЭЗИЯ

И еле дышит
Твой огород.

Проснись, деревня!
Пора пахать.
И род твой древний
Пора спасать.

Не смотрите вы так на меня,
Лучше в душу мою загляните.
И увидев избыток огня,
Заберите его, заберите.

Буду счастлива тем до конца,
Если он над землей запылает.
И под пристальным оком Творца,
Чью-то душу очнуться заставит.

А под крышею хаты моей
Пусть совьют себе ласточки звезды.
Чтобы мир наш стал завтра добрей,-
Послезавтра уже будет поздно.

Поздно так, что уже ни к чему
Будут копыя, мечи и секиры.
Ни какому уже палачу
Восседать не придется над миром.

Дед

Луч закатный над осенью бродит,
Вышел дед, как свеча, на порог.
И куда-то задумчиво смотрит,
Будто жизни подводит итог.

Надоело ли жить тебе, старый? –
Видно время твое подошло.
А в ответ: «Ну какой же я старый? –
Костыли не сносились ишо».

Где же бабка твоя, где же дети? –
« Пережил я их всех, пережил.
И один вот остался на свете,
А без них белый свет мне не мил ».

Постоял и спустился с порога,
И на лавке под веткой присел.
И над ним, как посланник от Бога,
Позолоченный лист пролетел.

Мне одиноко с тобою, -
Всюду печаль моих глаз.
Только иду за тобою, -
В чем твоя сила и власть?

Луч беспризорный ютится
На отгоревшей стерне.
Словно плененная птица,
Плачет любовь обо мне.

Горе мое безутешное.
Тучи навстречу плывут.
Боже, прости меня грешную,
Смилуйся, дай мне приют.

Пока перо мое скрипит
И над строкою бьется сердце.
Я буду жить, я буду жить
И у огня родного греться.

Пока душа моя болит –
Она жива, она ранима.
Я буду жить, я буду жить,
Ветрами вечности хранима.

Пока свеча моя горит,
Я буду Господу молиться.
Я буду жить, я буду жить,
Покуда сердце будет биться.

Осень

Время сборов, солода и хмеля,
тени всё длиннее, всё короче день...
Бродит среди всех хмельной Емеля:
звёзды падают – пригнуться лень.

Пахнет осенью, грибами и живицей.
Птичьи стаи завершают сбор.
Скоро неизбежность повторится,
предначертанная с давних пор.

Улетят, собравшись в стаи птицы,
облетит прощальная листва...
Есть простая радость: поклониться
птицам, что остались зимовать.

Всех отмеченных любовью и печалью,
в сумерках пустеющих полей,
может быть, уже не повстречаю
на земле единственной своей.

Дума казака

*Деду моему Василию
Поляничко*

Конь мой в поле гуляет
в ковылях среди трав.
На коня не пеняю.
Сам, похоже, не прав.
Всё равнина, равнина,
да овраги, холмы...

**ВИКТОР
ШИНКОВСКИЙ**

ПОЭЗИЯ

Не отчизна повинна. Виноваты все мы.

Жизнь ни густо, ни пусто одаряла, дразня.
Мы нашлись не в капусте среди ясного дня.
Нас отчизна растила средь берёзовых рощ.
Нас ни с фронта, ни с тыла просто так не возьмёшь.

Мы рождаемся в сёдлах, у загривка коня.
Дай, Россия, нам отдых у костра. Дай огня,
И рассветную свежесть в пыльных шлейфах дорог.
Дай излить нашу нежность на родимый порог.

И у самого края хоть чуть-чуть постоять,
где ни ада, ни рая, лишь твоя благодать.
Густо пули ложатся, люблю, мимо меня.
Волю дай мне сражаться, дай лихого коня.
Иноходец мой в поле, в голубых ковылях.
Здесь родное раздолье. Здесь отеческий прах.
Потому и не дрогнет в битве смертной рука.
А за шашку, что в ножнах, ты прости казака.

Раздумья у холма

Я уйду как боец, не успев дотянуться до спуска,
Никого не убив. Но пощады не знал никогда!
Солнце будет вставать над холмом,
Над тропой моей русской,
Будет теплиться вечно над полем вечерним звезда.

Кто лишает меня пробивной моей дедовской силы.
Кто сбивает прицел мой, в котором – ни зги, ни рожна.
Захребетников сброд над Святой, над притихшей
Россией, приближает упрямо закат свой.
И это – на все времена.

Мы почти накануне жестокой, бессмысленной бойни.
В ней смешаются разных земель племена.
Нам всегда здесь стоять – до последней надежды в обойме,
И над полем вечерним скакать нам, сомкнув стремена.

Мне дорога моя не была ни тяжёлой, ни грустной.
Родниковые дали по-прежнему манят сердца.
Но сгущается мрак над холмом, над тропой нашей русской.
Я готов. и я буду, как витязь, стоять до конца!

Камень

Волен я, и улица узка мне,
и любой не страшен поворот.
Мне присесть бы на горячем камне
у твоих распахнутых ворот.

Поглядеть налево и направо,
в небеса – там облака плывут...
Я пока не избалован славой –
улицу не в честь меня зовут.

Повернуть направо – не налево,
переулком тем, где ты живёшь.
Смотришь свысока, как королевна,
хоть себя и Золушкой зовёшь.

Облака плывут всё мимо, мимо;
улица и впрямь неширока.
Защемит в груди неутолимо,
неуёмно, прежняя тоска.

Ты опять пройдёшь и не посмотришь,
только обернёшься невзначай.
Полоснёт по сердцу так наотмашь,
снова, эта самая печаль.

Облака плывут. Куда им деться...
Знать бы только, знать бы наперёд,
почему, куда уводит детство
от твоих распахнутых ворот.

* * *

Сокращается время,
истончается нить.
Только время не бремя.
Жить бы, братцы, да жить...

Я уже налегке. и с собой ничего не захватишь.
Вот и солнце встаёт. Благодать, как в лесу.
И ты руку мою и целуешь, и гладишь...
Вот, пожалуй, и всё, что с собой унесу.

А ещё унесу, я не слаб, я осилю,
всё, что тщетно, отдав, аки наг, аки благ,-
в затихающем сердце Святую Россию,
и победный серпастый, и славный Андреевский стяг.

И рассветы твои, и снега, и закаты,
и над полем ржаным вековую печаль.
Жаль, народ небогат твой, хлеба небогаты.
Да ещё журавлей, пролетающих, жаль.

Пронесу сквозь утраты и дали любые,

по дороге по горней, на самом уже на краю,
синь очей твоих ясных, очей голубиных,
что так пристально смотрят в осеннюю душу мою.

ПЕТРОВСКОЕ СЕЛО

Лихие были годики...
Но кончилась война.
Стучат на стенке ходики
с кукушкой допоздна.

Под лампой керосиновой
твержу ночной урок.
Сбирает лист осиновый
и сушит память впрок.

И репродуктор старенький,
весь в гофрах диффузор,
хрипит, что умер Сталин, и
слеза туманит взор.

В печурке ветер воющий,
и рад я, иль не рад,
из детства меня поезд мчит
сквозь годы – в Светлоград.

Там мама плачет горестно,
печальна хмарь лица.
Сухи, как пепел хвороста,
ресницы у отца.

Снега под утро синие,
Заслеженный перрон.
Казачья быль России –
Петровское село.

Здесь узловая станция,
светло вокруг и над.
Двадцатый век название
придумал – Светлоград.

Но в памяти останется
всем горестям назло,
из прошлого послание:
«Петровское Село».

Названные братья

1

На хутор Бережки, вернулись с афганской войны два товарища - Николай Найдёнов и Славка Реутов. Они - названные братья, решили не расставаться и после службы. Приехали на хутор Бережки - малую родину Славки Реутова.

Сам хутор вольготно раскинулся вдоль холмистого берега Симкиного озера, в которое впадала одноимённая речка - Симка. В озере, в незапамятные времена, якобы, утопилась подневольная девица-краса Серафима - Сима в простонародье, изнасилованная похотливым барином.

Может быть, когда-то Бережки и был хутором из нескольких жалких дворов, но ныне это целое село с добротными домами. Забегая вперёд, вскоре появились на берегу озера и роскошные особняки, отстроенные пришлыми богатеями, сумевшими поймать свою золотую рыбку в мутной воде очередного русского катаклизма.

Парни появились на хуторе накануне того самого «катаклизма», то есть в начале 1989 года, после окончания бесславной, но кровавой афганской кампании.

**ВЛАДИМИР
МАЛЯРОВ**

ПРОЗА

Бывший детдомовец и бравый демобилизованный старший сержант Николай Найденов, в своем начальном появлении на свет был подкинут ночью на порог роддома и найденный поутру старой дворничихой. Он так и остался Найденовым, не изведавшим ни материнского тепла, ни ласки. Отчество – Петрович, взял от имени хромого инвалида Отечественной войны и директора детского приюта Петра Семёновича Степанова – многих пацанов директор одарил своим отчеством, а кого и фамилией.

Недолго прохлаждались друзья и уже через несколько дней включились в работу местного совхоза. Оба механизаторы. И на афганской войне служили на одном «бтээре», Николай – командиром, а Славка водителем. Оба были контужены одной миной, и оба имели по ордену Красной Звезды за умелые действия в продолжительном бою за сохранение колонны автомашин с жизненно важным грузом.

Надо ли говорить, что парни, спустя некоторое время, приобрели авторитет и почет среди населения хутора Бережки. Их не назовешь красавцами, но это были рослые, сильные ребята, готовые постоять за себя и друг за друга, в чем убедилась местная шпана, совсем скоро, в духе времени, назвавшаяся «братками».

Николай – смуглолицый и слегка курчавый тёмным волосом, смахивал, как ныне говорят, на лицо кавказской национальности, но не узнаешь, чей грех таился в подкидыше. Славка, тот попроще - конопатый и с рыжими кудрями. Как бы там ни было, но у местных девчат оба парня были на прицеле.

Первым женился Славка. Ольга, славная двадцатилетняя девушка, никогда не унывающая хохотушка и толстушка, фельдшерница местной больницы увлекла Славку. Все вечера проводил в хуторской больничке, в

которой и проживала Ольга, приехав по назначению в Бережки.

- Ты, знаешь, - сообщал Славка другу, - целуемся до упаду и мне её чуть не до обморока, ну, думаю всё – моя взяла. Хрен там! Начинает меня по мордасам лупить, а то и реветь... Не выношу слез! Измучился, брошу эту канитель!..

У друзей не было друг от друга никаких тайн, даже в таких, вот, интимных делах.

- Ну, так женись, - советовал Николай другу.

- Машину ведь хочу купить, придется маленько, - вздыхал Славка, - а нищих молодоженов и без меня полно. Вот сидим нынче с тобой без работы...

Да, наступили подлые девяностые, когда одни – бойкие, наглые и алчные, включая и некоторых бывших при власти комуняк, спешно подгребали под себя всё что плохо лежало. Другие от недоумения или лени равнодушно взирали на то, как их обирали чужие грязные руки.

Менее чем за год растащили имущество совхоза, куда-то исчезли и его руководители. В разоре умер и сам совхоз. Появились какие-то сомнительные личности, поговаривали, что это будущие арендаторы бывших совхозных угодий, но местным жителям они пока ничего не предлагали.

Николай и Славка перебивались случайными работками. Из бывшей полевой бригады перетащили домой давно ржавевший под открытым небом сломанный колесный трактор с навесным ковшом и лопатой впереди, который бойкие не успели сдать на металлолом. Месяц возились, искали запчасти, праведно и неправедно, но запустили машину в работу. Тогда и начались заработки. Трактор с навесным ковшом и лопатой не простаивал и всегда был востребован.

2

Однажды на самой зорьке, Славка разбудил Николая, сияющий всеми своими конопушками и огненным чубом.

- Колян, у меня с Ольгой всё получилось! – восторженно сообщил он другу. – Ты знаешь, девственницей оказалась, потому и упиралась так долго...

- Но теперь-то женишься? – спросил Николай.

- Вот машину куплю...

- Гляди, а то Ольга может и не дожждаться свадьбы...

- Да, ты чо – мы любим друг друга, а со свадьбой можно и погодить! Сейчас нам и так хорошо...

Наконец, купили складчину подержанную «ауди», по шикарному костюму и «годить» было дальше некуда.

Свадьбу Славке отгрохали – будь здоров! Родители у Славки не были богачами. Сами друзья расстарались на свои – кровные. Был и свадебный поезд из вереницы машин, и столы ломились от всякой снеди.

У Славкиных родителей молодой семье жить стало тесновато. Престарелых хозяев двое – Никита Макарыч да Софья Карповна, дочка- студентка аграрного техникума Машенька да Славка с Николаем. А комната в старом домике всего три. Не стало просторнее и после того как Николай спешно съехал к старушке-соседке на квартиру.

И друзья подсучили рукава – не боги горшки обжигали. Но к строительству дома, тут же, на родительском просторном земельном участке в сорок не мерянных соток, приступили грамотно. Вначале приобрели красочный альбом молодого застройщика. Выбрали картинку, соответствующую реальным возможностям. Затем пригласили старого, ныне немощного и одинокого, бывшего знатного каменщика дядю Витю. «Половина хутора – вот этими самыми...» - лю-

бил повторять во хмелю дядя Витя, показывая свои корявые натруженные руки и недалек был от истины. Он не стал кочевряжиться, назначил «божескую» цену за свое присутствие на строительстве дома и консультацию – бутылка водки «кажиный вечер» и какая-никакая закуска, а также чекушка утром на опохмел.

Парни не могли каждодневно работать на стройке и дядя Витя в будние дни сгорал от нетерпенья. На первоначальном этапе строительства он без дураков советовал как лучше уложить и закрепить железобетонные блоки под фундамент, помогал заводить углы будущего дома, делать «правильный» раствор под кладку и т.д. Как нельзя кстати на стройке пригодился старый трактор. Сразу снимал многие проблемы. А дядя Витя то и дело наставлял парней: «Не упускай из виду шнур, уровень, отвес и будет полный порядок!» Ученики оказались способными ребятами и работа закипела.

Теперь дядя Витя сиживал в тенечке старой яблони, пил маленькими дозами водку, хрумкал огурчиком, сорванным тут же с огородной грядки стариков Реутовых, и наблюдал за работой парней. Иногда он, держась за поясицу, поднимался с низенькой скамеечки, брал в руки отвес или уровень, и обходил свежую кирпичную кладку. Пока раствор не «схватился», железным немудрённым желобком наносил расшнурочку между кирпичами.

Глядя на быстро подрастающие стены дома, дядя Витя начал слегка беспокоиться - строительство дома может закончиться еще задолго до конца лета.

- Не спешите, ребята, не спешите, - начинал одну и ту же песню дядя Витя. – Дом должен усадку сделать а то стены могут на разрыв пойтить. Пospешишь, сами знаете...

Парни, наконец, поняли беспокойство наставника и как-то в разговоре успокоили. Мол, дядя Витя, ваша

помощь за выше обозначенную цену понадобится и впредь – крыша, штукатурка стен внутри дома, настил полов...

- Ой-ей-ей! – притворно огорчился дядя Витя. – До конца моей жизни!

- Нет, старый, ты погоди умирать, - сказал Николай. – Еще мне дом построим...

- На то Божья воля, - почему-то тяжело вздохнул дядя Витя.

Славке дом построили на загляденье и новоселье справили, но, к великому сожалению, сразу после новоселья дядя Витя приказал долго жить.

3

Трудно удержаться от любовного позыва, когда в течение одного дня многожды видишь перед собой милое лицо девушки. Славкина младшая сестренка Машенька именно такой и была – милой девушкой. И если рыжина волоса и конопатое лицо придавали Славке разбойничий вид, то Машеньку лишь украшали косы цвета золота и конопушечки на вздернутом носике.

Когда друзья вернулись со своей непростой службы, Машенька училась в девятом классе. В Николая она влюбилась сразу и бесповоротно. Друзья же, что греха таить, на первых порах покуролесили и не только в Бережках. Бывало и домой возвращались под утро, и не совсем трезвые, а то и слегка помятые в драках. Машенька тайно ревновала Николая к взрослым девчатам, лила слезы в свою девичью подушку, десятки раз давала себе клятвы – не смотреть на недотепу-квартиранта, которого она полюбила всей душой, а он...

Наверное, Николай замечал переживания девушки, но не позволял себе ничего такого, что могло бы скомпрометировать его и девушку. Он относился к

Машеньке как к сестренке, которой у него никогда не было, а может и была...

Машенька поступила в аграрный техникум, когда женился Славка и Николай съехал на квартиру к соседке. Но он частенько забегал к Реутовым, как свой человек и всегда желанный гость. Машенька в ту пору расцвела в очень привлекательную девушку и Николаю стало трудно общаться с ней как с младшей сестренкой. Куда подевался его снисходительный тон, каким старшие обычно говорят с детьми и вообще, когда случалось оставаться наедине с Машенькой он не находил нужных слов. Зато она неожиданно осмелела и даже позволяла себе подначивать Славкиного друга.

Машенька появлялась в Бережках только по выходным. Теперь переживал Николай. Небось она не скучает в городе да и не дадут ей там скучать бойкие, нахальные городские сердцееды. Разве можно не заметить такую чудесную девушку!? Он и не догадывался, что Машенька мучилась в ожидании выходного, ни одного не пропускала, чтобы хоть на день, да навещать домой. Родители и те удивлялись:

- И охота тебе, дочка, каждую неделю мотаться туда-сюда? Отдохнула бы в городе, в кино сходила бы с подружками...

Конечно, маленько лукавили дед с бабкой, догадывались о причине частых наездов домой дочери. И Николай по настоянию стариков вновь вернулся в дом Реутовых.

От автобусной остановки и до родного дома каждый раз Машенька спешила ног под собой не чуя, и сердце билось, шальное, едва не выпрыгивая наружу. И только увидев радостные, счастливые глаза Николая, девушка переводила дух.

Не могло так продолжаться бесконечно. Однажды в свой очередной приезд домой, Машенька и Николай

отправились вечером на дискотеку. Николай был небольшой охотник до танцев, но Машенька настояла и он не мог ей отказать. Дело в том, что на выходные в родной хутор съезжалась молодежь, разъехавшаяся по всему краю. Вот Машеньке и хотелось повидать подружек, бывших одноклассников и просто узнать хуторские новости.

Домой возвращались за полночь. Хороша была майская ночь. Из каждого палисадника волнующе пахло сиренью. Под тенистыми кустами, на лавочках, там и тут слышался шаловливый девичий смех или приглушенный голос какого-нибудь парня. А яркие южные звезды и теплая ночь не давали и помышлять о сне.

Присели и они на лавочку под акацией у двора Реутовых. Николай закурил, долго мялся, потом, не глядя на девушку, спросил:

- Маш, у тебя там, в городе, кто-нибудь есть?

Она тихонько рассмеялась, и также задала вопрос:

- Коль, ты не догадываешься почему я каждый выходной дома?

- Скучаешь по старикам, по дому... - слукавил он, затаив дыхание и отшвырнув сигарету.

- А ещё? – продолжала допытываться девушка, наклонив голову, пытаясь заглянуть ему в лицо.

- Ну, подружки, одноклассники... - осипшим голосом едва вымолвил Николай.

- Не ври! – заявила Машенька. – Всё-то ты знаешь... - она, привстав, охватила горячими ладошками его низко опущенную голову и поцеловала в губы.

Не успела увернуться. Он поймал её за талию одной рукой и она оказалась у него на коленях. Целовались-обнимались, забыв про время и короткую ночь. Очнулись, когда во дворе во всю глотку заорал бравый реутовский петух.

Держась за руки, прокрались в дом. В прихожей замялись. Потом Николай решительно повлек девушку в свою комнату. И она покорно пошла за ним.

4

Николай, после той сумасшедшей ночи, предложил Машеньке руку и сердце, короче, не откладывая, подать заявление в загс. Но девушка распорядилась по своему:

- Коль, давай свадьбу отложим до осени, - сказала Машенька. - Я оканчиваю учёбу. Училась хорошо, хотелось бы и завершить достойно. Ведь наша любовь оттого не пострадает?

- Нет, конечно, - согласился Николай. - Я просто подумал, чтобы ты не думала...

- Коль, я так долго ждала, нет, не свадьбы, а нашей любви. Наконец, сбылось...

- Это надо еще поглядеть, кто дольше ждал пока ты вырастешь...

- Знаю, как ты ждал, - погрозила пальчиком Машенька. - Помнишь, когда вы только вернулись со службы, что вытворяли с братиком? А я уже тогда подушку слезами мочила...

- Да я на тебя едва увидел, глаз положил, но ты же была совсем девчонкой-школьницей, - оправдывался Николай.

- Школьницей... У нас тогда в классе девочка от мужика родила мальчика, - снисходительно улыбнулась Машенька.

А потом был переполох в доме. В середине лета, когда Машенька сдавала последние экзамены, защищала диплом, родители, по им одним известным приметам, определили интересное положение дочери. Когда ей самой казалось, что пока «ничего не видно».

Старики укоризненно заглядывали на квартиранта. А однажды вечером в дом ворвался хмельной Славка.

- Ты, друг называется, - с порога начал орать Славка, - где живешь, там и подлость творишь!

Он попытался сходу залепить Николаю леща, но тот перехватил его руку. Николай был гораздо сильнее и увертливее друга, но этим преимуществом он и не думал воспользоваться. А Славка рвался в бой и ему даже удалось пнуть противника.

- Ты выслушай сначала, спроси у Машеньки... - пытался увещевать Николай Славку.

- Эх, ты – друг до гроба! - едва не плакал тот, сопротивляясь сильным рукам. – Опозорил сестру и рад...

На шум прибежали старики, с плачем на Николае повисла Софья Карповна:

- Ты, Коля, тверёзый, не бей Славку!

- Теть, Соф, да я его и не думаю бить, - успокоил квартирант хозяйку, - держу, чтоб он мне фингал не поставил...

С улицы вбежала Машенька, благо, была дома. Сразу поняла в чем причина крика:

- Славка, уймись!- подступила она к брату. – Не лезь в наши дела, к тому же пьяный!

- Чего вы всполошились? – уже к родителям. – Николай меня давно в загс тянет – сама отложила до осени...

- На всё божья воля, на всё божья воля, - успокаиваясь, умиротворенно повторяла Софья Карповна.

- Я виноват, - повинился Никита Макарыч. – Сказал Славке, мол, Николай, кажись, огулял твою сестру...

- Вот старый греховодник, устроил свару, - упрекнула Софья Карповна мужа. – Без малого до смертоубийства не довёл...

- Да, ну тебя, мам! – стыдливо уводил глаза, пришедший в себя Славка. – Что ж я на Коляна с ножом или ружьём накинулся?

Дело окончилось тем, что Никита Макарыч выставил на стол трёхлитровую банку домашнего вина и с миром, со смущенными смешками замыли это дело.

Осенью, в прекрасную пору бабьего лета, Николай и Машенька поженились. На свадьбе уже никакими ужимками нельзя было скрыть положение невесты. Да, Машенька, особо и не смущалась под десятками нескромных взглядов.

Семь - я

1

Десять лет прожили душа в душу Кирилл и Марина Смирновы. Дружба переросла в любовь со школы – учились в одном классе. И поженились, едва Кирилл вернулся из армии.

Жили в небольшом провинциальном городке, под боком у города Ставрополя, в собственном доме, который Кирилл унаследовал от рано упокоенных родителей. Он работал водителем-дальнобойщиком, она – медсестрой в городской поликлинике. Хорошо жили – без излишеств, но и без нужды. И дети погодки Витя и Лиза родились здоровенькими, теперь уже школьники, радовали родителей отметками и своими способностями. Витя успешно осваивал в музыкальной школе скрипку, Лиза пела и плясала в городской самодеятельности, да так хорошо, что девочку стали узнавать на улицах городка.

Всё обрушилось, когда неожиданно заболела Марина. Казалось, цветущая тридцатилетняя женщина, сама причастная к медицине, не должна бы болеть.

Ан, нет. Вначале появились небольшие головные недомогания, дальше больше. Ужасные боли уложили Марину на больничную койку.

Кирилл и дети разом будто осиротели. Он привык, чтобы Марина всегда ждала и встречала его из рейса. Её руки, её губы - всё давно знакомо, но как она вся была желанна!..

Вернулся, жены нет, дети растеряны. Они тоже привыкли видеть свою мамку всегда весёлой, здоровой и заботливой. Дом без хозяйки опустел. Конечно, Кирилл из последнего телефонного разговора с женой обо всём знал, но тем не менее всё случилось неожиданно.

- Кирюша, меня кладут в больницу, - сказала ему Марина. - Терпеть головную боль нет никакой мочи. За детьми присмотрит соседка. Возвращайся скорее, родной...

Потом они все вместе притихшие и робкие навестили её в больничной палате. Благодаря врачам и лекарствам Марина взбодрилась и при виде родных лиц даже улыбнулась, но её лицо, так недавно свежее и румяное, было измученно и бледно.

При виде своей «мамки» у детей навернулись на глазах слезы. Ком в горле застрял и у Кирилла, когда он впервые увидел в беспомощном состоянии свою любимую.

Говорили почему-то почти шёпотом, хотя в палате и не было никого из посторонних. Марина не могла не заметить угнетённого состояния своих близких.

- Даст Бог, поправлюсь, - сказала она как можно тверже. - Кирюша, ты-то взбодрись, а то и дети, на тебя глядя, приуныли.

- Поправляйся, родная, а мы-то ничего, как-нибудь, - растерянно говорил Кирилл. - Я, вот, отпуск взял... Марин, может кому из врачей подмазать на твою поправку?

- Не вздумай, Кирюш! – Марина даже приподнялась малость. – Все врачи знакомые, и без того делают всё возможное – сама вижу...

- Как скажешь, - развел руками муж.

Они также робко покинули палату, когда дежурная медсестра попросила не утомлять больную.

2

Марина не была истово набожной. Правда, в церковь иногда навещалась и не только по праздникам. По-своему молилась о здоровье детей, о благополучном рейсе мужа в дальние края. Особенно в смутные времена девяностых частенько посещала церковь, молила Бога о сохранении раба божьего Кирилла от всякой напасти. А напасти хватало – и грабили, и избивали на дороге лихие люди или попросту – бандюки. Но семью надо было кормить – другой работы не было. Да и сам Кирилл – парень не робкого десятка, по обстановке мог угостить и монтировкой.

Мысленно молилась и теперь Марина, экспромтом сочиняя собственные молитвы. Просила у Бога здоровья ради детей и мужа, обещала помогать сироткам и нищим, которых расплодилось не в пример прошлым совковым временам.

И Бог внял, а может то врачи постарались, а может организм сильной женщины поднял свой резерв, поди теперь разберись. Словом, пошло у Марины дело на поправку. Появился аппетит, а с ним и румянец на щеках, и частая улыбка при виде близких. Вскоре её и вовсе выписали из больницы, и Марина вернулась на свою прежнюю работу - в поликлинику.

Однако, она помнила, что обещала Богу, лёжа на больничной койке.

В первый же выходной Марина вместе с мужем отправилась в местный детский дом. Собрала ещё добротную одежонку сына и дочери, которые из нее вы-

росли, а также посильную сумму денег. Пообщались с детишками-сиротами. Марина едва сдерживала слёзы, глядя на ждущие, умоляющие глаза детдомовской детворы.

И потом, с мужем и без оно, Марина хаживала в детский дом. Её узнавали, её приходу радовались. Но каждый раз, навещая приют, она видела его не проходящую убогость и особенно эти печальные детские глаза...

Долго думала Марина, прежде чем решиться на разговор с мужем. Решилась и почти уверенна была, что Кирилл её поддержит.

- Взять двоих детдомовских, - в раздумье проговорил Кирилл на предложение жены. - Марин, я тебе плохой помощник - из рейса в рейс. Тебе решать...

Взяли пятилетнего мальчика Серёжу и четырёхлетнюю девочку Иру. Свои, старшенькие, вначале настороженно отнеслись к пополнению, даже первое время принялись ревновать озабоченную новыми хлопотами мать. Но вскоре сами взяли шефство над названными братом и сестрой.

Спустя год взяли еще одного пятилетнего мальчика Диму. Очень уж он понравился Марине своим весёлым нравом и ласковостью, так и льнул к ней, словно котёнок.

- Теперь у нас настоящая семья, - торжественно объявила Марина за празднично накрытым по этому поводу столом. - Семь - я!

Дима оказался очень живым, спортивным ребёнком. Он мог пройтись на руках, тридцать раз отжаться от пола, сесть на шпагат, а ещё он учился играть на балалайке. Правда, с грамотой не ладил. Если Сережа, под наблюдением Лизы, уже прочёл букварь, а Ира не только читала, но успешно занималась сложением и вычитанием, то Дима на занятиях разом скучнел и обиженно смотрел на Лизу, изображавшую из себя

учительницу, но у девочки действительно проявлялись педагогические способности. Она мечтала в будущем стать, если не артисткой, то учительницей русского языка и литературы.

В чем не откажешь Диме, так это в памяти. Ему достаточно было раз-два прочесть «учительницей» короткое стихотворение, и мальчик без запинки мог повторить, например, из Рубцова, стихи которого очень любила Лиза:

КОЗА

Побежала коза в огород.
Ей навстречу попался народ.
- Как не стыдно тебе, егоза?
И коза опустила глаза.
А когда разошёлся народ.
Побежала опять в огород.

Однако, сидение на одном месте его угнетало. Стоило окончиться занятиям, Дима преображался. Он бежал к маме, если та была дома, льнул к ней с объятиями и поцелуями, выпрашивал чего-нибудь вкусенького, мчался во двор, прыгал на перекладину или брусья, ловко подтягивался или «качал» пресс, держа ноги под прямым углом, украдкой поглядывал по сторонам – нет ли рядом «учительницы». Надо же было ей показать то, что он умел, но не умели они, умники. Кирилл построил во дворе целый комплекс для детей. Было здесь и бревно для спортивного прохождения, и даже канат для верхолазанья.

Потом Дима брался за балалайку, и у него уже что-то получалось, благодаря инвалиду-сапожнику дяде Сёме, чья будка стояла рядом с домом Смирновых. Дядя Сёма, потерявший ногу в первой чеченской кампании, был виртуозом-балалаечником.

3

Время не стояло на месте, и дети неожиданно для родителей, становились взрослыми. Витя сразу же после окончания одиннадцатого класса поступил в Рязанское военное училище ВДВ и до поступления уже имел за плечами несколько любительских прыжков с парашютом. Скрипка осталась для сердца.

Следом Лиза примирила две профессии, о которых мечтала – артистки и педагога. Она поступила в Московский институт культуры и продолжала петь и танцевать на любительской сцене. Младшие учились в начальных классах.

Ни разу не пожалели ни Кирилл, ни Марина, что пополнили семью за счет детдомовских детей. У супругов, конечно со временем, привязанности к чужим когда-то детям было ничуть не меньше, чем к единокровным.

Иногда поражал своими выходками Дима. Родители думали, что с взрослением ЭТО пройдет.

Как-то соседский кот принялся таскать у Смирновых цыплят со двора. Марина видела собственными, когда соседский Барсик – рыжий огромный кот, волок ещё пищавшего цыпленка на свою усадьбу.

Посетовала Марина соседке, но что поделаешь – кот не собака, не привяжешь.

- Марин, да палюганом его огрей разок, - просто-душно посоветовала соседка, - небось задумается...

Легко сказать - «огрей», а хозяйка недосчитывалась уже троих подрастающих цыплят. Выказала за семейным столом свою боль. Сережа и Ира посоветовали Марине обратиться в полицию. Лишь восьмилетний Дима, сочувственно глядя на маму, промолчал. А вечером, когда Марина вернулась с работы, Дима позвал маму в огород.

За сараем с разможенной головой лежал тот самый рыжий Барсик.

- Мам, этот тебя огорчил? – спросил Дима.
- Димочка, как ты мог?! – прижав ладони к щекам, едва вымолвила Марина. – Ведь это жестоко...

- Зато теперь наши цыплята целы будут, - неприемлемо заявил мальчишка.

- Как же ты его поймал? – позже спросила Марина сына.

- А он, кроме цыплят, ещё и колбасу любит, - улыбнулся Дима. – Заманил в сарай и там угостил тляпкой...

Кота вечером Дима закопал на пустыре за огородом. Дело Барсика было закрыто. Соседка пометалась-пометалась в поисках любимого кота да и успокоилась, приобретя опять же, рыжего котёнка. Любила соседка рыжих.

О происшествии Марина рассказала Кириллу, когда тот вернулся из рейса.

- Правильно поступил, - усмехнулся Кирилл.

- Но откуда в нем столько жестокости?

- В духе времени, - вздохнул Кирилл. – Похоже без этого, без жестокости нынче не проживешь... Ну, вытаскал бы он у тебя всех цыплят?

- Но ведь Витя не был таким, и Сережа очень любит животных...

- Каждому своё, - неопределенно сказал Кирилл, пожав плечами.

Другой раз пацан лет четырнадцати из соседней улицы, на которой располагался гастроном «Магнит», начал приставать к Ире, вышедшей с покупками. А когда она попыталась отшить навязчивого поклонника, тот обругал Иру непотребными словами. Девочка вся в слезах прибежала домой. Дома был один Дима. Он кое-как выслушал плачущую сестру и молча вышел за калитку. Не прошло и получаса, как он вернулся, держа обидчика Иры за руку. У того ярко «светился фонарь» под правым глазом и вместо одного из передних верхних зубов зияла окровавленная дырка.

Пацан был года на три старше Димы, но тем не менее смертельный испуг был на его лице.

- Этот? – спросил Дима сестру.

В ответ она лишь молча кивнула, сама испуганная расправой над её обидчиком. Испуганно смотрел на эту сцену и появившийся Сережа, совсем не драчун и не смельчак.

- Извиняйся! - приказал Дима пацану.

- Извини, Ира, я больше не буду, - пролепетал тот.

- Смотри, чтоб честно было, - предупредил Дима и дал пацану прощальный пендаль.

Дима уже два года занимался в секции бокса и подавал тренеру большие надежды на будущее.

Тем дело не кончилось. Вечером без спросу вторгся в пределы смирновского двора разъярённый отец Вадика, так звали того пацана. Сам Вадик застрял в калитке.

Мужик крепкий с виду, хоть и лысый, но не старый. Не сдобровать бы Диме, будучи пойманным тем мужиком, но на счастье Кирилл был дома.

Вначале, не менее разъярённый хозяин, подал громогласную команду непрошенному гостю:

- Стоять!

Тот опешил, но тут же, сжав кулаки, полез на хозяйина:

- Твой гадёныш изувечил моего сына!

- Ещё посмотрим, кто из них двоих гадёныш, - сказал Кирилл. Он был уже осведомлен в произошедшем.

- Дима, Ира, идите сюда! – позвал он детей из дома.

Те опасливо приблизились к отцу. Серёжа стоял на крыльце дома и наблюдал за происходящим. Мужик продолжал размахивать кулаками и ругаться, но ударить Кирилла было слабо. Чувствовал, что непременно получит достойную сдачу.

- Посмотри, кто отметелил твою дылду, - кивнул Кирилл на сына.

Дима и вправду был на целую голову ниже Вадика, гораздо уже в плечах и вообще не походил на силача.

- И за что? – продолжал Кирилл. – За честь вот этой самой девочки – сестры, которую твой сын гнусными словами поносил у гастронома. У тебя была сестра?

Мужик, наконец, уgomонился и повернувшись, хотел позвать сына для окончательной разборки. Но Вадика и след простыл. Мужик, неловко потоптавшись, молча пошел со двора.

Уже в калитке обернулся и негромко проговорил:

- А сестра у меня была и есть, и я её никогда не давал в обиду...

- Вот видишь, Гриша, - Кирилл, наверное, знал мужика. – Мы поняли друг друга...

Дети обняли отца и они втроем направились к дому.

- А ты молодец, – потрепал вихры на голове сына Кирилл. – Так держать!

4

Но пришло время огорчиться и Кириллу. Перед поездкой в очередной рейс они с Мариной продали старый «жигулёнок-копейку» и приобрели более достойную «Приору». Успели разок семейно съездить на известное Ново-Троицкое озеро, вдоволь накупались и позагорали.

Десятилетний Дима допытывался у отца о достоинствах новой машины, как включается то, для чего нажимается это... На обратном пути Кирилл дал даже порулить сыну на безлюдном проселке. Дима оказался способным учеником.

- Расти, станешь дальнобойщиком и моим напарником! – прочил Кирилл сыну.

- Ну, уж нет! – категорично заявила Марина. – Хватит с нас одного дальнобойщика...

И ещё раз и другой Димка приставал к отцу показать то да это в вождении автомобиля. Кирилл и рад был посвятить сына в секреты собственного мастерства. Они даже покатались взад-вперед по просторному двору.

Кирилл ушел в рейс. Марина отправилась на работу в свою поликлинику. Ира пошла в гастроном за продуктами, чтобы потом сготовить обед. Мальчишкам было велено прополоть на огороде грядки с перцами и капустой.

- Поехали, покатаемся! - предложил Дима брату.
- На чём? – с недоумением спросил тот.
- На чём, на чём – на «Приоре»!
- С ума сошёл!
- Не бойся, мы только до перекрестка и обратно...

До перекрестка было никак не меньше километра. И как Сережа не отговаривал брата от поездки, тот и слушать не хотел.

Ключи не надо было искать – они висели в кухне на гвоздике. Дима распахнул ворота гаража, выходящие напрямиком на улицу. Машину он завел сразу, но вот выехать из гаража задним ходом – не получалось. Машина глохла. Наконец, новенькая «Приора» выкатилась, и пока Димка искал тормоз, сама остановилась на середине улицы.

- Димка, ты с ума сошёл! – едва не плача, кричал Серёжа.

«Приора» неспешно и неуверенно стала удаляться от дома. Серёжа бежал следом. Вскоре ход машины выправился, и она, прибавив в скорости, покатила по дороге. Серёжа отстал.

Димке удалось доехать до перекрёстка, но, когда он поворачивал обратно, дорогу ему заступил железобетонный столб электропередачи.

«Приору» с расквашенным носом, правда, своим ходом доставил домой сосед, уведомлённый Сережей в аварии брата.

- Ну, держись, Димон, - с усмешкой предположил сосед дядя Игорь, - по-моему, репрессивных мер тебе не миновать...

Марина в сердцах дала незадачливому водителю крепкий подзатыльник, тем и ограничилась. Ждали возвращения отца.

Вот и он явился довольный удачным рейсом. Жаль Марине огорчать мужа, но она тут же поведала ему о происшествии, чтобы Кирилл не хватил «кондрашка» при виде покорёженной мордочки «Приоры».

Естественно, тот сразу в гараж, обследовал машину, конечно, расстроился, но в конечном счёте решил, мол, ничего страшного, отрихтую своими силами.

Вернулись дети со школы. Ира и Серёжа повисли у отца на шее. Ира зацеловала папку. А вот Димка выглядел насупленным и виноватым. Остановился, едва вступив в комнату, в ожидании наказания. Кирилл ободрил провинившегося сына:

- Ну, а ты, Димка, чего топчешься? Иди, поздравляемся...

И Димка подошел к отцу, ткнулся ему в свежесбрированную щеку губами и вдруг разревелся:

- Я больше не буду, папка...

- Реветь-то зачем? – сказал Кирилл. – Я думал ты дальнобойщиком станешь, а ты в угончики метишь...

Только всего-то и наказания. У Кирилла было доброе сердце.

5

Радовали дети родителей Смирновых. Витя после окончания училища служил под Москвой, женился и уже ждал прибавления в семье. Лиза ещё до окончания института вышла замуж за москвича и стала мо-

сквичкой. Серёжа, несмотря на повальное увлечение молодежи компьютером и вместе с ним «мировой паутиной» - интернетом, не расставался и с книгой. Он мечтал стать историком. Огорчало, что уже в девятом классе ему пришлось носить очки. Ира окончила школу с «красным» аттестатом и, не мудрствуя лукаво, поступила в краевую медицинскую академию. Она хотела, как мама, стать медиком, более того, квалифицированным детским врачом-педиатром.

Нашлась на семейное счастье Смирновых и ложка дёгтя – это Димка. И невольно Марине не раз мысленно припоминалась старая как мир поговорка: «В семье не без урода». Она пугалась и думать о будущем сына, а Димкино будущее было сокрыто мраком.

Сразу после окончания девятого класса поступил в технический колледж, обещая стать механиком по ремонту машин. Не проучился и года, исключили за отвратительное поведение.

О работе Димка не задумывался. Правда, добросовестно посещал спортзал и в спорте, в частности в боксе, достиг определенных успехов и даже имел первый юношеский разряд. В составе команды выезжал на соревнования за пределы края. Брал призы и, опять же, подавал надежды в спорте, пока не был замечен в употреблении спиртного. Вытурили и из спорта.

Сидя дома без дела, иногда брал в руки балалайку и исполнял единственную мелодию: «Светит месяц, светит ясный...», которой успел обучить Димку ветеран и инвалид чеченской кампании дядя Сёма. Сапожник умер в пьяном угаре от сердечной недостаточности.

Марина и Кирилл, с некоторых пор завели сберегательную книжку, чего прежде не было, и стали накапливать сбережения. Задумали обставить по-современному кухню. Как выяснилось - это дело стоило не-

малых денег, если, конечно, сделать всё по высокому классу. А именно так и задумали супруги.

Наконец, нужная сумма была собрана. Книжка записана на Марину, она и сняла деньги. Оставалось два дня до возвращения Кирилла из рейса.

Димка был в курсе похода матери в банк. Приехали на выходной из Ставрополя Ира и Сережа, красивые, повзрослевшие студенты. Во время обеда Марина торжественно объявила:

- Завтра возвращается отец, и мы все вместе поедем покупать новую кухню!

Вечерами Димка исчезал из дома, иногда до утра. «Пусть погуляет, - успокаивала себя Марина, - последние денёчки остались...» Дело в том, что с дня на день Димка ждал повестку в армию. Военкомат уже начал осенний призыв юношей. «Армия исправит, армия научит», - тешила себя мечтой Марина.

Так было и в этот вечер. Ира и Сережа не пожела-ли никуда идти и скоротали вечер с мамой перед телевизором. Ждали отца. Он звонил уже из Краснодара.

Димка вернулся под утро. Марина чутким ухом слышала приход сына. Теперь он будет спать до полудня. «Спи, спи, недолго осталось, - думала Марина. - ТАМ лишнего не погуляешь, не поспишь...»

Димка, наверное, не успел уснуть, как с тихим урчанием, чтоб не разбудить всю улицу, к дому подкатила громадная «фура» Кирилла. Марину словно ветром сдуло с постели. Едва накинув халат на ночнушку, бросилась встречать любимого мужа.

6

Пропажу Марина обнаружила утром, когда готовила семейный завтрак. Что-то подсказало ей до подъёма мужа проверить наличие суммы. Сверток с деньгами она положила в цветочную вазу, стоявшую в за-

стеклённом шкафу. Она вытащила из шкафа всё, что там было, но чуда не произошло. Тогда Марина пошла в комнату сына.

Тот не стал отпираться:

- Да, мам, я взял, - он ждал этого вопроса. - Хотел отыграть карточный долг, но... проиграл...

- И долг остался, - подсказала Марина и заплакала. - Димка, ты всё делаешь против семьи и катишься в пропасть...

Марина фартуком осушила слёзы и вышла из комнаты. На кухне появился Кирилл в одних трусах и босой.

- А чем это у нас так вкусно пахнет? - обнял он со спины хлопчущую у плиты жену.

- Кирилл, я должна сообщить тебе плохую новость, - повернулась она к мужу и, избегая его глаз, проговорила: - У меня на рынке вытащили из сумки деньги, которые я сняла с книжки...

- Да-а, дела, - опешив, неопределённо протянул Кирилл. - Прямо все так и вытащили?

- Деньги были в одном свёртке - в целлофановом пакете, - сказала Марина, по-прежнему стараясь не встречаться с мужем взглядами.

- Дети о том знают?

- Нет, пока не знают...

- Да, дела, - повторил Кирилл и почесал в затылке. - Что ж, ещё год потерпим с кухней... Ты-то сильно не убивайся - деньги, такая вещь - пришли-ушли незнано куда, потом снова пришли... Лишь бы здоровье не подкачало - заработаем, Марин! - он снова крепко обнял жену, а она опять заплакала от его великодушия и стыда за своё враньё.

За завтраком первой заинтересовалась Ира, любительница хаживать по магазинам:

- Мам, ты вчера говорила, что пойдём покупать кухню?

Кирилл вопросительно взглянул на жену: «Неужели она только сегодня обнаружила пропажу денег?» - подумалось ему, но вслух сказал:

- Поход за кухней временно отменяется. Появились другие планы...

Марина ответила мужу жалкой улыбкой. А Димка, сидевший словно на иголках в ожидании отцовского приговора, не выдержал и вышел из-за стола.

- Ты чего? – удивился Кирилл.

Обычно Димка выходил из-за стола едва ли не последним. Всё подметал под чистую.

- Appetita нет, - отозвался тот и скрылся в своей комнате.

Военкомат медлил с повесткой. Марина продолжала беспокоиться, потому что Димка каждый вечер уходил из дома и хорошо, если возвращался под утро. Поугрюмел, стал молчаливым и на вопросы матери едва отвечал. Марина помнила о карточном долге, о котором обмолвился Димка. И однажды, когда сын показался матери ожившим и даже улыбочивым, она спросила:

- Дима, а как же с тем карточным долгом?

- Нет уже никакого долга, - с улыбкой ответил Димка. – Списали!

- Сынок, хочешь на колени стану, - взмолилась Марина, - не играй в карты. Меня до вранья довел, а я ведь прежде никогда отца даже в мелочи не обманывала, а тут... Ведь ему, сам видишь, нелегко деньги достаются...

- Спасибо тебе, мам, - Димка обнял мать за плечи, чмокнул в щёку. – А с картами замётано. Ну их к чёрту!

Разговор состоялся утром, а ближе к вечеру к дому Смирновых подкатил полицейский УАЗ.

Димка, по обыкновению, собирался уходить из дома и последним росчерком взбадривал щеткой перед зеркалом роскошные темно-русые волосы.

- Дмитрий Смирнов? – следом за перепуганной хозяйкой вошел в комнату полицейский лейтенант. Из-за его плеча выглядывал ещё один полицейский. – Вот ордер на обыск...

После обыска, который ничего не дал, Димку увели.

Уже у машины он взглянул на смертельно-бледную мать, пробормотал:

- Мам, это какое-то недоразумение...

Едва машина отъехала, из военкомата подъехал на мотоцикле курьер и передал Марине повестку для Димки – того требовали явиться на призывной пункт с вещами...

Марина прибрела на кухню, села на табурет и, уронив голову на стол, горько разрыдалась.

7

Димку до суда уже не выпустили из следственного изолятора. Он вместе с двумя подельниками обвинялся в грабеже квартиры директора местного молокозавода. Одного взяли на другой день в ломбарде – закладывал кольцо мадам-директорши. Тот за обещание следователя смягчить его участь, как говорят, раскололся. И грозило Димке лет пять полновесного срока.

- И чего ему не хватало?! – вопрошала мужа измученная и разом постаревшая Марина.

- Нет, Марин, - ответил более сведущий в этих вопросах Кирилл, - на такие суммы карточные долги не списываются, и играл он не с друзьями, а с местной шпаной. Вот и полез в чужую квартиру...

Конечно, Марина повинилась мужу в сокрытии Димкиного подлого поступка, но он её успокоил:

- Марин, я догадался, когда Ира задала тебе вопрос о походе в магазин за кухней, - и, вздохнув, добавил: - И чего ради детей не сделаешь...

Димке дали четыре года общего режима, учитывая его молодость, первую судимость и, вообще, наверное судья - моложавый старик, не испытывал симпатии к директору молокозавода.

Тюрьма или зона для Марины всё едино – тюрьма, но всё-таки зона, в которую заключили Димку, находилась не так далеко от краевого центра. Одним днём можно было обернуться.

Марина, что называется, изучила дорожку на зону и обратно. Несколько раз ездила с младшими детьми. Бывало, приезжала в определённые дни, а Димка в карцере, и ни солоно хлебавши, со слезами ехала обратно. Кирилл же ни разу не навестил сына, ссылаясь на занятость.

Однажды отпуск braveго капитана ВДВ Виктора Смирнова совпал с поездкой Марины на свидание с Димкой. С ней поехал и Виктор. Но лучше бы не ездил. У них не оказалось ничего общего, и оба, не находя слов, «играли» в молчанку. Бедная Марина, как ни старалась, но и ей не удалось хоть как-то сблизить названных братьев. Слишком они были разные и разно жили.

Наконец, Димку освободили или, как он говорил: «откинулся». Он изменился за четыре года - заматерел, стал таким амбалом с постоянной хмуростью в лице и редкой скупой улыбкой. «И на каких таких характерах раздобрел?» - недоумевал Кирилл.

Марина не считала Кирилла низкорослым, а тут заметила, что тот едва доставал головой сыну до плеча. Да и взгляд серых Димкиных глаз стал настороженным, недобрым.

- Я, Дима, не прошу у тебя прощения за то, что ни разу не навестил на зоне, - сказал сыну Кирилл. - Понимаешь, Марина для меня святой человек, а ты её постоянно обижал своими проделками. Обидно мне за неё...

- Виноват, - криво усмехнулся Димка. - Больше не буду...

- А вот это мы посмотрим, - сказал Кирилл. - Тебе есть с кого брать пример. Поезжай и вместо отдыха навести братьев и сестер, заодно глянь как они живут-трудятся...

Никуда не поехал Димка, но на работу устроился к одному предпринимателю, держателю процветающей фирмы по ремонту иномарок. Предприниматель, известный в городке под прозвищем Крючок, сам отмотал не один срок, но в хаосе девяностых «выбился в люди». Однако, поговаривали и о нынешних чёрных делах успешного фирмача.

- Свой свояка видит издалека, - сказал как-то Марине Кирилл.

- Кирюш, ты знаешь, сколь Дима мне отвалил с первой полочки? - полушёпотом сказала Марина, хотя они были одни в комнате. И она назвала цифру первого Димкиного взноса в семейный бюджет.

- Эх, Марин, иногда лень тебе пораскинуть мозгами, - сказал Кирилл. - Сама подумай - пришёл в мастерскую новичок, едва умеющий держать гаечный ключ - и на тебе заоблачную зарплату. Нечисто дело, нечисты деньги!

И Марина задумалась, особенно после того, как Димка и из следующей зарплаты отвалил Марине кругленькую сумму.

- Дима, откуда такие деньги?

- У нас, мам, ненормированный рабочий день, - криво усмехнулся Димка. - Потому и зарплата соответствующая...

8

А спустя полгода Димку снова арестовали, и он опять предстал перед судом. На сей раз ему предъявили тяжкие обвинения. Он угонял чужие машины и

не просто легковушки, а дорогие иномарки. В «успешной» мастерской разбирали те автомобили на запчасти. Мало того, одного из водителей Димка покалечил, выбросив на ходу из машины, другого ударил по голове, и тот, не приходя в сознание, скончался в больнице.

Правда, Димку судили не одного, а в компании из пяти человек, причастных к делу. Тут был и Крючок - невзрачный, суетливый человечешко, почти старик.

Но Марине оттого не стало легче. Опять они с мужем прошли через позор присутствия на суде, когда в них тыкали пальцами, мол, вон они – преподобные родители бандита.

Димке и Крючку дали поровну – по пятнадцати лет строгого режима. Теперь Димку отправили подальше – за пределы края. Свидания стали вовсе редки.

Марина вышла на пенсию и решила неспеша поглядеться с детьми и внуками. Она и прежде всех навещала, и они приезжали во время своих отпусков, но всё было поспешно и укладывалось в несколько дней.

По прежнему в холостяках ходил Серёжа. Он жил в однокомнатной квартире, которую купили ему родители, и преподавал в том же институте, теперь университете, который окончил в своё время. Написал две монографии на исторические темы. Готовился защищать докторскую диссертацию.

Марину расстраивал быт учёного сына. Питался кое-как – в холодильнике бутылка кефира да пара яиц. В комнате пусто, неуютно.

Кровать, диван, телевизор, пара стульев, еще письменный стол, заваленный книгами и папками. Книги на полу и подоконниках. Одежда свалена на кровати. Спал на диване. Самое драгоценное у Сережи – книги и ноутбук. С ними Сережа не расставался. Марина искренне удивлялась:

- Как же ты, Серёженька, целыми днями среди девушек и ноль внимания? – Марина как-то заглянула в университет и удивилась обилию именно девушек.

- У меня, мам, зрение слабовато, - застенчиво улыбался кандидат исторических наук, - потом, диссертация много времени отнимает...

Ира жила, считай, рядом, на соседней улице. К младшей дочери Марина навещалась частенько. Ира всего год как вышла замуж за врача-хирурга. Очень положительный человек, хотя и старше Ирочки на добрый десяток лет. У них двухкомнатная, прилично обставленная квартира. Ира недавно родила мальчика Андрюшку и временно не работала.

- Ты бы маленько присматривала за братом, - слегка упрекнула Марина дочь. – Питается всухомятку, недолго и язву нажить.

- Мам, а он меня слушает? – возрилась Ира на мать. – Всё у него кое-как! Говорю, купи хоть платяной шкаф. Нет денег – я тебе займу! Есть у него деньги – получает прилично. Не пьёт, не курит, по девкам не шастает – всё тратит на книги да на поездки по историческим местам края. Не современный он человек, мам! Ему бы в позапрошлом веке надо было родиться.

- С какой-нибудь подружкой побойчее походила бы к нему, глядишь, Серёжа и заинтересовался бы...

- Мам, до подружек ли мне теперь, - Ира кивнула на детскую кроватку. – Этот орёл всё время отнимает, то есть просит, то памперсы менять...

Далее поехала Марина к сыну Виктору в Подмошкowie. Тот жил с семьёй в военном городке – очень чистеньком, уютном, тонувшем в зелени. Семья занимала трехкомнатную квартиру с балконом и лоджией, и что больше всего тогда, в первый приезд, удивило Марину, двумя туалетами.

- Зачем - два-то? – простодушно удивлялась Марина.

- Для гигиены, мам, - улыбалась невестка, привлечательная черноглазая, но блондинка Верочка.

Внуки, тоже погодки, как и Виктор с Лизой, Лёвочка и Томочка уже ходили в старшие классы и во всех отношениях были положительными детьми. Лева уже сделал свой выбор и подтвердил его – три раза прыгнул с парашютом. Поступление в Рязанское училище, которое оканчивал отец – дело времени. Тома пока колебалась между филологией, писала довольно-таки приличные стихи и уже публиковалась в областной газете, и археологией. Её привлекали загадки древностей.

К Лизе, в самую Москву Марина ехала не без робости. Лиза жила богаче всех, и у неё была не только шести комнатная квартира на проспекте Кутузова, но и большой загородный дом. Муж Лизы – Игорь, Игорь Васильевич, очень занятой человек в газовой промышленности. Дома он бывал, словно в гости приезжал. Дел у него невпроворот по всей стране.

У Лизы была своя машина, у мужа – две. Почему-то коробило Марину эдакое роскошество. Но больше всего её коробило, как дети Лизы – Вадим и Эллочка помыкали двумя слугами, в особенности, уже немолодой поварихой Ксенией Петровной.

Как-то посетовала дочери, мол, Ксения Петровна небось обижается на погонялки детей: «подай, принеси».

- Не бери в голову, мам, - посмеялась Лиза. – Мы за это Ксении Петровне деньги хорошие платим.

И ответ дочери не понравился Марине. Лиза давно забросила свою «культурную» работу и жила в своём удовольствии беззаботной барыней.

Но хуже всего, заметила Марина, Лиза изменяла Игорю Васильевичу. В его отсутствие она редко ночевала дома. Приезжала под утро и спала до вечера.

И тут Марина с опаской предупредила дочь:

- А ведь эти проделки, Лизонька, могут плохо кончиться...

- А ты думаешь, он ТАМ благочестивые молитвы по вечерам читает?! – зло бросила Лиза матери. - Мы – квиты, все так живут!

- Кто – все? – с недоумением спросила Марина. – Ни Виктор, ни Ира, ни Серёжа так не живут...

- Мам, мне на них не ровняться, - примирительно, с притворным смирением сказала Лиза. – У меня своя жизнь...

Приехав домой, Марина поделилась своими впечатлениями от поездки с мужем.

- Марин, ты Лизку не трогай своими нравоучениями, - только и сказал Кирилл. – Посмотри, что вокруг творится...

Поехала Марина к Димке на свидание. Увидев его хмурое, подурневшее лицо, пережив тягостное молчание, когда стало не о чём говорить, Марина поняла, что Димка уже никогда не станет ЧЕЛОВЕКОМ. Она мысленно представила, каким он вернётся через тринадцать лет – два уже отсидел, и ей знобко стало.

Марина не забывала о Боге. Посещала церковь, жертвовала и каждый раз, всходя на паперть, испытывала благостное состояние души и освобождение от всего суетного мирского.

Однажды, вписывая в поминальник отдельно в столбики живых и мертвых родственников, она нечаянно вписала раба божьего Дмитрия в столбик упокоенных. Содрогнулась, но исправлять не стала.

И снова Бог внял или так сложились звёзды в Димкином гороскопе, а может, просто обстоятельства в том суровом несправедном мире, в котором он жил. Димку зарезали в тюремных разборках. Но в семье Смирновых, к тому времени, уже было гораздо больше граждан, чем семь – я.

Дашутка

1

Дашутка Радова – шестилетняя девочка с красивой темно-русой головкой, румяными щечками и не по годам серьёзным взглядом больших серых глаз ходила в старшую садиковую группу, а её сестрёнка Томочка – в младшую. Дашутка очень любила и опекала свою сестрёнку. И вдвойне, когда у сестёр не стало мамы. Мама Вера долго болела и умерла в больнице.

Незадолго до её смерти сёстры вместе с папой Гришей навестили маму Веру. Она лежала на больничной койке очень слабая и до невозможности худая. Папа Гриша присел на край постели и, взяв маму за руку, безотрывно смотрел ей в лицо и часто повторял: «Ты только не расстраивайся – всё будет хорошо, родная...»

Дашутка стояла в изголовье матери и молча гладила её, разметавшиеся по подушке тёмные волосы. Младшая Томочка тихо плакала и канючила:

- Мам, пошли домой. Лежать и дома можно...

- Я скоро приду, - шептала мама истончившимися губами, и тянула к Томочке свою бледную, почти прозрачную руку с голубыми жилками. – Ты только не плачь, моя девочка...

Когда они уходили и папа, держа Томочку за руку, был уже в двери палаты, мама Вера глазами подозвала к себе Дашутку:

- Смотри же, доченька, ты теперь вместо меня, - она обняла Дашутку за талию невесомой рукой.

- Я стараюсь, мамочка, - сказала Дашутка. – Ты только поправляйся скорее, - и со вздохом добавила: - А то без тебя с НИМИ так тяжело управляться...

- Ты мне пообещай, доченька, - вдруг горячечно зашептала мама Вера, - если меня не станет, то мамой, вы с Томочкой, назовёте только тётю Олю...

- Я тебе обещаю, - не раздумывая, сказала девочка.
- Мы очень любим тётю Олю... Ты только поправляйся, мамочка.

Тётя Оля – младшая сестра мамы Веры, жила в соседнем городе. У неё был сын Серёжа – ровесник Дашутки, и очень больной муж дядя Коля, не встававший с постели, после автомобильной аварии.

Мама Вера, как и обещала Томочке, вскоре вернулась домой, но в гробу. Гроб поставили у куста зацветающей майской сирени в небольшом дворике Радовых.

Отдельный коттедж они купили накануне болезни мамы Веры. До этого жили в тесной комнате, переполненного семейного общежития. Родители девочек долго копили на новое достойное жильё. Папа Гриша работал аж на трёх работах! Днём – водителем «Газели» - маленького грузовика и одновременно его грузчиком, а ночью трудился «бомбилкой» на своей выдавшей вида «шестёрке». Домой возвращался лишь под утро, чтобы вздремнуть часок и бежать на свою основную работу.

Когда купили трёх комнатный домик, с маленьким двориком и местом под цветочные клумбы, то, думали, что попали в рай. У девочек была своя комната, у родителей отдельная спальня. И всё отдельно, даже туалет с ванной.

На похороны старшей сестры приехала тетя Оля. Как ни трагичен был момент истины, но тётю Олю, с её карими глазами и чёрными локонами, очень красил траурный наряд – чёрное платье и такой же платок, обрамлявший печальное лицо. Она была очень красива и мила.

Девочки были влюблены в свою тётю. Из-за болезни мужа она не могла часто навещать Радовых, но когда приезжала, то всегда привозила с собой праздник. На столе появлялся вкуснейший яблочный пирог,

который, опять же, благодаря тётке, теперь могла испечь и Дашутка. Если папа Гриша был не занят работой, они делали совместные вылазки по грибы-ягоды в ближний дремучий лес. Катались по реке на трамвайчике и гуляли по большому городскому парку с множеством аттракционов.

2

Дашутка ходила во второй класс. Она не была отличницей, но и троек не терпела в своём дневнике. Папа Гриша исправно посещал родительские собрания и всегда был уверен в дочурке – она не подведёт. И Дашутка не подводила – хорошо училась и также хорошо вела домашнее хозяйство. Так хорошо, что отец стал доверять ей иногда немалые суммы денег для ведения того же хозяйства.

Дашутка забирала по вечерам сестрёнку Томочку из садика, не забывала спросить у воспитательницы Аллы Андреевны – молоденькой девушки с чудесными голубыми глазами, как Томочка вела себя в течение дня, так всегда делала мама Вера. И Алла Андреевна, каждый раз удивляясь самостоятельности девочки и, на серьёзный вопрос, давала обстоятельный ответ.

Папа Гриша продолжал трудиться на трёх работах. Как-то, в очередной свой приезд тётя Оля посетовала:

- Гриш, пожалел бы себя – бросил бы таксовать по ночам. Да и опасно, слышала опять в вашем городе бандиты ночью таксиста убили...

- За город поехал, - нехотя ответил Гриша, - польстился на большой куш. А потом, Оль, у меня две невесты подрастает, - кивнул на Дашутку, стоявшую у плиты. - Дашутку хоть нынче взамуж отдавай – всё умеет девка!

- Ты лучше сам, папка, женись, - серьёзно сказала девочка, - а я ещё маленькая...

Другой раз Дашутка нечаянно подслушала из соседней комнаты разговор отца и тёти Оли.

- Оль, пора кончать эту канитель! – раздражённый голос отца. – Берут же Николая к себе его родители...

- Гриш, пойми, не могу я взвалить на стариков такую ношу?! – умоляющий голос тёти Оли.- Они сами на ладан оба дышат, в подпорках нуждаются. Получится, пока Николай был здоров – был и всем нужен, а теперь... Не могу я, Гриша, не могу!

- И я не могу! – тот же раздражённый голос отца. – У меня две девки – им мать нужна!

- Поступай, как знаешь, если ты нашёл им мать, - упавшим голосом произнесла тётя Оля. – Только жаль мне девочек...

- Поймут, не маленькие!

Поступай, как знаешь, - повторила тётя Оля.

Дашутке хотелось ворваться в соседнюю комнату и заявить, закричать отцу: «Никто нам не нужен, кроме тёти Оли!», но она не посмела. Папе Грише и без того тяжело с «двумя девками» на шее.

3

По вечерам, прежде чем отправиться на свой ночной промысел, папа Гриша стал тщательно, почти по-праздничному, одеваться и, более того, бриться, что раньше проделывал по утрам.

- Ты, папка, вроде и не на работу, а в гости собираешься, - заметила как-то Дашутка отцу.

- Пассажир смотрит – водитель небрит, не чёсан, значит и цена ему такая, - схитрил тот. – А, вот, если я при всём параде, то тут уж – извините!

Дашутка всегда просыпалась, когда поздно ночью, а то и под утро возвращался отец. Она с вечера оставляла папе Грише на столе поздний ужин или ранний завтрак. Так делала мама Вера. Чтобы еда не остывала, она из старой куртки пошила специальный те-

плый колпак на вате, которым и накрывала посудинку.

В этот раз папа Гриша вернулся раньше обычного и не один. Дашутка чутким ухом уловила женский смех и папин приглушенный голос:

- Тише, Ир, девочки проснутся...

У Дашутки сна - ни в одном глазу. Она прислушивалась к смеху и негромким голосам, доносившимся из кухни и это продолжалось довольно-таки долго. Потом шумела вода в ванной. Прекратился всякий шум за плотно закрытой на ключ дверью родительской спальни. Так Дашутка и уснула с невесёлыми мыслями о неизвестной ей Ире.

Следующий день был выходной – воскресенье. Но Дашутка давно просыпалась без будильника и поднималась с постели ровно в семь.

Пожалуй, она освоила все домашние дела, которым нужны женские руки. Дашутка готовила, стирала на машине, убиралась в комнатах, пылесосила полы, гладила, штопала, совершала походы по магазинам. Правда, теперь ей помогала подросшая сестрёнка Томочка. На будущий год ей предстояло идти в школу и Дашутка предвидела дополнительные хлопоты.

Войдя на кухню, она обнаружила в мойке гору невымытой посуды, чего в этом доме не водилось по давно заведённому порядку ещё мамой Верой. Каждый был обязан помыть за собой тарелку или чашку. Исключение делали только отцу, как-никак три женщины в доме. Мало того, на столе Дашутка обнаружила блюдечко, приспособленное под пепельницу с окурками от сигарет и следами губной помады на них. Ещё стояла большая бутылка из под шампанского и рядом початая бутылка коньяка. Дашутку просто возмутила такая наглость, тем более, что папа Гриша не курил.

А вот и они – виновники беспорядка явились не запылились. Тётка с красивым, но помятым лицом и

папа Гриша с виноватым видом. Видно замысел – уйти по тихому, не удался и они проспали. Ночь для любовников оказалась коротка.

На тётке был заброшен знакомый до последнего линиялого цветочка халатик мамы Веры. Мама была невысокого росточка, потому высокой тётке халатик был коротковат и почти не прикрывал бесстыдно-роскошные тёткины бёдра.

- Здравствуй, девочка! – как ни в чём ни бывало поздоровалась тётка. – Давай знакомиться – меня зовут тётя Ира...

- Зачем вы надели мамин халат? – Дашутка презрительно взглянула на папу Гришу и тот слегка покраснел.

- Просто я свой халат непредвиденно оставила дома, - улыбнулась наглая тётка. – Пришлось воспользоваться тем, что предложил твой папа...

- У нас в доме не принято оставлять после себя гору немытой посуды и курить, - негодуя сказала Дашутка, но едва не плача.

- Дашутка, успокойся, - неловко выдвинулся вперёд папа Гриша, придерживая резинку трусов. – Сейчас всё сделаем в лучшем виде...

Но Дашутка была непримирима и на этот раз не удостоила коварного изменщика папу Гришу даже взглядом.

- И вообще, - ледяным тоном продолжала Дашутка, - у нас есть тётя Оля и она не позволяет себе курить и оставлять гору немытой посуды...

- Ах, вот как! – весело воскликнула тётка Ира. – А твой папа ничего не говорил мне о тёте Оле...

- Дашутка, что ты мелешь?! – взмолился папа Гриша. – При чём здесь тётя Оля?

- Сам знаешь при чём! – слёзы, всё же, прорвались и Дашутка, прижав к лицу передничек, с рыданиями уткнулась в кухонный шкаф.

- Ах, Гриша! – с весёлым трагизмом воскликнула тётка Ира. – И ты просто кобелём оказался!.. – она развернулась и ушла в спальню. Спустя некоторое время, хлопнула входная дверь. Тётка Ира ушла и, наверное, навсегда.

А Гриша, взяв на руки свою маленькую хозяйку, присел на табуретку.

- Прости меня, Дашутка, - шептал он на ушко дочурке. – Не будет больше никаких тёток...

- Папка, я знаю, ты же любишь тётю Олю, как и мы с Томусей, - Дашутка охватила руками крепкую отцовскую шею, заглянула ему в глаза, своими - ещё полными слез.

- Но ты же знаешь, что тётя Оля замужем, - смущенно пробормотал папа Гриша. - Ты же не скажешь ей про тётку...

- Нет, не скажу! Я знаю, - Дашутка освободилась из отцовских рук и встала на ноги. – Скоро всё кончится, тётя Оля говорила, что дядя Коля совсем плох...

Кончилось. Спустя неделю к Радовым приехала тётя Оля вся в трауре и сообщила, что дяди Коли больше нет. Потом, Дашутка услышала разговор папы Гриши и тёти Оли:

- Грешно мне, как говорят: «Не было бы счастья, да несчастье помогло», - со слезами сказала тётя Оля.

- Тебе-то зачем терзаться? – спросил папа Гриша. – Ты столько лет не отходила от его постели...

- И, все же, Гриша?!...

- На то она и жизнь! – твёрдо ответил тот. - Живым живое – вот надо всех в школу собирать...

Приспела осень и Томочка пошла в первый класс, а Дашутка – в четвертый, вместе с братом Серёжей. Всех своих школьников провожали с цветами папа Гриша и мама Оля.

Папа Гриша бросил свою ночную работу и все вечера проводил дома. Он продал свою старенькую «ше-

стёрку» и купил большую иномарку. Теперь они всей семьёй не только катались на речном трамвайчике, но и выезжали в дремучий лес по грибы и ягоды.

Парус манит ветер

Часть 1

Тимка

*«Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет,
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах».*

А.С. Пушкин

— Тимка! — зовет отец, запрягая лохматую лошаденку, поправляет оглоблю, затягивает постромки. — Тимка!

Пятилетний Тимка бежит к отцу, позабыв в лужице маленький кораблик с бумажным парусом на мачте из щепки.

Отец у Тимки охотник, у него тульская охотничья винтовка и нож охотничий самодельный с костяной рукоятью, такой острый, что режет дерево как масло, лезвие широкое с голубоватым отливом, глядеться в него можно как в зеркало. О таком ноже все лето мечтал Тимка, но отец подарил ему маленький перочинный ножичек. Рано, говорит, тебе, пострел, еще быяхом играть... поранишься. Вот подрастешь, сма-

**ОЛЕГ
СОЛДАТОВ**

ПРОЗА

стерю тебе нож не хуже этого, рукоять из бивня мамонта сделаю, нарочно сам за ним схожу в тундру. Тимка вздыхает, когда это еще он подрастет и сколько еще ждать? Очень уж ему хочется иметь нож с рукоятью из бивня мамонта... Ни у кого из мальчишек такого ножа нет.

Но и то хорошо — первый раз берет его отец с собой в тайгу. Мать не хотела пускать, но отец сказал: кем же ты хочешь, чтоб он вырос? Неженкой, белоручкой, или мужчиной? И мать послушала, отпустила... А Тимке с отцом ничего не страшно... У отца и нож, и винтовка; не раз ходил он в тайгу — родом из здешних мест, сорок медведей добыл своими руками, а уж мелкого зверя — без счета. А прошлой осенью вернулся из тайги с полным возом диких гусей. Всю зиму их ели... Так что после Тимка на мясо смотреть не мог, о хлебе мечтал... Да только плохо было в то время с хлебом. И до Германской было тяжело, а уж Гражданская и вообще натворила дел... Сухарика не найти, не достать... А дичи в тайге, по берегам Лены — сколько хочешь, чуть в сторону отойти от Якутска — места безлюдные, таежные, дикие... Раздолье охотнику.

Задремал Тимка в телеге, на жесткой соломе, под отцовским кафтаном, укачала его ухабистая дорога под скрип колес. Проснулся, когда уже подъезжали к поселку. Деревянные домики рассыпались по берегу над обрывом. Невысокие стены из тонких бревен обмазаны глиной, низкие двускатные крыши крыты корой и дерном.

Заночевали в избенке, а наутро, чуть свет — к реке. Раскинулась широко Елю-Эне, множество островов в ее русле. По берегам леса непроходимые, звериными тропами пронизаны. Отец кинул в лодку невод из конского волоса, сверху усадил Тимку, толкнул от берега, держась за борта, впрыгнул сам — лодка дернулась и заскользила, покачиваясь, по серебряной гла-

ди. Тишина кругом, Тимке слышно, как его маленькое сердечко бьется. Вот и начинают сбываться мечты — взял его отец с собой на реку. То-то еще будет... Свежестью пахнет река. Белая ночь разлилась по небу. На веслах дошли до ближнего острова, пристали в песчаной заводи. Отец высадил Тимку на берег, а сам вбил в прибрежное дно арканый кол, сел в лодку и, правя против течения, стал закидывать в воду невод. Сделав небольшой круг, вернулся к берегу, потянул невод. Вдруг плеснуло, побежали круги по воде — и на мелководье, прямо к Тимкиным ногам скользнула черная тень. Тимка схватил ее руками, прижал сверху, а та ударила хвостом, окатив его ледяными брызгами. Крепко держит Тимка, не отпускает, изо всех сил бьется сильная рыба. Чувствует Тимка под стынущими пальцами напряжение жизни и еще крепче сжимает руки...

— Молодец, сынок! — подбадривает отец и, вытянув невод, спешит на помощь.

И вот уже щука на берегу. Килограмма два в ней, не меньше. Тимка гордо вышагивает вокруг. Поглядывает на воду — не приплывет ли еще...

— Теперь ты настоящий мужчина! — говорит отец.

В сети запутались щука поменьше, ряпушка и пара окуней. Отец набрал елового топляка, разжег костер, зачерпнул котелком воды из реки — будет уха. Оставил Тимку следить за огнем, сам взял винтовку, пошел вдоль берега. Нет стрелка лучше Тимкиного отца, в глаз белки попадет со ста шагов. Он и мамку Тимкину обучил стрельбе, да так, что равных ей не находилось среди мастеров. А сам ни за что не соглашался участвовать в состязаниях. Вот еще, говорил, свинец и порох зря тратить... Услышал Тимка: грохнуло два раза. Вскоре отец вернулся, двух гусей принес.

— Пойдем, — говорит он Тимке, — покажу тебе что-то...

Подкинули топляка в костер. Иссушенный ветрами и солнцем, он вспыхивает словно порох. Отец ведет Тимку вглубь острова. Осторожно ступает, приминая высокую траву. Тимка идет следом. Посреди поляны огромное старое дерево. Кора исцарапана отметинами косолапого, а макушки и не различить — так высоко. Вокруг ствола подлесок и трава вытоптаны, сучья собраны. Нижние ветви украшены цветными лентами и фигурками из дерева и соломы.

— Что это? — спрашивает Тимка.

— Это Кудук — священное дерево, дух тайги, покровитель охоты, — отвечает отец. — Все звери и птицы приходят сюда по неведомому зову. И люди знают о нем издревле, приносят дары и просят духа о помощи, кому что: удачной охоты, достатка в хозяйстве, победы над соперником... Но если вышел на охоту для забавы, то сторонись его — беды не миновать...

— А можно я подарю ему... мою щуку? — спрашивает Тимка.

— Можно. — Отец улыбается. — Только не настоящую. Вот тебе щепка, вырежи сам и прикрепи на ветку... Где бы ты ни был... в трудную минуту позови духа тайги, он вспомнит твой дар и придет на помощь...

Вернулись той же тропой. Вода в котелке кипит. Отец, ловко орудуя ножом, разделал рыбу. Тимка проголодался, но терпеливо ждет, вырезает из щепки фигурку, а получается кораблик, только мачты и паруса не хватает. Приставил Тимка другую щепку, вышла мачта, наколол опавший лист, вот и парус... Наконец, отец зовет его. Получив деревянную ложку, Тимка черпает наваристую уху прямо из котелка.

Пора возвращаться. Холодно сверкает на горизонте низкое солнце. Берег острова закрывает сильная спина отца. Тимка сидит на носу лодки, а в памяти добытая щука — первая большая победа.

Однажды ночью проснулся Тимка. Громкий стук в окно, барабанят в дверь. Отец снял винтовку со стены: «Кто там?» В ответ: «Открывайте...». Тимка видел: отец поник, опустил винтовку, отодвинул засов. Четверо в кожаных плащах ввалились в прихожую, по-хозяйски оглядели жилище, затопали сапожищами по комнатам. Мамка увела Тимку в спальню, дверь прикрыла, велела сидеть тихо. Сквозь щелку видел Тимка: отец сидит понуро, мать собирает ему в дорогу, а чужаки роятся в столах, вытряхивают книги, щупают мебель. Обидно стало Тимке за папку. Не понимает он, что случилось? У папки вон какая винтовка, а у чужаков только маузеры в деревянных коробках. Да, если б папка захотел, он бы их всех победил, не дал бы тут хозяйничать. Почему не зовет на помощь могучего духа тайги?..

Потом только узнал Тимка от деда, что отец его первым из северного народа получил высшее образование, стал учителем, вернулся в родные края с молодой женой — дочерью знаменитого на всю страну ученого, — и написал учебник на якутском языке. За это ли, или за что другое... за правду ли, которую не боялся он говорить любому в глаза, за прямоту ли характера, за те знания, которые нес он простым людям, или из черной зависти, — обвинили его в измене... Не бывало навета страшней во все времена. Вот и пришли за ним холодной ночью, и увели неведомо куда... А наутро соседские мальчишки уже дразнили Тимку «врагом народа» и бросались в него мелкими камушками. Даже лучший друг сторонился его. Сказал, мамка строго-настрого запретила дружить с Тимкой, тер распухшее малиновое ухо...

Плакал Тимка от обиды. Ведь его папка самый лучший, почему же этого никто не понимает... Дрался он с мальчишками из-за отца, домой приходил с расквашенным носом, но никогда не сдавался... А мамка, в

страхе за детей, правдами-неправдами исправила в паспорте одну букву фамилии, наскоро собрала вещи, схватила Тимку и маленькую его сестренку в охапку и - на пристань. Речным пароходом вверх по течению Лены, к железной дороге, в Москву — там дедова вотчина, многолюдье, там спасение...

В дороге вышла история. На одном полустанке чуть отвернулась мама, Тимке только того и надобно. Пошел гулять по рельсам... Хорошо — чья-то добрая рука успела выхватить его из-под мчащегося на полном ходу встречного поезда...

А в Москве нет таких лесов, как в Якутии, и река против Лены — ручей, и дома повсюду словно горы высоченные, а народищу... Столько Тимка нигде раньше не видывал. Под землей поезда шумят, по проспектам автомобили катят, дудят клаксонами... Есть чему подивиться. Трамваи рогатыми лосями по рельсам бегут, позванивают... Живет Тимка с мамкой теперь в большой дедовой квартире в многоэтажном доме на Октябрьской улице, возле театра, тут и парк рядом, и пруды, и цирк... Сколько всего интересного! На манеже дрессированные слоны и тигры, зебры и львы, развеселые клоуны и акробаты... А Тимке пора в школу. Как-то он сможет учиться?.. Дед в золоченом пенсне, с аккуратной седой бородкой, попыхивая трубкой, по вечерам занимается с ним правописанием и арифметикой. Смышлен Тимка, все схватывает на лету, так что к осени держит экзамен в третий класс.

А как исполнилось Тимке десять лет, мама договорилась с проводницей, купила билет, посадила его на поезд и отправила в Ялту к Тимкиной тете. Счастлив Тимка, впервые в жизни он увидит море.

Поезд мчится — черный дым из паровозной трубы стелется, — а то плетется еле-еле, стоит подолгу на станциях и полустанках... Внутри жара, духотища, одно спасение — выйти, подышать в тенечке на пер-

роне... А там бойко идет торговля. Первое время к поезду несли яблоки да груши, потом, чем дальше на юг, дыни и арбузы, пироги с рыбой, а то и вареных раков... Не пропадешь, все недорого... Тимка налопался раков с вареной картошкой и завалился на верхнюю полку... Пролетели леса, кончились бескрайние степи, потянулись вторые сутки пути, а наутро из окошка вагона Тимка увидел сверкнувшую за деревьями гладь. С горы видно далеко-далеко и нет конца-края изумрудному морю, корабли стоят у причала, четвероногие мачты портовых кранов, катера бегут по волнам, силуэты пароходов вдали... Кажется Тимке, вот еще чуточку повыше забраться, и различил бы на горизонте другой берег, но как ни всматривался, прикинув к мутному стеклу вагона — все напрасно...

Тимка с вокзала шагает на пристань. Теплоход «Крым» идет из Севастополя в Ялту. Под безоблачным лазоревым небом раскинулись укрытые лесами зеленые горы, белый город лежит на прибрежных холмах; а на рейде, щетинясь стволами орудий, высится линкор «Парижская коммуна», матросы моют палубу, струи воды сверкают в утреннем солнце.

Тимка сразу влюбился в море. Целыми днями пропадает он на берегу. Нырять с пирса, загорает на песке, играет с мальчишками, а по вечерам бежит к Массандре встречать заходившие в торговый порт белоснежные испанские сухогрузы. На берег выгружали фрукты: апельсины, гранаты, лимоны... До глубокой ночи стояли суда у причалов, а в темноте на борт поднимали тяжелые зачехленные грузы, люди шептались — танки. С рассветом дымы пароходов уже виднелись на горизонте. Не было тогда у мальчишек мечты заветнее, чем тайно пробраться на корабль, уходящий в объятую пожаром войны Испанию, и отправиться в опасное плаванье на помощь легендарному комбригу Листеру...

Тетя Женя работала в порту. Тимка упросил тетю устроить его на пассажирский теплоход юнгой.

— Куда, оглашенный? На корабль?.. Ни за что! — не соглашалась сперва тетя Женя. — Свалишься за борт... Что я твоей матери скажу? И думать забудь!..

Но Тимка настоял-таки на своем.

Договорились с капитаном, и стал Тимка ходить от Ялты до Алушты на пароходе «Мыс Дооб». Матросов хватало, так что Тимке не приходилось драить палубу, а иногда при спокойной воде ему даже разрешали «порулить». Тимка был страшно горд, наконец-то он, как отважный капитан, стоит на мостике и правит настоящим кораблем.

Вернувшись в Москву, он не мыслил о другой жизни. Повезло, что мама — известная спортсменка, чемпионка страны по стрельбе — увлеклась водно-моторным спортом, гоняла на глассерах в клубе имени Баранова.

— Хочешь, возьму тебя с собой в клуб? — спросила она однажды.

А Тимку и спрашивать не надо. Он готов хоть сейчас ехать. Еле дождался обещанного дня.

На выходные отправились в Зеленую гавань на Клязьминское водохранилище. А там целый парусный флот! В просторных бухтах пришвартованы яхты, катера, швертботы ... Конечно, это не линкоры, не океанские сухогрузы, но от вида парусов Тимка затрепетал. Мать потянула его к быстроходным глассерам, а он никак не мог оторвать взгляда от яхт. Не мир моторов и скорость влекли его, а ветер и паруса...

Наконец мальчишку, слонявшегося целыми днями по берегу возле яхт заметили.

— Нравятся яхты? — как-то раз спросили с одной из них.

Тимка кивнул.

— Прокатиться хочешь?

У Тимы от восторга перехватило дыхание. Хочет ли он прокатиться? Да что спрашивать? Конечно!

— Прыгай на борт.

Тимка со всех ног бежит по шаткому мостку, миг и он на судне. Там еще два матроса. Загорелые, сильные, веселые.

— Поднять якорь! — командует командир.

Ветер наполняет паруса, командир на корме у румпеля, правит мимо других швертботов на широкую воду... А вдоль берега «сверлят» веслами байдарочники, «роют воду» гребцы каноэ... Солнце сияет, весело переливается рябь на воде...

Тимка от счастья позабыл все на свете. Яхта идет быстро, почти бесшумно, только слышен плеск волны за бортом. Берег все дальше. Чайки кружат над мачтой.

— Спинакер! — слышится команда.

Огромный пузырь надувается впереди яхты, и кажется Тимке, что они взлетают над волнами.

Командира зовут Георгий Алексеевич или просто дядя Жора. Его Р-45 «Моряна» самая быстроходная яхта в клубе.

— Тебя как звать? — спрашивает он Тимку.

— Тимир.

— Ишь ты, Тимир, почти Тимур... И откуда будешь, Тимир?

Тимке хотелось рассказать, как они с отцом ходили на охоту в тайгу, ловили неводом рыбу, как видели священное дерево Кудук... но разве все сразу расскажешь, и он ответил просто:

— Из Москвы...

— Нравятся, значит, яхты... Ладно... приходи завтра, выдадим тебе швертбот. Гоняй, сколько хочешь!..

Тимка счастлив. На следующий день, с рассвета он на берегу. Дядя Жора ведет его к Ш-10 — маленькой

одноместной яхте. Букву «Ш» Тимка расшифровал как швертбот, а вот что означает «10» решил спросить.

— Это площадь парусности, — объясняет дядя Жора. — На этой десять метров, а на моей «Моряне» один спинакер — сорок, не меньше. Ну, где нос, где корма, ты, должно быть, знаешь... посередке — кокпит, на мачте — парус... Давай-ка, попробуй!..

Сколько раз окунулся Тимка в воду тем днем, он и сосчитать не мог. Не просто управиться с шаткой посудиною, с капризным парусом. Но с тех пор все свободное время пропадал в яхт-клубе.

Дядя Жора преподавал в школе яхтенных рулевых. Туда и пошел учиться Тимка. Решил: нет ничего интересней на свете, чем парусные гонки... Думал ли, что судьба навсегда свяжет его с парусом?..

Там узнал Тимка, что история парусного судоходства насчитывает свыше пяти тысяч лет. Еще в древности египтяне конструировали паруса и корпуса судов из папируса. Корабли строили из связанных папирусных пачек, самые толстые из них располагали снаружи. Такие плоты и суда используют в Восточной Африке, в Персидском заливе и в Южной Америке по сей день.

Лучшими мореходами и судостроителями второго тысячелетия до нашей эры считались финикийцы. Знаменитый ливанский кедр, покрывавший склоны гор на побережье Средиземного моря служил для строительства надежных мореходных судов.

Сыны Поднебесной придумали сворачивающийся парус на рейках и первыми научились идти по морю против ветра. Китайские купцы уже в десятом веке доплывали до Африки на своих джонках. А в 1405-1433 годах впечатляющая флотилия из трехсот семнадцати джонок под командованием флотоводца Чжэн Хэ прошла Тихий и Индийский океаны и посетила более тридцати стран и островов.

Кораблям китайцев в ту пору не было равных. Флагманская джонка Чжэн Хэ несла девять мачт и множество парусов, в то время как в Европе только-только начали строить трехмачтовые корабли. А если говорить о размерах, то рядом с этой джонкой каравеллы Колумба и Магеллана показались бы игрушечными — двадцать пять метров в длину против пятидесяти пяти!

Персидские историки упоминают о появлении русов на Каспийском море около 880 г. В 913-914 годах русы вновь появились на Каспии на пятистах судах, по сто человек в каждом. В Черном море русы проложили водную дорогу в Константинополь, а само море называлось Русским. На Белом море поморы на парусных кочах с двенадцатого века навещали полярные земли и острова, достигали архипелага Шпицберген. Купцы Новгородские исстари ходили в ладьях под парусами.

В 1718 году Петр I учредил в Петербурге «Потомственный Невский флот» — прообраз всех современных яхт-клубов. «Для увеселения народа, наипаче же для лучшего обучения и искусства по водам и смелости в плавании».

Царь запретил строить мосты в новой столице, повелев жителям переправляться через Неву на лодках, и если дует ветер, то не иначе, как под парусами, «чтобы всяких чинов люди, которые в Санкт-Петербурге обитают, во время ветра ездили Невою-рекою на судах с парусами, под штрафом».

Специальным указом Петр повелел заниматься парусным спортом не только адмиралам, корабельным мастерам и врачам, но и сановникам, архиереям и монахам. Для этого он бесплатно роздал им в вечное и потомственное владение полторы сотни парусников, не считая гребных лодок-вереек и буеров. Запретив использовать эти суда для перевозки грузов и каких-либо иных надобностей, «ибо сии суды даны,

дабы их употребляли так, как на сухом пути кареты и коляски, а не как навозные телеги».

Все они были построены на специально созданной для этого «Партикулярной верфи». А во главе Невского флота Петр поставил своего лучшего морехода — тайного советника Ивана Потемкина, прозванного «невским адмиралом».

В 1875 году мастерские Санкт-Петербургского Речного яхт-клуба построили первый в России буер «Метель». А в 1912 году Российский парусный гоночный союз получил право на участие в олимпийских гонках в Стокгольме. Одна из пяти русских яхт — десятиметровая «Галлия-II» — вернулась в Петербург с бронзовой медалью.

К началу 1940-х годов парусным спортом занимались тысячи спортсменов. Появилось множество яхт: килевые крейсерско-гоночные яхты классов Л-45, Л-60 и Л-100, швертботы для озерного и прибрежного морского плавания класса М-20, речные гоночные швертботы классов Р-20, Р-30 и Р-45, швертботы-одиночки класса Ш-10. Все эти суда были сконструированы и построены на отечественных верфях.

Вместе с историей узнавал Тимка и новые морские термины. Все тут называлось по-своему: не лодка, а швертбот, не крепления, а «такелаж», не перекладины, а «рангоут», не просто парус, а «грот» и «стаксель»...

Над новичками, как водится, подшучивали. Просили, например, залить воду в щель швертового колодца. Но Тиму не проведешь, он-то уже знает, что щель сквозная, а в ней «ходит» шверт, заменяющий небольшим яхтам киль.

Тимка учился «вооружать» и «разоружать» яхту, постигал науку «видеть» и «ловить» ветер, ставить паруса под нужным углом, лавировать, совершать повороты, не сталкиваясь с другими яхтами. И снова но-

вые слова: фордевинд , оверштаг , бейдевинд , рельеф дна, лоция...

Матросом на «речнике» ходил он в далекие походы на Икшу и Пестово. С привалами, рыбалкой и ночевками у костра. На обратном пути заступал Тимка рулевым. С каждым разом все послушнее становилась яхта. Все уверенней правил юный капитан.

А после занятий звучали песни и стихи о парусах и дальних странствиях. Все мальчишки мечтали о кругосветных путешествиях, наизусть знали маршруты легендарных мореплавателей: Магеллана и Колумба, Васко да Гамы и Джеймса Кука.

Дядя Жора показывал американские и немецкие журналы о парусном спорте. Рассказывал о всемирно известных гонках крейсерских яхт «Кубок Америки». О том, как в 1851 году Джон К. Стивенс — командор и основатель нью-йоркского яхт-клуба, принял вызов графа Уилтона — адмирала британской Королевской эскадры, и выиграл «Кубок 100 гиней» на шхуне «America». О легендарном конструкторе Натаниэле Херешоффе — создателе огромных яхт, имевших два штурвала, о красавице «Reliance» самой знаменитой его работе — длина по ватерлинии у нее была восемьдесят девять футов, а полная длина корпуса — почти сто сорок четыре фута ! О том, что страна, чье судно одержит победу в кубке Америки, неофициально признается ведущей парусной державой мира...

Раскрыв рты, слушали его мальчишки...

А Тимка решил непременно сконструировать яхту, которая победит на кубке Америки, прославит его на весь мир, и тогда сам «всесоюзный староста» товарищ Калинин вручит ему в Кремле награду...

Опережая события, расскажем, что он действительно построит яхту для участия в розыгрыше знаменитого кубка. Случится это в конце 1980-х на ракетном заводе в Хотьково. Яхту назовут «Варяг» и на мо-

гучем «Руслане» перенесут через океан. Где же сейчас эта яхта? Она находится в музее американского военно-морского флота в Сан-Диего. На почетном месте. Величественный парусник с корпусом алого цвета и большим изображением серпа и молота...

Незаметно пролетело время учебы. Наступило лето. В июне 1941 года Тимка успешно держит экзамен — теперь он яхтенный рулевой второго класса.

А уже 22 июня на Клязьменском водохранилище состоялись гонки с пересадкой — чемпионат Москвы. Тимка готовился, целыми днями отрабатывал повороты и лавировки. Для него это первый большой старт. Тут победа зависит не столько от судна, сколько от мастерства спортсмена, шансы уравниваются — верная тактика. Победитель определяется по итогам нескольких гонок. По правилам каждый участник в очередной гонке пересаживался на яхту, на которой до этого выступал кто-то из его соперников. Сорок участников. Долго можно гоняться...

Успели провести две гонки. Лидировал Алексей Наумов — лучший гонщик в клубе, веселый парень, балагур.

Вдруг на берег выбежал директор клуба, сам не свой, размахивает руками, кричит в рупор:

— Остановить гонки!..

— Что случилось? Почему?

— Война!.. Молотов выступает по радио...

К войне готовились, ее ждали, уже не первый год полыхало зарево над Европой, но верили: победит Гитлер напасть на такую громадину, как Советский Союз — одна шестая часть суши все-таки, а народу сколько... заводов, а мудрый вождь... и тут — вот оно...

Прервали соревнования. Собрались у приемника слушать речь Молотова. Тимка улавливал только обрывки фраз, так был увлечен гонками, не пони-

мал, что же случилось. «...Атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов... Убито и ранено более двухсот человек... — доносилось из репродуктора. — ...Дан приказ — изгнать германские войска с территории нашей родины... Доблестные армия и флот и смелые соколы... Долг перед родиной... Нанесут сокрушительный удар агрессору... — Ну, сейчас, зададут этим фрицам, думал Тимка, только держись. — ...Еще теснее сплотить ряды вокруг нашей славной большевистской партии... Вокруг нашего великого вождя товарища Сталина...»

Кончилось обращение. Только репродуктор потрескивает.

И тут Лешка Наумов первым встрепенулся и крикнул:

— Назло Гитлеру догоняемся! Айда на воду!..

И догонялись. Еще семь гонок успели провести до вечера. Наумов тогда и победил. Получая кубок, тряс рыжим чубом, грозил кулаком заходящему солнцу:

— Ну, держитесь фашисты! Не поздоровится теперь Гитлеру!.. Да здравствует наш великий вождь товарищ Сталин!..

В первый же день войны была объявлена всеобщая мобилизация. Ушел на фронт и дядя Жора, стал полковником артиллерии. Многие яхтсмены работали на предприятиях, связанных с обороной, другие воевали на катерах. В осажденном Ленинграде яхтсмены-буеристы участвовали в создании Дороги жизни на Ладожском озере и в организации дозорной службы и связи между сигнально-наблюдательными постами на льду Финского залива... Клуб опустел. Целый флот сиротливо стоял у причала — бери любую яхту и гоняйся. Остались мальчишки по 14-15 лет, среди них и Тимка. Шла война, а мальчишки выбирали яхты... Казалось война далеко... Еще чуть-чуть и погонят Гитлера восвояси... Но тревожные приходили вести...

А в ночь на 22 июля, ровно через месяц после начала войны, над Москвой завывали сирены, лучи прожекторов заметались по черному небу, гулом наполнился воздух, забухали зенитки...

Тимка вскочил с постели.

— Тима!.. Скорее! — кричит мама, подхватывая на руки Тимкину сестренку.

Хлопает дверь, они бегут вниз по лестнице... В окнах лестничных пролетов мелькает далекое зарево, грохочет со стороны Кремля... Люди выскакивают из квартир, наспех одетые, перепуганные... Этажом ниже, соседка — Зинаида Николаевна, мечется в дверях, торопит мужа:

— Быстрее, быстрее, брось все!..

— Да подожди ты, дай я хоть штаны надену... Не могу же я без штанов!..

— Иди в халате, Сева... Какие штаны!..

Земля дрожит...

На следующий день во дворе только и разговору:

— Слыхали? Кремль разбомбили!

— Как Кремль?! Не может быть!..

— Цел Кремль... — успокаивает дворник. — Я утречком специально ходил посмотреть... Говорят, четвертьтонка попала в Георгиевский, пробила крышу, дошла до полу, но не взорвалась, раскололась на части...

— А верно, что на Арбате всех поубивало?..

— Да не всех... Чего зря пугать. Дома порушило, это верно. Целый квартал, домов под двадцать, ежли не больше — под чистую, в труху и крошку... Ну и людей, конечно, кто остался...

— А я слыхала, всех, кто в метро спустился — затопило водой...

— Пустое говорят... Откачали воду-то... помпами... А перегон точно разбомбили между «Арбатской» и «Смоленской». Поезда не ходят — это факт. И водо-

провод тоже, и газ... Там неглубокая ветка проходит... — Дворник сокрушенно вдыхает. — Бомбы у немца серьезные...

Линия фронта катилась к Москве. К осени начали прибывать войска. По улицам грохотали танки, катили грузовики, проплывали огромные цилиндры дирижаблей и зачехленные «Катюши». Тимка не отрываясь, глядел в окно. Вона какая силища, думал он, разве может такое случиться, чтобы не побили Гитлера?

А как-то вечером Тимка пришел домой, видит, у матери на глазах слезы, в руке конверт:

— Тима, от папки письмо пришло...

— От папки?!

Тимка бежит к матери, выхватывает конверт.

— Отец жив! Воюет в штрафном батальоне... Снайпер...

Жив папка, героически сражается, радуется Тимка, значит, мы обязательно победим. Эх, ему бы винтовку получше, да увидеть Гитлера в прицел, уж он не промахнется — и конец войне...

Передний край оборонительного пояса Москвы проходил по линии Клязьминского водохранилища. Гражданские рыли противотанковые рвы, насыпали эскарпы, строили доты и дзоты... С вооружением было плохо. На позиции завозили английские пулеметы Хайрама, брошенные английским экспедиционным корпусом еще в далеком 1919 году в Мурманске. Солдаты их очень ругали за непомерную тяжесть. Одна станина на треноге весила больше пятидесяти килограммов. Таскать их на себе по осенней хляби — занятие не из приятных. Тимка развозил «Хирамы» на морском швертботе и был счастлив, что не пришлось расставаться с парусом. За это еще и кормили, а в то голодное время каша и тушенка были совсем не лишними...

Рядом с позициями полигон, где пристреливали и проверяли пролежавшее долго на складах иностранное оружие. Там Тимка настрелялся из «Хирамов» вдоволь. Случилось это так. Как-то раз на очередной погрузке к нему подошел молодцеватый майор.

— Твоя яхта? — спрашивает.

— Яхта клуба, а хожу я, — отвечает Тимка.

— Значит, ты капитан?

— Не капитан... Командир.

— Скажи пожалуйста... командир. Ну а что, командир, пострелять хочешь?..

— Смотря из чего...

— Ты глянь, еще выбирает... Ну, например, пулемет... Сгодится?

— Подходяще... — важничает Тимка.

Капитан мнет фуражку.

— Только вот что, я тебе помогу, а ты мне...

— А что надо?

— Прокатить на яхте сможешь?

— Можно...

— Вот и договорились... Приходи на стрельбище. Я там комендант. Мне как раз помощник нужен, вроде тебя... А на закате будь здесь...

Как условились, вечером Тимка ждет. Глядит, выходит из рожицы его майор, да не один, а с сержантом, а сержант — женщина... Так вот оно что — свидание... Ну, усаживайтесь... Выправил Тимка из гавани, дал широкий круг по озеру, хоть и война, а от любви никуда не денешься...

В середине августа в «Парке культуры» устроили выставку сбитых германских самолетов... Вся Москва ходила смотреть. Ходил и Тимка. Глядя на искореженные «Юнкерсы» и «Мессершмитты», гордо думал, что это дяди Жоры работа... Кого ж еще? Рядом были выставлены витрины с фотографиями летчиков, зенитчиков, бойцов истребительных батальонов, пожарни-

ков. Тимка высматривал на фотографиях дядю Жору, но к удивлению так и не нашел... Подумал, видно не доехал фотокорреспондент до дяди Жоры. Или не застал, разминулись... Вон ведь что творится: что ни день — налеты, канонада, бомбежка, в Лаврушенском переулке разбомбило несколько домов, в Соймоновском проезде тоже, у Никитских ворот ухнула тонная бомба, повалила памятник Тимирязеву...

А невдалеке от Тимкиного дома, на площади перед театром Советской Армии «врылась» в землю зенитная батарея... «Гнезда» обложены мешками с песком. Москва оцетинилась зенитками. Они и возле Большого театра, и у планетария, и у всесоюзной выставки... и на крыше Тимкиного дома батарея...

Готовились к уличным боям. Ставили противотанковые ежи и надолбы, баррикадировали проспекты, вывозили заводы, минировали метрополитен... Повсюду только и разговоров: эвакуация, эвакуация! немцы в Клину, немцы в Подольске!.. Со дня на день штурм!.. Но пришли сибирские полки, ударили сибирские морозы — погнали немцев... Москвичи облегченно вздохнули. В Екатерининском саду залили катки. Всю зиму катался Тимка на коньках.

А весной он опять в яхт-клубе. Сразу видно, тут было жарко, немцы трех километров не дошли до Зеленой гавани — берега изрыты траншеями и воронками, на льду обгорелый остов самолета, из-под талого снега тут и там выглядывают нераззорвавшиеся снаряды, стрелянные гильзы...

Тимка нашел в снегу гранату, повернул рукоять — щелчок.

— Бросай! — кричат ему.

Бросил что было сил в сторону, граната стукнулась об лед и осталась лежать... Заржавела, видно, за зиму под снегом...

И Пашка Левин тоже нашел. Только бросил недалеко. Взрывом ранило его и еще двух ребят.

А Володька Лаврентьев отличился. Выкопал из сугроба бутылку с зажигательной смесью, хотел швырнуть, махнул над головой и пролил себе на спину. Тут же запылал. Упал, катается по снегу, кричит:

— Песку!

Присыпали землей, потушили, телогрейка только обгорела.

Зашли в бытовку, а там кто-то возьми и отряхни ему спину. Мол, что это ты такой грязный?.. Володька опять вспыхнул... Пламя по спине бежит... Чуть пожара не наделал, а телогрейки все же лишился.

Несмотря на войну, соревнования не прекращались. В 1942 году Тимка выиграл чемпионат Москвы среди взрослых в классе «М» — морской швертбот. «Эмка» стала тогда самым распространенным классом, у нее было все: грот, стаксель, спинакер, экипаж из трех человек. Делали ее на Таллинской и Ленинградской верфях.

Забегая вперед, скажем, что много позже, в начале 1970-х «Эмку» заменит «Темпест». Только вместо шверта у него появится киль, вместо трех человек со всеми снастями будут управляться двое...

Потом были победы в 43-ем, 44-ом.

— Как тебе удастся все время выигрывать? — спрашивали товарищи.

— А мне дух тайги помогает, — отшучивался Тимка. — Я с ним еще в детстве подружился.

Но главный Тимкин секрет — удачный старт. Часто именно он обеспечивал ему победу в гонке.

У яхтсменов линия на воде не очерчена, это не байдарки, нет стартовых плотиков. Обозначен лишь створ между двумя знаками шириной несколько десятков метров. В зависимости от силы и направления ветра стартовать выгодно у верхнего или у нижнего

знака. Все стремятся занять лучшее положение, ведь лидером становится тот, кто ловит «чистый» ветер. Остальным достается «отработанный» — из парусов соперника. Поэтому надо так рассчитать время, чтобы яхта оказалась у намеченного знака, в нужный момент и на высокой скорости...

А в 44-ом Тимир уже участвовал во всесоюзных соревнованиях в Нижнем Новгороде, в то время — город Горький. Поехали большой командой сборной Москвы. Капитаном был Алексей Петров, инженер авиаконструктор. Яхты погрузили и отправили теплоходом «Ломоносов». А сами — семь часов на поезде и вот он славный град! И Ока здесь, и Волга, и кремль Новгородский.

Поселились в спортшколе на берегу возле леса и сразу на реку, изучать местность, где мели, где течения... Пока дождались теплохода, на котором везли яхты, разобрали лоцию до мельчайших деталей. Потом начались тренировки.

Тимка всегда верил, что яхта, как живое существо, — за обиду может отомстить. Не раз он видел, как рвались снасти на неухоженных судах — так они мстили нерадивым хозяевам. Поэтому сам он всегда относился к яхте с большим вниманием. Чистил, смазывал, красил. Ведь настоящий яхтсмен должен быть не только азартным гонщиком, но и моляром и плотником, и слесарем и даже портным. Каждая деталь, каждый дощечка на судне знала и помнила тепло его рук. Может быть, и в этом крылась причина его побед?

А накануне гонки угостили их радушные хозяева вкуснейшим суфле к чаю, целое ведро, на всю команду хватило с лихвой. Все и смолотили в один момент. А под утро началось... Пора на старт, а команда сидит рядами на опушке, только мальчишечьи филеи, словно капустные кочаны, белеют на утреннем солнце.

Кое-как добрались до берега. Снарядили яхты, стартовали. Хорошо шкотовым — они почти всю гонку висят за бортом. Рулевым тяжелее...

Ходить по реке это совсем не то, что по озеру. Тут большую роль играет течение. Оно везде имеет разную силу, увеличивается на плёсах, где глубоко, и уменьшается на перекатах. А еще вдоль русла реки, встречаются коварные воронки — винтообразные течения, водовороты... Вот их лучше миновать стороной. «Нащупал» стрежень — держись, понесет, если идешь по течению, ну а в обратную сторону — выбирай фарватер...

Юго-восточный ветер наполнил паруса. Тимка подобрал грот на своей Р-20, шел против ветра короткими галсами. Сидя внутри кокпита, удобней подбирать парус и рулить, но как тут высидишь. Уж не до теории, не до продумывания маневров, избежать бы аварии, не перевернуться. Даже в тихий ветер, стоит чуть зазеваться, не заметишь порыва — и пиши пропало, а тут такое дело... Галс за галсом, шел Тимка, выискивая места, где течение послабже. Пересек реку на усилении ветра. Ба! Да он третий. Не век же мучится, полегчало на желудке. Ну-ка, кто там впереди? Переложился, прочел ветер, и вот Тимка уже первый, отрыв от преследователей все больше. Осталось пройти под мостом через Оку и финиш... А на мосту зрители. Тимка уже не спешит. И по сторонам посмотрел, и ручкой зрителям сделал... А в ответ засвистели булыжники, прямо как авиабомбы... только сирены не воют, да зенитки не бухают... Плюмб! Плюмб! Взлетают фонтаны слева, справа... Не нравится болельщикам, что заезжий из Москвы побеждает... Ну теперь лишь бы проскочить... Лишь бы не потопили, дьяволы... С ума сошли? Ведь так и попасть можно!..

Зимой 45-го Тимка увлекся горными лыжами. Как-то раз пришли ребята в яхт-клуб, а там повсюду

сложены горы лыж. Белые, лакированные, некоторые даже с креплениями. Наклейки на них австрийские, норвежские, датские. Таких тут и не видели никогда. С гор катались на обычных. А это трофейные лыжи — «подарок» от немецкой горной дивизии «Эдельвейс».

Поехали кататься на Воробьевы горы. Спуск к Москве-реке. Кто дальше по льду проскользит, тот и победил. Сорвались с горы и помчались наперегонки. Тимка летит вниз, только ветер в ушах свистит, выскочил на присыпанный снегом лед впереди всех, вот-вот до другого берега докатит... и не замечает, что за спиной творится. А там уж товарищи барахтаются в ледяной воде. Тонкий лед ломается под лыжами. Тимка проехал дальше всех, ему и плыть обратно к берегу дальше... Когда вытягивали его из воды, живыми оставались только глаза. Ни ног ни рук, ни сердца не чувствовал Тимка.

А через пару лет он уже побеждал на всесоюзных соревнованиях, стал чемпионом в слаломе. Однажды при спуске он пересек линию финиша в падении. Публика была в восторге. И когда зашла речь об участии в Олимпийских играх, его вызвали в сборную команду. По личному распоряжению Ворошилова лыжники с сентября до Нового года тренировались на Кавказе в Бакуриани, а потом пришли грустные вести из Женева, выяснилось, что СССР не допустили до участия в Олимпиаде. Тимке казалось, что его лишили медали.

Он не знал еще тогда, что главную победу принесет ему парус.

Часть 2

Ветер и паруса

*«Штурмовать далеко море
Посылает нас страна...»*

А. Ансалон

Взвыли двигатели, самолет дрогнул и побежал по взлетной полосе; все чаще стучит на стыках, в иллюминаторах убегает аэропорт, самолет качнуло, и земля стала падать вниз. Потянулись леса, линейка шоссе, рваные низкие облака режет крыло, и вот уже все скрывает серая мохнатая мгла...

«Черт бы побрал эту нелетную погоду, — ерзя в кресле, думает Тимир. — Самолет, конечно, вещь хорошая, но шарахнет молнией, и привет... Решили пыль в глаза пустить капиталистам... Похвастать реактивной авиацией... Шарахнемся, вот тогда и будет вам Олимпиада...»

— Хорошая примета — дождь в дорогу, — с улыбкой говорит Сашка.

— М-да, — тянет Тимир.

Их кресла рядом. Выступить им в одной команде. Только в разных классах яхт. Сашке в «Финне», а Тимиру в «Звездном».

«Накрутили так, что лучше и не надо, — Тимир припомнил напутственный инструктаж партийного бонзы. — Мы и бойцы передовой, и строители коммунизма, и должны показать торжество социалистического строя, и... лечь костыми за честь великой страны... Ну что ж, если надо, ляжем... Было бы, где лечь, а уж лечь костыми, это для нашего человека самое обычное дело... В войну ложились, никто не считал, и сейчас ляжем... Вот прямо сейчас и ляжем, толь-

ко молнии подходящей дождемся, и готово... Хорошо еще, сейчас не 52-ой год... Тогда просто сказали, кто не победит, можете не возвращаться... Плыли — пароход дрожал, не от дизелей, а оттого, что всех трясло... Всех потом чуть и не посадили... Что было!.. Какой разнос!.. Какие речи... И предатели, и враги народа, и вредители, агенты империализма, и продались Западу... Кому проиграли, сукины дети, югославам! И это когда мы с Тито — враги!.. А какие мы враги? Люди тут при чем? Ведь это спорт, а не война... Они там у себя наверну ссорятся, а мы должны друг дружку зубами рвать, так, что ли?»

Самолет набрал высоту, вырвался из туч и поплыл над гигантским махровым ковром.

«Ремень давит, ноги не вытянешь... И кто это додумался в салон на тридцать человек пятьдесят кресел втиснуть? Вот мы делали Ла-7 в 44-ом — любо дорого смотреть. Сидишь в фонаре, как на диване. Петров Алексей Васильевич взял меня тогда к себе на “Знамя труда”... Тоже яхтсмен заядлый. Завод секретный, три месяца оформлялся. Ух и напозался я там с линеечкой в семьдесят два кило... Даже присказка была: почему начертить самолет в натуральную величину на листе фанеры можно с точностью до двух десятых миллиметра? Потому что кохиноровские карандаши нельзя заточить острее...»

— Конфетку хочешь? Помогает при качке... — предлагает Саша.

Тимир рукой делает отрицательный жест.

— Спасибо.

— Ты в порядке?

— Всё нормально...

«Эх, жаль Галю не выпустили... Перестраховщики... Да если кто решит остаться, разве удержишь?.. Там у них пресса такой вой поднимет! На весь мир! Права человека! Гражданские свободы!.. Вон в Мель-

бурне в 56-ом половина венгров осталась на Западе. Не захотели возвращаться в соцлагерь. Это еще месяца не прошло, как мы их танками придавили... И наши ничего сделать не смогли... Война уже и так была. Еще этот ватерпольный матч... Как поняли, что проиграем, так давай им морды бить, весь бассейн в крови. На весь мир картина... А мадьяры — не дураки, подготовились, может, и специально спровоцировали наших, и лозунги откуда-то взялись как по команде и транспаранты: «Свободу, свободу! Фашисты!..» Вот так! Мы их от Гитлера спасли, сколько народу полегло, а они нас же теперь фашистами выставили... А уж когда Жадору — капитану ихнему бровь разбили, так и вовсе зрители в наших с трибун плевать начали...

Но мы-то не мадьяры, мы ж свои... Ну понятно, своих надо жестче держать, чтоб чужие пикнуть боялись... Подписки, клятвы, обязательства... И все равно Галю не выпустят... Ничего не скажешь — как диверсантов посылают... Сколько я им отчетов понаписал, схем начертил... и Хельсинки, и Киль, и Мельбурн, Генуя — все до мелочей. Каждый раз целый день убиваешь на зарисовки... Федя, конечно, тоже чертит... И другие, да все, кого выпускают... все чертят... И Сашка тоже... А спросишь — ведь не признается. Еще, поди, нажалуется... Да и я не признался бы... Чертим и сдаем, всё молча. А потом они там у себя сверяют...

Черт, опять живот тянет... И Гали нет. С ней все же спокойней... Почему не пускают жену? Объяснял им, объяснял, что она мне нужна для победы, что она вроде моего талисмана, — когда она на гонках, я выигрываю... Все в пустую, без толку... Доказать невозможно. «У нас только члены делегации, квоты, все утверждено...» Знаем мы... Вот этих в штатском полсамолета».

Тимир вспомнил недавнюю черноморскую регату... Галя поехать не смогла, осталась в Москве, сроч-

ная работа в конструкторском бюро. Начались гонки. Первый день — неудачно. Он только пятый. А для него теперь любой результат кроме первого — провал. И вдруг видит: она на берегу.

— Ты откуда?

— С неба...

А назавтра — победа. Колдовство какое-то...

На третий день Тимир шел вторым, вслед за Козловым. Последняя лавировка, у того ветер в парусах, никак не догнать... и вдруг ему дисквалификация, навалил на знак.

Галя потом рассказывала:

— А я на судейском катере стою у борта, зажмурилась и твержу: Козлов, получи баранку! Козлов, получи баранку...

На следующий день Галя улетела в Москву. Но Тимир был уже уверен в победе, в остальных гонках тоже выиграл.

«Когда мы познакомились-то? Еще во время войны, в яхт-клубе... Я тогда преподавать начал... Целая толпа девчонок пришла, старшеклассниц... Мы еще детьми были... А через десять лет опять встретились, как раз после Хельсинки, и уже навсегда...»

— Стюардессы какие! — толкает локтем Саша. — Смотри, вон та брюнетка, просто чудо, как хороша. Вот что значит международный рейс. А? Где они таких берут? Ей бы в модели идти. Ты посмотри, глазки, фигура, личико... Нет... ну просто красавица!.. Фотомодель!.. Обязательно надо познакомиться. А? Как ты думаешь?

Тимир кивает.

— Давай Саш, бог в помощь...

— Вон та блондинка тоже ничего... А? Тима, мы же герои, будущие олимпийки! А времени в обрез, летим без дозаправки! Разве нам откажут? А?

— Не откажут, Саш.

— Ну, так что?.. Смотри, смотри... она мне улыбнулась! Ну, все, я пошел.

— Иди.

— А ты?

— Я пас.

— Ну как знаешь. Жизнь, брат, надо любить. И шансы использовать на всю катушку...

— Желаю удачи.

«Как там Федор? Как яхта?.. Долбанут каким-нибудь краном и все — зря ехали. Как тогда в Касабланке... Пробьют корпус, мачту поломают, с них станется... Грузят, как картошку, а на воде качнет, вот тебе и пожалуйста...»

Яхту, «американку», сделанную под заказ в соединенных штатах, оснащенную синтетическими парусами должны были доставить пароходом из Одессы. Сопровождающим ехал Федор — шкотовый Тимира.

«Хорошо, что Федор там, хоть чужих не подпустит... А оставь без присмотра, ведь разломают все черти, разнесут по винтику, и следов не сыщешь!..»

Федор Шутков — десять лет отслужил матросом на флоте. Деревенский мужик, образование — сельская школа, но крепкий, здоровье богатырское. Ручищи здоровенные, черные, масло и солярка въелись в кожу — не отмоешь. Пальцы, словно грабли — не сходятся. Глаза хитрющие, брови пшеничные. На флоте был мотористом. Целый день над ухом дизель тархтел, оттого Федор глуховат и слова коверкает на свой лад. Не компас у него, а «контас», крейсер — «кейсер», «голокладущий», вместо главнокомандующий...

Служил он на разных морях. Везде побывал. Во-евал на «Охотнике». Однажды судьба занесла его в Севастополь, на адмиральский катер. На катере ходили редко, в основном простаивали ошвартованными. Федор заскучал от такой жизни. И как-то подвернул

ся случай. Адмирал поднимается на борт, экипаж во фронт. Федор возьми и крикни:

— Товарищ админар, какафки не хотите?

— Это еще что? Да ты пьян!.. Да ты знаешь, куда я тебя сошлю? Где ты и не был никогда... Во Владивосток!

А Федор вытянулся во фронт, отвечает:

— Тарищ админар, та я быв там...

— Ну, тогда... в Таллин!..

— Та я и в Талне быв...

— А где ж ты, шельма, не был?

— В Муранске!..

— Ну вот и отправляйся в Мурманск.

— Слухаюсь!

Как демобилизовался, не смог без моря, зато-сковал, пошел на гоночные яхты матросом. Стал гонять матросом на «шестерках». Силища в руках медвежья и вес подходящий — под восемьдесят. Отборочные соревнования на Олимпийские игры в Хельсинки прошел. Но не поладил с тренером. Все из-за пустяков... Устроил цирк. По тросу вверх на одних руках, двенадцать метров... на спор за бутылку. А тут тренер идет. Ты чего устраиваешь? Федор за словцом в карман не лез, выдал по-флотски лаконично... Тот и пригрозил: ты, мол, у меня заграницы не увидишь... И не взяли...

— Трагедь, — вздыхал Федор. — Тю-тю Альпада...

Чуть не запил тогда с огорчения. И тут прибегает приятель:

— Выручай, — говорит, — у нас бегуна не хватает в команде... Всю дистанцию бежать не надо, главное стартовать, для протокола, а там сойдешь, где захочешь...

Федор долго раздумывать не стал.

— Выручить можно... А тапочки дашь?

— Конечно, любой размер, только выручай...

— Ну ладно, давай тапочки.

Вышел на старт, побежал...

Погода хорошая, солнышко светит, бежится в охотку, дистанция десять километров. Прибежал первый, вот его и включили в сборную. А бежал-то за тапочки... В Хельсинки в забег его не поставили, так что пошел к яхтам, а навстречу тот тренер «парусник», который его «зарубил».

— Ты как здесь?

— Та я в команде.

— В какой это команде?

— Легкокотлетов...

Ну что тут скажешь?..

Сашка вернулся, плюхнулся в кресло.

— Москвичка она, живет в Сокольниках, не замуем. Вот телефончик дала... Что с тобой?

— Что?

— Ты ж нездоров.

— Почему?

— Да посмотри на себя. На тебе лица нет. Зеленый весь...

— Да?

— Подожди, я сейчас зеркало попрошу. Сам увидишь... Дианочка! — он махнул рукой. — На минуточку!

Подошла стюардесса, красоты необыкновенной.

— Что случилось?

— Дианочка, можно зеркальце?

— Пожалуйста. — Тонкая ручка извлекла из кармашка маленькое складное зеркальце. — Что-нибудь еще?

— Водички...

— Сейчас. — Она повернулась и пошла по проходу.

— Ух, черт возьми, — провожая ее взглядом, выдохнул Сашка. — На, смотри.

Тимир покосился на свое отражение.

«Да, вот этой складки на лбу раньше не было... Уже тридцать три. Возраст Христа... Пора свершений...»

— Может, таблетку? — не унимался Сашка. — Доктора позвать? А то от тебя слова не добьешься... Помирать будешь и то, небось, промолчишь.

«Кто много болтает, тот всю силу выбалтывает», — вспомнил Тимир слова отца. — В 41-ом стали приходиться от него письма, с матерью читали-перечитывали их по многу раз, отец оборонял Ленинград. А в 44-ом пришла похоронка — пал геройской смертью при прорыве блокады...

Самолет приземлился в Риме. Еще нет и полудня, а жара уже стоит нестерпимая. Скомканная экскурсия по вечному городу из разряда весь мир за два часа... все мелькает: термы Каракаллы, площадь Ватикана, римский форум, Колизей... черные квадриги летят над городом... и почти вся делегация остается в Олимпийской деревне, только яхтсмены едут дальше. До Неаполя еще двести километров поездом.

Чужая, красивая, горная страна...

«Как все-таки они умеют не побеждать природу, а встраиваться в нее, — думал Тимир, глядя в окно вагона. — Не взрывать и перекапывать, а дружить... Ты посмотри, вон на горе крепость, а вокруг домики, два-три этажа, желтые стены, окошки рядами, красные черепичные крыши. Виноградники на склонах... Да тут что ни гора, то крепость или башня. Если останавливаться возле каждой — вовек не доберешься куда тебе надо... Берегут историю. Аврелианова стена в Риме по всему городу змейкой вьется — восемнадцать километров, почти всю сохранили. А у нас Белый город сначала возвели при Федоре Иоанновиче, а по-

том разобрали при Екатерине Великой, бульвары проложили... Десять километров крепостной стены в четыре метра толщиной — все раздолбали подчистую... Зачем? Ну не нужна тебе стала крепость, дорога важней, ну подумай, как сделать так, чтоб не ломать то, что строили десять лет всей казной... Китай-город тоже... Да что говорить, Храм Спасителя где теперь? Еле взорвали, такая мощь... А стоило стараться-то? Тверскую расширяли — целые кварталы долой... Вечная стройка, а тут вечный город. Раз построили, и на века. Правда, Колизей чуть не растащили варвары, весь ободрали как липку...»

В купе Сашка, другие яхтсмены, дремлют, сморило после экскурсии. Тимир не спит. Смотрит в бинокль...

Повезло достать в 1955-м. Итальянская оптика...

«Тогда после подрыва в Севастопольской бухте линкора “Новороссийск” — трофейного итальянского “Джулио Чезаре”, — командование флота приказало демонтировать всю иностранную оптику и вооружение, и заменить отечественным. Сказано — сделано. Начали крушить. Палубы кораблей были сплошь усыпаны стеклянной крошкой. Мы тогда тренировались в Севастополе. Я договорился и выкупил бинокль и два спаренных “телескопа”, с таким увеличением, что в них можно было разглядывать поверхность луны и изучать рельеф кратеров. Когда отправились на Олимпийские игры в Мельбурн, прихватили с собой и оптику.

Пароход “Грузия” вышел тогда из Одессы. А в Средиземном море, как по команде, по обоим бортам выросли два натовских эсминца, шли чуть позади, не отставая, пушки повернуты, давили на психику. Ближе не подходили, так и сопровождали, мы идем, они идут, боялись, что мы танки и самолеты Египту везем. Тогда

с Насером у нас большая дружба была. Потом Хрущ ему даже Героя Советского Союза пожаловал... Когда по Суэцкому каналу проходили, кто-то предложил: “Давай в оптику посмотрим на пирамиды”. Достали, поставили на треногу. Стали смотреть. Вдруг с капитанского мостика крик: “Уберите шоши! Уберите шоши!” Были такие пулеметы французского конструктора Шоша. Что такое, почему? “Уберите шоши, ...ать вашу!” А! Ну теперь понятно. Вот оно в чем дело: две подозрительных трубы торчат, как два пулеметных ствола. А это ж время на Суэцкого кризиса. Египтяне стреляли тогда во всех без разбору, да и не только они, тут и разбираться никто не станет... Прошли канал, эсминцы не отстают... Чего им надо? Ведь ясно же, что мы не оружие везем... Все равно сопровождают... Идем, не сворачивая, на Мадагаскар, и еще дальше... Только когда айсберги показались, американцы повернули, ну и мы повернули, взяли курс на Австралию.

Жаль только, на обратном пути кто-то вскрыл контейнер, а там и оптика, и снасти, и паруса, инструменты — все. Так ничего ж не взяли кроме оптики. Аккуратно вскрыли, профессионально... Ну мы сразу поняли кто... Шума не поднимали. Намек поняли. Мол, побаловался и хватит. Помалкивай... Нечего тебе отсюда за горизонт глядеть...»

— Тима, не спишь? — Проснулся Сашка.

— Нет.

— Красотами любишься?

— Любуюсь.

— Зря... Лови момент, отдыхай, набирайся сил, они еще пригодятся...

— Хорошо.

— Не нравится мне твой вид. В самолете — зеленый был, сейчас — бледный. Пора розоветь...

— Ладно... Спи.

Как тут уснешь, когда все мысли о предстоящей гонке?

«Ну что, синьор Страулино? Как же мы будем вас побеждать? Похоже, это будет не просто... Кому же, как не вам, лучше всех известен Неаполитанский залив... Знаком малейший ветерок, течение, фарватер, рельеф дна... Вы ведь в прошлом боевой ныряльщик, сеньор... Много наслышаны о ваших подвигах во время войны... А “Новороссийск” не ваша ли работа? Ну да сейчас не об этом... У вас победа в Хельсинки в 52-м, второе место в Мельбурне в 56-м, и здесь в Неаполе вы намерены победить, это ясно. Здесь все ваше — море, берег, ветер...

Обойти вас я могу, синьор, и продемонстрировал это недавно в Генуе, правда при сильном ветре... Но это даже и к лучшему. Пусть все верят, что моя стихия — шторм. Пусть думают, что я этакий разудалый кавалерист! Когда все осторожничают, берегут яхты, храбро распускаю паруса и лечу вперед сломя голову. Эггей, родимые!.. Дорогу сумасшедшему русскому!.. Конечно. У них яхты личные, на свои деньги купленные, они их берегут, хоть и все миллионеры, всякие там магнаты... Солидные банковские счета... Коронованные особы... Князь Монако, король Норвегии... Яхтенный спорт — привилегия богачей. А у меня государственная — чего жалеть?.. Главное победа, результат...

А чуть задует легкий бриз, море спокойно, бури нет, и меня не видно... Тут мастерство требуется, одной удали недостаточно, и яхта нужна наилучшего качества. А откуда у русских мастерство? Они ж никогда ничего не выигрывали... А откуда у русских хорошая яхта? Они ж всегда на всем выгадывают, экономят... Вот нас никто всерьез и не воспринимает. Значит так: нас в расчет не берут — это точно. Мою победу в Генуе объяснят сильным ветром... Еще бы, стартовало пятьдесят семь яхт, а до финиша добрались только четы-

ре... Хорошо еще не потонул никто. Снежный шторм баллов шесть, не меньше!.. Тогда газеты писали: «Русских так вдохновило появление снега, что догнать их было невозможно! Словно снежный ком, они неслись к финишу!..» Зато сейчас мы в тени... Этим и надо воспользоваться. Фактор неожиданности. Все будут смотреть за Страулино, он фаворит. А про нас и думать забудут. И тут уж не зевай!..

В Мельбурне я был восьмым.... Оно и понятно, тогда яхта была Таллиннской верфи, хорошая, но не идеальная. Смешно вышло. Стали сами делать яхты по американской таблице отклонений, а важнейшее примечание перевести забыли... В результате наши яхты на попутном курсе заметно уступали. Хоть “американка” уже пришла по заказу, стояла на Балтике, но мы ее не успевали освоить к играм... Гонялись на старой. А потом на обратном пути так и оставили ее во Владивостоке. И везти дорого, да и незачем, раз новая дожидается. В Москву катили через всю страну двумя железнодорожными составами... Наши, европейцы... Ехали, пир горой...

Эх, как-то там сейчас Федор? Как наш “Торнадо”? Если яхту доставили нормально, с Федором все в порядке, то, бог даст, первую-то гонку, сеньор Страулино, мы с вами схлестнемся. А там, глядишь, еще посмотрим кто кого... Если все сложится удачно, то за бронзу вполне можем побороться...

Кто у нас еще в соперниках? Багамец Ноульс — старый знакомый, опытный морской волк. Говорят, что если его обходят даже на тренировках у него от бешенства выступает пена на губах... Швед Суне Карлсон грозился привезти новую яхту... А впрочем, от кого угодно можно ждать сюрпризов: и от англичан, и от немцев, и от венгров...

А кто этот португалец — Марио Кина? Откуда он взялся? В отборочных соревнованиях разделался с

двукратным чемпионом Европы! Не зря говорят: все португальцы с рождения мореходы. Каков он с виду? Флибустьер? Черные как смоль волосы, тонкий нос, огненный взгляд? Серьга в ухе, цепь из чистого золота на шее и кривой нож за поясом?

А мистер Паркс? Типичный американец? Бейсбольная кепка, шорты из американского флага, сигара в зубах? А ведь он обставил двух чемпионов мира — Фиккера и Норта. “О рай, о рай!”, — как говорит Федя. И он родом из Чикаго, откуда и чемпион Мельбурна Вильямс... Одного этого достаточно...»

Поезд подошел к вокзалу.

— Подъем, ребята, — будит Тимир сборников.

— Что, уже приехали?..

Платформа. Привокзальная площадь. Душный воздух, ни свежести, ни ветерка. А ведь море рядом... Пересели в автобус. За стеклом ярко освещенные улицы Неаполя, витрины магазинов. Вот и отель «Мажестик».

У дверей встречает Федор.

— Здравь жлаю!

— Что с «Торнадо»? — сходу спрашивает Тимир.

— Вот те раз... Ни здрасть, ни как дела... сразу «Торнадо»... Та шо с ним сделца? Пасеца на трафке в Кралёвском парке.

У Тимира отлегло от сердца.

— Ну, прости, прости... Предчувствие, понимаешь... После Касабланки уже не знаешь, чего ждать.

Пожали руки.

— Докладаю, — рапортует Федор. — Дошли без потерь. Усе живы, раненых нема.

— Когда можно выходить в море?

— Та хыть завтра.

Что такое Неаполь? Город? Прежде всего, Неаполь — это Везувий. Его видно решительно отовсюду. Гигантский черный конус, уходящий в залив. Он словно

пытается дотянуться до острова Капри. А кто это там теснится у подножья, поднимается по пологим скатам, карабкается к жерлу кратера в жабо из кружевных облаков? Что это за цветные букашки? Ах! Это город, это дома, в которых живут беззаботные неаполитанцы, легкомысленно забывшие участь Помпеи, Геркуланума и Стабии...

В самую несносную жару на вершине Везувия прохладно, мелкие камушки осыпаются под ногами, из широченной глотки сочится сернистый дым. С высоты как на ладони виден Неаполитанский залив. Словно взбешенный конь морского владыки ударил в берег копытом, окаймив бухту высокими мысами, убегающими в море островами, скалистыми вершинами полуострова Сорренто.

Утром короткая пресс-конференция в холле отеля.

И без того стоит несносная безветренная жара, а тут еще софиты, корреспонденты, фотокамеры...

— Как вы оцениваете свою победу в седьмой гонке Генуэзской регаты? Это, по-вашему, случайность или закономерность? — спрашивает репортер.

— Просто повезло с ветром, — отвечает Тимир.

— У вас именитые соперники: чемпионы мира, Европы, победители Олимпийских игр. Кого из них вы можете выделить в первую очередь?

— Агостино Страулино — у него огромный опыт и он тут хозяин.

— Вы всерьез рассчитываете на олимпийскую медаль?

— Если повезет с ветром. Мы неплохо ходим в шторм.

— Вы не оснастили свою яхту пулеметами, чтобы топить конкурентов?

— Пока нет. Вопрос решается...

— Если вы не победите, какое наказание вас ждет на родине? Вас посадят?

— Не думаю.

— Что вам обещали, если вы добьетесь победы? Очередное звание? Орден? Деньги?

— Главная награда для меня, как и для любого советского спортсмена — олимпийская медаль.

«Надоели, — думал Тимир, когда удалось отвязаться, наконец, от газетчиков. — Скорее к яхте...»

У входа в Королевский парк стояли гвардейцы. Публику не пускали. На ровном зеленом газоне стоял «Торнадо», слово ракета перед стартом, белый полированный корпус, стройная мачта, четкие линии...

«Знал бы мистер Вильям Гарднер в 1906 году, во что превратится его «Малыш». Вряд ли он подозревал, гоняя по Лонг-Айленду, какая судьба уготована его яхте. Правда ей изрядно подрезали гик и удлинили мачту, но, по-моему, это пошло ей только на пользу. Ведь с 1932 года «Звездный» — олимпийский класс.

Когда после Мельбурна получили ее из США и обмерили, выяснилось, что на шестом шпангоуте допуск аж целых сто миллиметров... Сверились по таблицам — недопустимо. Как же так? Ведь вот же сопроводительное письмо: «Международный мерительный комитет, рассмотрев все размеры этой яхты, утверждает, что они отвечают всем правилам «Звездного класса»». И подпись: «Президент международного мерительного комитета Джон Тетерингтон». В чем дело? Да если бы мы знали раньше, что разрешен такой допуск, мы бы давно сделали яхту не уступающую по скорости примам чемпионатов, распрямили бы киль, улучшили обвод... Но ведь нельзя, сами себя «резали». И тут приходит яхта, противоречит всем канонам, да еще и обмеренная главным в мире обмерщиком. Чертовщина какая-то! Где же истина? А истина, как всегда, оказа-

лась в деталях... Стали смотреть оригинал таблиц, и все выяснилось: переводчик забыл перевести коротенькое примечание внизу страницы, а оно как раз о шестом шпангоуте. А если бы перевел, то я бы уже в Мельбурне гонялся на Таллиннской яхте вровень с грандами ... Сколько лет спорил с конструкторами, обмерщиками, доказывал, что яхта Страулино имеет другой обвод, лучше, чем наш, сам им чертежи делал,годились навыки, приобретенные на авиазаводе. Но те только руками разводили: вот таблицы, вот буква закона... А оказалось, все дело в упущенном примечании...»

— Ни царапульки, — улыбается Федор. — Пылинки сдувал.

«Никаких переделок, — твердит сам себе Тимир. — Никаких наладок. Лучше все равно не сделаешь, а хуже — вполне. Только время зря потеряешь».

Но руки так и чешутся перебрать все по косточкам, проверить каждый винтик — как он привык делать всякий раз перед стартом.

— Яхта ву полном упорядке! — будто читая его мысли, говорит Федор. — Давай спускать на воду.

На берегу царит возбужденная суета. Флаги разных стран, яхты, паруса... Карло Роланди — шкотовый Страулино — приветливо машет рукой. Все гавани Неаполя забиты крейсерскими яхтами, моторными и парусными. Вон трехмачтовик таиландского принца Бига-Бонзе, а вон океанская яхта венесуэльца Даниэля Камео, строительного «короля», он пересек Атлантический океан за восемнадцать дней и собирался принять участие в гонке «Звездников» со своим сыном Педро.

Автокраном спустили «Торнадо» на воду. Обошлось без происшествий, если не считать, что Федор, закрепляя тросы, поскользнулся и свалился с платформы. Но, что ему сделается? — ни одной царапины.

«Очень уж все гладко складывается, — тревожится Тимир. — Пароход не задержали, яхту не повредили, все целы... Не к добру это... Что-то будет...»

Наконец, под легкий, едва уловимый бриз, вышли в море. Пахнет теплой морской водой. Солнце жжет немилосердно... На рейде стоит трехмачтовый парусник «Америго Веспуччи» — гордый красавец, две широких белых полосы вдоль черных бортов. На нем в Неаполь привезли олимпийский огонь.

«Ветер, похоже, совсем стихает. Не стоит отходить далеко от берега, как бы не унесло течением...» — думает Тимир.

Яхта идет легко, четко слышится руля, но при таком ветре особенно не разгонишься.

— Роланди сказал по секрету, что тута ветер дуть как по заказу Страулино, — говорит Федор, — в одиннадцать еле-еле, к полудню — один балл, в час — два, к вечеру — три. И отдыхай...

А на берегу их уже ждали отклики местной прессы:

«Советский спортсмен заявил, — писала какая-то газета, — что он очень надеется на штормовую погоду, так как его яхта рассчитана на плавание при ветрах, превышающих пять-шесть баллов. Учитывая, что волнение моря в это время года в Неаполитанском заливе редко превышает три балла, остается пожелать советскому спортсмену прихода цунами, чтобы он сумел продемонстрировать все свои скоростные качества».

«Прекрасно! — обрадовался Тимир. — Пока все идет по плану. Можно приступать к тренировкам. Чтобы сохранить инкогнито до старта, выходить будем с двенадцати до трех, когда все «звезды» отдыхают и обедают. Жарковато, конечно, ну ничего, потерпим. К тому же гонки пройдут как раз в это время. Значит, надо привыкать и к жаре, и к волне».

Экипажи двадцати шести «Звездников» напряженно готовились к гонкам.

Весь день Тимир и Федор провозились с «Торнадо». Ведь от того, как оснащена яхта, зависит очень многое. Хлопот, как всегда, нашлось немало. Лишь к вечеру, подготовив яхту, смыв с бортов соленую морскую воду, они, усталые, отправились в отель.

После ужина и бесед с друзьями Тимир решил пройтись по набережной, подышать перед сном вечерним бризом. Но стоило ему выйти из отеля, как густой удушливый воздух без малейшего намека на свежесть окутал его. Казалось, раскаленные на солнце мостовые, стены и крыши выдыхали накопленный за день жар.

— Полный назад! — скомандовал Тимир, отступая в прохладу гостиничного холла. — Прогулка отменяется. В баню мы еще успеем сходить...

— Ента точно, — поддержал его Федор. — Баня у нас по расписанию завтра с двенадцати до трех.

Ранним утром они уже шагали в яхт-клуб, где до полудня провозились с яхтой, проверяя каждый болтик, каждую деталь. Там они впервые увидели португальца Марио Кина. Его «Ма Линдо» выглядела идеально.

«И вовсе он не флибустьер, обычный человек, взгляд, правда, колючий, пронзительный», — подумал Тимир.

Тимир приветливо помахал ему рукой, в ответ португалец только кивнул небрежно.

«Этого надо опасаться, — отметил для себя Тимир. — ножа за поясом у него, положим, не видно, но вот камень из запазухи в случае чего достать может».

Экипажи некоторых «Звездников» состояли из братьев: мальтийский, кубинский, шведский. А английская команда была представлена супружеской парой. Миссис Митчелл была единственной женщи-

ной-матросом среди всех участников олимпийской регаты.

Закончив наладку, вышли в залив, как и намечали после полудня. Легкий бриз едва играл парусом.

— Никого, — усмехнулся Федор. — Усе попрятамшись...

Навстречу им попался только багамец Ноульс, он возвращался с дистанции к причалу. Когда их яхты поравнялись, Ноульс, показывая на солнце, объяснил знаками, что для него такая жара чересчур.

— Ничего, ничего, — шептал себе под нос Тимир. — Мы потерпим... — И натянуто улыбаясь, махал багамцу рукой.

Почти все лучшие гонщики предпочитали тренироваться утром, когда было заметно прохладнее, а в самую жару занимались доводкой яхт в тени навесов или отдыхали в отеле. Американец Паркс и вовсе прибыл в Неаполь последним, за пару дней до начала регаты. Быстро установил мачту, вышел в море, а через час вернулся, поднял яхту на берег, зачехлил ее и пригласил инспекторов-обмерщиков. Больше его в заливе никто не видел. Агостино Страулино тоже не изнурял себя зноем — он и так знал здесь все назубок. Марио Кина выходил в море и утром, и после обеда, ближе к вечеру. С берега Тимир видел, что у него очень быстроходная яхта, едва ли не резвей, чем «Мероп III» Страулино.

«Одно плохо, — думал Тимир, — нас, конечно, никто раньше времени не раскроет, но и мы ни с кем из грандов не сможем прикинуться».

Иногда некоторые гонщики пытались пристраиваться к «Торнадо», следуя параллельным курсом, тогда Тимир осторожно придерживал яхту, чтобы показать, что она не рассчитана на малые ветры.

«Пусть думают, что я тихоход», — продолжал Тимир свою тактику, пока будущие соперники, прой-

дя вместе с «Торнадо» один-два круга десятимильной дистанции, не теряли к нему всякий интерес.

Сказать, что Тимир и Федор уставали от жары — все равно, что не сказать ничего. Пот лил с них градом и застилал глаза, хилый ветерок не приносил облегчения, снять рубашку означало получить сильнейший солнечный ожог. Одежда была мокрая — хоть выжимай, на дне кокпита плескались морская вода и пролитый пот спортсменов. За три часа тренировок, они теряли сил не меньше, а может и больше, чем тратит боксер за три раунда напряженного боя в ринге. Но все равно, ежедневно в полдень они начинали лавировку с нижней марки.

На второй день Федор скинул майку и шорты и остался в одних трусах.

— Хорошо тебе, — завидует Тимир, — вон ты какой лохматый, даже на спине шерсть растет.

— Естественная защита, — отшучивается Федор, — без ентава никак... Ента меня и в Муранске спасало... Тельнягу накинул, и тепло...

Как-то вечером, когда жара немного спала, Карло Роланди устроил Тимиру и Федору пешеходную экскурсию по Неаполю.

Тихие, респектабельные улочки, каменные дома, наглухо закрытые деревянными ставнями окна.

По улице Партенопе, мимо дорогих отелей и ресторанов вышли на набережную Борго Маринаро.

— А тама шо за крепость? — спрашивает Федор — Прямо замок Иф.

Тимир переводит на английский.

— Это древняя крепость «Кастель-Дель-Ово», или «Замок яйца», — отвечает Карло. — Ее стены хранят память о Вергилии, который на берегу Неаполитанского залива писал свою «Энеиду». Вергилия считали не только поэтом, но и чародеем. По легенде он связал судьбу Неаполя с волшебным яйцом, которое сокрыто

под фундаментом «Кастель-дель-Ово». Предание гласит, что яйцо спрятано в амфору, амфора — в железную клетку, а клетка замурована где-то в основании замка. И пока яйцо цело — стоит и замок, и весь город Неаполь.

— Прям наш Кощей Бессмертный, — усмехается Федор. — Видал, Тима? Ничего ж своего придумать не могут. Все у нас тибрять...

Разговор всякий раз возвращался к предстоящей регате.

— Паркс приехал побеждать, — говорит Роланди. — А Марио Кина... — улыбка сошла с лица итальянца. — Будь с ним осторожней... У него прекрасная яхта и он сильный яхтсмен, но от него можно ожидать чего угодно... Поглядывай за ним... Он коварен...

— А как же параграф тридцать первый гоночных правил о честной спортивной борьбе?

— Он знает его не хуже тебя! — смеется Роланди. — Но знать и выполнять — разные вещи. Он так все подстроит, что ты же и окажешься виноватым...

Целую неделю дули слабые ветра.

И в первый день соревнований 29 августа погода не изменилась. Яркое слепящее солнце, ленивый ветерок, не больше двух баллов, на «Америго Веспуччи» трепещут праздничные флаги, в заливе мелькают первые паруса, чуть поодаль виднеются пароходы, шхуны, глиссеры — словно плавучие трибуны выстроились вдоль дистанции, зрители приникли к бортам, крутят бинокли, настраивают подзорные трубы...

Тимир и Федор с рассветом были в гавани. Не глядя ни на кого вокруг, они готовились к гонке, проверяли все в последний раз перед стартом. Тимир чувствовал, как постепенно исчезали все тревоги прошедшей недели, словно стертые волной рисунки на песке. Появлялись азарт, жажда соперничества, уверенность в своих силах и предельное спокойствие.

«При таком ветре победа наверняка достанется тому, кто выиграет на первом круге, — думал он. — Значит, надо попробовать вырваться вперед на первой же лавировке. Самое главное — поймать две первых перемены ветра».

Одна за другой яхты покидали причалы. От яхт-клуба до старта четыре мили. «Летучие голландцы» и «Звездники» шли от Малосильо. Из бухты Санта-Лючия шли «Драконы», из порта Посиллипо — «Финны».

«Где-то там сейчас среди них на своем “Финне” и Сашка, — подумал Тимир. — Попутного ветра тебе, Саша».

Все яхты смешались в заливе, лавина парусов двигалась к старту, постепенно расходясь по трем дистанциям, размеченным красными, синими и желтыми буями, навстречу своей судьбе.

Тимир поглядывал на соперников, невольно высматривая среди них «Ма Линдо» португальца.

«А разве Страулино менее опасен? — размышлял он. — Конечно, итальянец не пойдет на открытый навал, но здесь ему знакомы все течения. И потом Роланди его шкотовый».

Все готово к началу регаты, все на своих местах, судьи — на судейских катерах, зрители — на судах и гидросамолетах, и, кажется, на всем, что способно держаться на море, словно весь Неаполь покинул берег, чтобы следить за гонкой; спортсмены на своих яхтах барражируют вблизи стартовой линии.

Первые две сигнальные ракеты уже выпущены.

Как и рассчитывал Тимир, никто не принимал «Торнадо» в расчет. Большинство «Звездников» собралось у левого края стартового поля, возле Страулино и Паркса. Там же виднелась и «Ма Линдо» португальца. Только француз Пизани на «Фрипе» маневрировал справа. К нему и направился «Торнадо», пристраива-

ясь с подветренной стороны. Идя круто против ветра, бейдевиндом, француз медленно приближался к линии старта.

«Пора», — решил Тимир и, обойдя француза, двинулся, вдоль стартовой линии галфиндом, подставив ветру всю площадь парусов. Когда же в небо взметнулась третья ракета, «Торнадо» вернулся на прежний курс и на высокой скорости возглавил гонку.

— По лезвию ножа проскочили, — кричит Федор.

— Похоже, — отвечает Тимир, до боли в суставах сжимая рукоятку румпеля.

«Торнадо» неся вперед между двумя группами яхт, стремительно приближаясь к верхней марке.

«Мы первые, мы первые, — шепчет Тимир. — Пока все складывается удачно».

У верхнего знака «Торнадо» оказался раньше всех, за ним с отрывом в три корпуса пришел немец Сплит, а следом виднелись яхты Паркса и Карлсона... Остальных не различить, они шли очень плотно, сплошным белым комом.

Обогнули знак.

«Ну, теперь не подведи, ветер!» — молит Тимир.

Но ветер Неаполя не спешил помогать гонщикам. С тревогой следил Тимир за парусами. В жизни всякого парусника порой наступает это время унылого бездействия, когда корабль не бежит по волнам и ветер не наполняет опавших парусов, судном играют течения и морские чудовища, команда устраивает бунт. Надвигался штиль...

— Эх! — досадует Федор. — Стартанули знатна и усе зазря...

Яхты Марио Кина и Страулино все ближе... Они еще не попали в штилевую зону, а «Торнадо» уже покачивается на середине залива.

— Хыть бухсир клич! — переживает Федор.

— Или проси помощи у повелителя морей, — кивает Тимир.

Словно в ответ на эти слова нехотя потянул легкий ветерок и «Торнадо» двинулся, наконец, к боковой марке. Но теперь никакого преимущества перед соперниками у него не было. Все яхты шли вровень.

После третьего нижнего знака немец Сплит первым из всей кавалькады перешел на правый галс и, поймав ветер, стал заметно отрываться от остальных. Следом за ним повернули Паркс и Страулино. Федор вопросительно покосился на своего капитана. Ну, мол, давай!.. Чего ждешь? Но Тимир не спешил, пройдя за кормой Сплита, он вышел левее его яхты, переложился и, получив «чистый» ветер в паруса, на верхний знак пришел лидером. Но отрыв был очень мал. Сплит, Страулино и Кина находились в пятидесяти метрах, не больше. Теперь все решала гонка на попутном курсе.

«Вот сейчас мы и проверим, правду ли говорят, что американские «Звездники» быстрее немецких и английских», — подумал Тимир.

Ветер усилился до трех баллов. Яхты рвались к финишу. Никто не хотел уступать. Начался спурт.

«Где Кина? — волнуется Тимир. — Вон он, позади, отстал корпуса на два... А Страулино?.. Еще дальше. Паркс и Сплит далеко — бьются друг с другом. А вон и Ноульс... Нет, и он не опасен... А ведь у них все яхты — примы. Вот и довелось прикинуться. Теперь ясно — идем вровень...»

На миг Тимиру показалось, что «Ма Линдо» португальца настигает «Торнадо». Будто черноволосый корсар усилием воли заставлял свою яхту двигаться быстрее и быстрее.

«Чертов португалец!» — Тимир весь сжался от напряжения.

На полном ходу яхты пролетели финишный створ.

— Первые! — кричит Федор и бросается обнимать своего рулевого.

Тимир проводит ладонью по лицу, мокрому от пота, соли и моря...

На берегу Страулино и Роланди пожимают им руки, Паркс дружески хлопает по плечам, а багамец Ноульс, пришедший одиннадцатым, высоко вскидывает брови и качает головой, всем своим видом демонстрируя, что никак не ожидал от «советских» такой прыти.

Ночью Тимир долго ворочался в постели, пытаясь заснуть. Но стоило ему прикрыть глаза, как в памяти снова и снова возникали картины прошедшей гонки: лавина белых парусов с красными звездами наверху...

«Угораздило ведь Гарднера придумать такую эмблему, — думал Тимир под мерное похрапывание Федора. — У него ведь тогда и мысли, наверное, не было, о том что у нас тут в семнадцатом году грянет... Налепил красную звезду, а скажем, белую нельзя, парус и так белый, ну или синий... А вот алые паруса только в сказках бывают...

Класс олимпийский, значит, хочешь участвовать в Олимпиаде — осваивай. Изготовили у нас, кажется, году в 49-ом партию «Звездников» в Ленинграде. Не припомню сейчас, кто их тогда испытывал, кто-то из корифеев-килевиков, забрались вчетвером на яхту и чуть не потопили... Нет, говорят, для наших морей эта яхта непригодна... Забраковали... Конечно, для нее и троих-то многовато, двое — самый раз, а они, бугаи здоровые, вчетвером...

А мы тогда с китобоем Терехиным на «Варяге» ходили, на «эрке». Знали его вдоль и поперек. Просто, легко, удобно... Чего лучше? Но, как говорится, если партия скажет надо... И сказали, и в 51-ом начали осваивать. А в 52-ом в Хельсинки Сашка основным по-

ехал, а я запасным. Но не сложилось у него там... Как знать, выпустили бы меня — то же самое вышло бы... Яхта капризная, парус огромный, корпус маленький, скорость бешеная... Тут не год и не два нужно, чтоб свыкнуться...

Потом матросы менялись, Слава Шишкин пришел, чемпион мира по вольной борьбе. Английский язык, урду, хинди — знал как родные... в кино даже снялся про тайландского принца... на слоне ездил по джунглям... Принца рядом с ним и видно не было. Вышел фильм про Славку — все смотрели... А потом мы уже с Федором ходить стали. Он себя показал в Хельсинки, даже газеты местные о нем писали, как он во время штормовой гонки, качаясь на вершине мачты, два часа руками удерживал сломавшуюся краспицу ... Его взял тогда к себе на «шестерку» Александров... Пришли в тот раз последними, но нуля в зачет не получили... Я еще тогда подумал, вот бы мне такого матроса в команду... Помню, предложил ему, а он спрашивает: «На чем ходить будем?» А я отвечаю: «На чем-нибудь сходим». А у меня уже в кармане письмо лежало с верфи, что наш «Звездник» готов. Ну, и он не отказал... Заняли с ним восьмое место в Мельбурне... Наш «Тулилинд» — не конкурент новым «американкам» с Олд-Гринвич. Тогда американец и победил на яхте этой верфи. А мы голову ломали. Бог их знает, в чем тут секрет? Вроде бы монотип, чертежи у всех одинаковые, все утверждено: допуски, припуски, материалы, но линия обвода вроде чуть не такая и что-то еще по-другому — понять невозможно, это ж тайны за семью печатями... Словом, подали заявку, нужна яхта верфи Олд-Гринвич. Сами не построим. Вернулись с игр, а нас уже ждет «Торнадо». Вызвали куда надо, говорят, вот вам, получите... Теперь деваться некуда. Надо побеждать... Вы это что же, говорят, у вас на парусе, как на кремлевской баш-

не, красная звезда — символ нашей великой победы! Отцы и деды кровь проливали, а вы гонку выиграть не можете? Ну и другое всякое...»

Только далеко за полночь Тимир забылся беспокойным сном.

И снова безветренное утро, и снова вместе с Федором готовился Тимир к предстоящей гонке. «Торнадо» взял старт у правого знака. Как и накануне все звезды стартовали слева, копируя Страулино. Еще бы, сколько он выиграл чемпионатов мира и Европы, сколько гонок, можно было бы и устать от побед... И опять, как вчера, Тимиру удалось захватить лидерство с первых минут. Такая удача редко повторяется. Ну, теперь вперед!

— Мы первые, Федя! — кричит Тимир.

Но лицо Федора озабочено.

— Сигналят хлагами, — говорит он, кивая на судейский катер. — Отмена старту...

«Что такое? Почему? Ну да судьям виднее... Эх, жаль, такой старт пропал! Теперь начинай все заново... На линии сутолока, не протолкнись. Полезешь — угодишь в навал. Лучше переждать. На таком ветерочке далеко не уйдут... — решает Тимир. — Зато у нас будет пространство для маневра».

Он переложил «Торнадо» на левый галс, вышел на свободную воду и оказался в стороне от основной группы. А ветер решил помочь, продолжил дуть с юго-запада, работая на паруса «Торнадо». И вскоре он уже шел вторым, вслед за «Ма Линдо».

«У верхнего знака будем вторыми», — определил Тимир. Но в этот момент ветер вдруг поменялся на юго-восточный, и багамец Ноульс, шедший далеко слева и, проигрывая многим, набрал ход, проскочил под носом у «Торнадо», опередил португальца и первым обогнул верхний знак.

«Торнадо» идет третьим. Но куда это направляется багамец? Он сбился с курса! Принял красный буй за желтый и отклонился от дистанции. За ним, повторяя ошибку, устремились еще несколько яхт. Но португальца не проведешь. Он идет верно.

А в начале второй лавировки прямо навстречу «Торнадо» левым галсом выскочил «Мероп III» Страулино. По правилам преимущество имела яхта, идущая правым галсом. Итальянец должен был отвернуть, но не сделал этого.

— Ту Райт! Ту Райт Ю Форзал! — закричал, махая рукой, Федор. — Отворачивай!

Тимир едва успел уклониться... «Торнадо» потерял ход.

— Он чаго, болт забил на правила? — бледный от испуга, прокричал Федор.

— Не знаю, — растерянно бормочет Тимир, — наверное, что-то случилось...

Они снова третьи. Под шумок вперед выскочил Ноульс.

— Ага!.. Распознал чужой знак и вернулся, — кивает Федор.

Теперь лидировал Кина, следом за ним Ноульс, четвертым, настигая «Торнадо», шел Страулино.

Все гонщики переходят на правый галс, но Тимир не спешит, держит левый. Ветер изменчив, тут или пан или пропал, решил рискнуть, затянуть левый галс... И «Торнадо», разгоняясь, стал обходить багамца... Вот «Гемма VII» Ноульса уже позади, осталось дойти португальца...

— Обходим Тима! Первые! — кричит Федор, когда «Торнадо» пролетел финишный створ.

Но судьи решили по-другому... Линия финиша проходила не так как в первый день, помешало большое скопление моторных яхт и катеров. Этого Тимир не заметил. Ладно, пускай вторые... Для сегодняшней

гонки это равнозначно победе. Сначала лишили старта, потом лобовой таран итальянца... А может быть, кому-то не нравятся победы «советских»?

Страулино принес извинения тут же в яхт-клубе.

«Никаких протестов, — решил Тимир, пожимая ему руку. — Это была случайность... Теперь после двух гонок мы лидеры. Но инкогнито больше не работает... Начнут стеречь...»

Ночью Тимир даже не пытался закрыть глаза...

«Как сложится завтрашняя гонка?.. Теперь, когда все поняли, что я умею ходить при слабом ветре... Не подведет ли «американка»? У меня ведь с ними давнишние счеты. Еще зимой 49-го, когда гонялись на буерах по Сенежу — чемпионат страны, кто на чем, свободный класс — Чеботарев, помнится, смастерил буер по американской модели, а я на нем гонялся. На лавировках до ста выжимал, а на бакштагах, когда ветер почти в спину — за сотню... А у «американцев» педаль работает по-другому, не так как на наших. Ну вот я и перепутал, надо было отпустить, а я прижал, и перевернулся на скорости, мачта в щепки, меня, подкинуло и со всего размаху хрясть об лед, да еще сверху буером... При такой аварии не выживают... Повезло тогда... Головой шарахнуло и три ребра в легких... Думали сначала — конец... Что там кожаный шлем, разве спасет?.. Привезли в Солнечногорск. Полные легкие крови — не жилец, говорят. И ничего, оклемался... Помню, в моей палате доходяга лежат, тоже весь разбитый, ночами стонал, помирал... А мне ребята и фрукты, и всякое... Столько не съешь, да я и не большой любитель... Ну он и налегал... Быстро на поправку пошел, выписывались вместе...»

На третий день с утра дул приличный западный ветер. Яхты металась по стартовому полю, выбирая лучшие позиции. Тимир повел «Торнадо» к левому

знаку. Когда до старта оставались считанные секунды, и все внимание было приковано к судейскому судну, Тимир услышал громкий крик Федора:

— Кина!

Он оглянулся и увидел, что к ним на полном ходу несется яхта португальца. Резко переложив руль, Тимир успел увалиться и «Ма Линдо», теснямая Страулино и Ноульсом, проскочила стартовую линию перед самым выстрелом.

«Шел на таран... и это уже в третьей гонке... Что-то будет в четвертой? — подумал Тимир, наблюдая как пират возвращается к старту. — Сам себе яму вырыл. Теперь хорошего старта у него не выйдет».

Яхты помчались вперед. Идут правым галсом. Страулино, а за ним и Паркс, переходят на левый. Только «Торнадо» и еще три яхты продолжают идти прежним галсом. Не зря Тимир изучал морские приметы. Впереди показалась темная полоса на воде. Это сильный юго-западный ветер Сирокко подоспел из жаркой Сахары и наполнил паруса «Торнадо». Вот теперь самое время перейти на левый галс! У верхнего знака они первые.

— Глиссернем?! — кричит Федор.

Откренивая яхту, помчались к финишу.

Ноульс пришел вторым, Паркс — четвертым, а Страулино — фаворит и самый грозным соперник — только пятым.

— Кина — восьмой, — говорит Федор. — Начал последним, и почти всех съел... Ему таперича терять нечего... Видать, пойдет ва-банк...

«Вот-вот, — думает Тимир, — теперь-то и начнется самое интересное...»

И снова бессонная ночь. Короткое полузабытие, малейший шорох — и сна нет... наплывают воспоминания...

«Где-то сейчас старина Панкофер? Не забросил ли яхтенный спорт? Не пропала ли тяга к парусным гонкам? Помнится, на Кильскую регату приехали два немецких экипажа — Панкофера и Бертольда, — а по условиям чемпионата допускалось по одному от флота... И вот Панкофера не допустили, хотя он-то как раз и имел право... Бедняга был очень расстроен. Он — владелец огромных мясных холодильников в Мюнхене, богач, миллионер — питал юношескую страсть к парусному спорту. Сам оплачивал и яхту, и дорогу, и все накладные расходы... Для него регата не спорт, а праздник... Это мы, высунув языки, рвемся к победе, а для него пройтись на яхте — счастье. А уж перехлестнуться с мировыми грандами — вдвойне... Но делать нечего, пришлось паковать вещи. Он уже новые паруса с мачтой продал, так и не опробовав их в гонке... Жаль было старика. Я пошел в судейскую коллегию и объяснил им все, всю их несправедливость... И его допустили к участию в виде исключения... Ну уж наверное и денег содрали с него дополнительно... Правда, если б я не пошел, то и деньги бы не помогли... А он всем рассказывал потом, как я за него заступился. Лучшим другом для него стал. И угощал нас с Федором, и к себе приглашал... А гонка-то уже на носу... А мачта и паруса давно проданы... Так ему на следующее утро самолетом из Штатов доставили аж две мачты и комплект парусов с Олд-Гринвич. Все новехонькое! Гонщиком он был, правда, не ахти каким, призов не брал, места — все во второй десятке... Вот он за мной и ходил, упрашивал, чтоб я ему яхту настроил... Разве откажешь? Пошли, там подтянул, тут подкрутил, да по-хорошему сказать, ничего особен-

ного и не сделал, но говорю: «Завтра, гер Панкофер, вы непременно выиграте!» Он доволен, ну и слава богу. А назавтра, подхожу я шестым к первому знаку, Панкофер отстал на целую милю, где уж ему быть первым... Вот, думаю, он мне это припомнит... Вдруг, словно по волшебству, мертвая зона, штиль, наша яхта стоит словно на якоре прикована, будто к ней пудовые гири привесили... А от берега бриз пошел, и все, кто отстал, мимо нас прямо к финишу... И Панкофер первый!.. Потом всем рассказывал, что это я ему так хорошо яхту настроил, поэтому он и выиграл! Чудной старик...

А после этого за мной многие ходили, упрашивали. Один немец вагон мебели обещал, только бы я ему яхту настроил так же, как Панкоферу...»

Первое сентября. Четвертая гонка.

«Если продержаться, то победа почти обеспечена... Кто бы мог подумать? Пред началом регаты надеялись самое большее на бронзу. После второй задумались о серебре, а теперь, глядишь, и золото светит... Золото!.. Уф... Лучше об этом и не думать... Ну, теперь помогай дух тайги и все духи на свете, помогайте...»

Португалец не собирался сдаваться, его «Ма Линдо», словно приклеенная, повторяла все маневры «Торнадо». Куда бы не уходил Тимир, всюду за ним следили колючие глаза португальца.

— Стережет, — кивает Федор. — Видать, готовит навал. Уж, наверна, протест заранее накалякал».

Проскользнув между двумя яхтами, Тимир оторвался от португальца, угодившего в «тиски», но его место тотчас занял Дьювард Ноульс.

«Бешенный багамец сейчас по очкам идет на втором месте, — прикинул Тимир. — Ему тоже выгодно нас ковырнуть...»

До старта меньше минуты. Тимир, уходя от погони, оказался возле левого знака, хотя собирался стартовать от правого. Хорошая позиция утеряна.

«Все равно не дадут дышать спокойно, — решает Тимир, уваливаясь в сторону. — Пускай стартуют, я следом».

В результате «Торнадо» ушел со старта позади всех, с двадцати секундным опозданием.

«Нет смысла гнаться за основной группой... В лучшем случае буду в конце первой десятки... Надо попытаться поймать ветер... Если угадаю, есть шанс».

Тимир продолжал идти правым галсом.

«Дуй, ветер, дуй, пусть лопнут щеки, дуй!» — упрашивает Тимир.

И ветер услышал, и натянул шедший в стороне от всех белый парус, или, может, это Тимир угадал, ведь иди он сейчас другим галсом — проиграл бы всем. Награда за риск — удача. «Торнадо» на финише первый.

Страшен вид разгневанного корсара — из-под самого носа вырвал у него победу Тимир. Свирепый багамец Ноульс кусает сжатый кулак, он лишь четырнадцатый, дорого ему стоила предстартовая погоня за «Торнадо». Страулино и Роланди десятые... Похоже фортуна изменила адмиралу Агостино...

Теперь в оставшихся трех гонках Тимиру и Федору достаточно занять третье и пятое места, и тогда в последней они могут не участвовать вовсе.

Ночью Тимиру удалось-таки заснуть впервые за последние несколько ночей. Помогло Сашкино снотворное. Таблеток у того целый комплект. Как у доктора. Лучше бы их не было... Словно в глубокий темный колодец провалился Тимир. Снилось гонка, мертвый штиль, уныло повисшие паруса «Торнадо», все яхты проносятся мимо с раздутыми пару-

сами, в них тычут пальцами, португалец Кина, поднимая пиратский флаг, раскатисто хохочет на корме «Ма Линдо», Страулино в костюме аквалангиста, Рональди на носу «Мероп III» готовит глубинную бомбу, Тимир остервенело рвет волосы, они последние, так и не доходят до финиша, течение уносит их в открытое море...

Утром читали свежую прессу.

«Советский спортсмен спутал карты признанным грандам! — писала газета “Рома”. — Его способность угадывать перемену ветра достойна восхищения! Этот дерзкий мальчишка, показал себя настоящим профессором парусной науки. Он выходит победителем из самых безнадежных ситуаций. Кажется, сами боги направляют ветер в паруса его яхты. Остается предположить, что русские придумали радар, который способен предугадывать ветер...»

В регате объявили трехдневный перерыв. Вечером позвонил Рональди и пригласил «советских друзей» совершить небольшую прогулку по окрестностям Неаполя. Он заехал за ними в отель на своем Фиате.

— Ваша новая яхта очень быстрая, — говорил он по дороге. — Вы никогда раньше не ходили с такой скоростью... И вам здорово повезло в последней гонке. Никто не мог предсказать такой ветер...

— Да, — кивал Тимир. — Повезло.

— И все-таки на одном везенье невозможно выиграть все гонки, не так ли? Вы здорово научились управляться с вашим «Звездником».

— Мы учились у вас, — ответил Тимир. — Первые уроки Агостино преподавал нам еще в Хельсинки.

— Да, Агостино взял тогда золото, а ваш товарищ, кажется, был семнадцатым... Но теперь у вас совсем другая яхта... И другой экипаж...

— Саша перешел на «Финн». Он сейчас один из лидеров...

— Да?.. Что ж, пожелаем ему удачи!

Приехав к Флегрейским полям, они отправились прямо в кратер действующего вулкана Сольфатара.

По всему дну кратера виднелись дымящиеся скважины, расцвеченные желтовато-оранжевым цветом серы.

— Задушить он нас тут решил или поджарить? — спросил Федор, пробуя ладонью горячую белую глину под ногами.

— Из этой глины делают прекрасный фарфор, — объяснил Роланди.

Потом он взял в руки деревянную палку и проковырял под ногами неглубокую дырку. Вынув палку, он предложил потрогать ее. Конец палки был горячим как раскаленный утюг. Затем Карло подобрал небольшой камень и подбросил его высоко вверх. При падении раздался глухой удар, точно под коркой глины была пустота.

Федор испуганно покосился на Тимира.

— Пора делать ноги, Тима... Ему, видно, терять нечего...

— Под нами газы и пустоты, — сказал Роланди. — А там дальше сауна.

Необычное строение, высеченное в скале, оказалось настоящей природной термой, вход в нее был обложен кирпичом, изнутри валил горячий пар.

— Попаримся? — спросил Федор.

— Тебе гонок мало? — усмехнулся Тимир. — Подожди, послезавтра баню я тебе обещаю...

И пятую гонку Тимир начал одним из последних, избегая опасной толкотни на старте, и опять ушел в сторону в поисках ветра. На верхнем знаке он был лишь восьмым. Ну, теперь только вперед! На второй

лавировке «Торнадо» обошел немца и багамца, затем француза...

«Надо следить за Страулино, он лидирует, главное не прозевать его маневр!» — решает Тимир.

Сосредоточив все внимание на итальянце, он пропустил рывок Паркса, и тот успел повернуть раньше. С отрывом в полкорпуса, одна за другой финишировали три яхты. Паркс второй, «Торнадо» третий.

Теперь уже Тимир и Федор поздравляли итальянцев с победой. Но те совсем не радовались успеху.

— Паркс подал протест, — мрачно говорит Роланди. — Говорит, будто мы задели гротом его мачту... Если нам не засчитают гонку, то мы не попадем даже в десятку... Вы же проходили рядом, все видели... Разве это так?..

Тимир вспомнил вторую гонку, когда итальянцы не уступили ему дорогу.

«Парксу пришлось сбавить ход, чтобы избежать навала, — подумал он про себя. — Вы, ребята, не любите играть честно».

— Мы будем протестовать, но у него есть свидетели, — продолжал Рональди. — Сплит и Ноульс выступают на его стороне... Вы ведь находились ближе, чем они. Подтвердите, что мы не нарушали правил...

Яхтсмен обязан сообщать быстро.

«Если итальянцам впаяют баранку, а победу отдадут Парксу, то он выйдет на третье место, — ментально прикинул Тимир, — и в оставшихся гонках сможет бороться за золото... А если выигрыш оставят Страулино, то у него появится шанс на бронзу, не больше... Ну что ж, поможем друзьям».

Четыре часа просидел Тимир в апелляционной комиссии вместо того, чтобы отдохнуть после

гонки. Искали Ноульса. В конце концов, Паркс забрал свой протест. А багамец так и не объявился.

— Ноульс испугался, пронюхав, что вы выступаете за нас, — шепнул Роланди Тимиру.

— В общем, касания, может, и не было, — говорил Паркс, пожимая руку Страулино. — Но я из осторожности сбавил ход... Это Сплит сказал, что видел удар, и багамец тоже, ну я и завелся... К тому же газетчики выводят меня из себя... Пишут неведомо что... На днях меня сравнили с красивым, но не говорящим попугаем... Клянусь, черт возьми, я разыщу этого писаку!..

Короткой ночью опять пришли кошмары. «Мероп III» шла на таран. До утра итальянцы гонялись за «Торнадо» по всему заливу. Уходя от погони Тимир взял курс на Босфор, затем моментально перенесся на Каспий, стремительно промчался вверх по Волге и только в родных болотистых водах Клязьменского водохранилища почувствовал себя в безопасности.

На следующее утро зарядил дождь. Ветер резко менял направление, переходя в шквал. Стартовое судно блуждало между знаками. Старт откладывался.

— Помокнем сегодня, Федя.

— Не впервой, Тима, — отвечает Федор, — хорошо, что снега нет покамест...

Наконец ветер установился, и дали старт.

И снова Тимир не полез в толчею яхт, снова пропустил всех вперед. Ветер метался из стороны в сторону — успевай только поворачиваться. Когда же Тимир смог, наконец, оглядеться, то увидел, что с подветренной стороны у него идет Марио Кина.

«Опять этот дьявол!» — испугался Тимир, травя грот и пропуская вперед югослава и венгра.

На верхнем знаке Страулино был первым, между ним и Торнадо виднелась всего одна яхта Ноульса. На второй лавировке соперники пошли левым галсом, а Тимир все тянул и тянул правый, надеясь, что сейчас вон из-за той черной тучи дунет свежий ветерок и понесет его к победе. Но ветер сыграл с ним в этот раз злую шутку... На последней лавировке вперед вырвался Марио Кина, а «Торнадо» обошли Паркс и Ноульс. Страулино финишировал вторым, «Торнадо» — пятым... Но ведь это победа! По сумме всех гонок они первые! И это уже окончательно! Даже если они не выйдут завтра на старт — это ничего не изменит. Никто не сможет опередить их.

— Тима, победа! — кричит Федор.

Тимир кивает, словно многотонный груз падает с плеч... «Что это — шторм, или кружится голова, сказались бессонные ночи, напряжение, усталость... все кончено, выиграли, победа, неужели все?.. все, золото, у них золото, первое олимпийское золото... Победа, красная звезда на парусе, кремлевские звезды, отцы и братья проливали кровь... Мы взяли, мы взяли...»

Ночью опять не было сна. Но теперь уже не от волнения перед гонкой. Слезы текли из глаз Тимира, слезы нечеловеческой усталости, слезы счастья, слезы победы и непередаваемого восторга...

А на следующее утро, тихое и солнечное, «Торнадо» вновь вышел в залив. По пути к старту советскую яхту приветствовали как победителей. Зрители с пароходов и катеров махали им флагами. А Тимир желал успеха великому Страулино, у того еще сохранились шансы на бронзу, а если сильно повезет, он мог бы побиться за серебро с Марио Кина.

«Пусть теперь он меня боится, — посмеивался Тимир, выискивая среди других яхт «Ма Линдо» португальца. — Проучим наглеца!»

Пришел черед португальца носиться как от чумы от «Торнадо». На всю жизнь он запомнит эту последнюю гонку.

«Где же Страулино? Он идет мористее всех... Рискует. Значит, хочет взять серебро... Без риска не победить... Но береговые яхты идут быстрее... Вот тебе и знаток Неаполитанского залива...»

Следя за маневрами итальянца, Тимир совсем потерял ход и едва не столкнулся с кубинской яхтой. За что Федор отругал его немилосердно сурово по-морскому...

«Он будет во второй десятке, — сокрушался Тимир. — Может, еще не все потеряно? Кажется, ветер пришел к нему в паруса...»

«Мероп III» и в самом деле обошла одну за другой несколько яхт.

«Может быть, дотянет до четвертого места? Тогда возьмет бронзу. Но как же?... “Торнадо” ведь идет на пятом!»

На финише Паркс был первым, Кина — вторым, «Торнадо» вновь пятый, Ноульс — шестой, а Страулино? — только седьмой... Нет, не видать ему бронзовой медали...

А вечером состоялось награждение. На набережной Неаполя, при волшебном свете прожекторов Тимиру и Федору вручили золотые медали.

Сашка на «Финне» взял серебро. И это тоже большая победа.

Ночью к Тимиру вернулся сон. Ему снился отец, снилось священное дерево Кудук, будто он снимает с себя золотую медаль и вешает ее на протянутую ветвь.

— Спасибо, дух тайги, покровитель охоты, спасибо за ветер, за победу и за верного надежного друга...

На следующий день газеты и журналы пестрели заголовками.

«Мы видели, как медленно угасает капитализм! — писал американский журнал “Newsweek”. — Советский Союз впервые завоевал золотую олимпийскую медаль в парусном спорте — традиционной забаве банкиров и биржевиков. Америка осталась без медалей в этом самом “американском” классе яхт. В то время как в США насчитывается почти полторы тысячи “Звездников”, у Советского Союза их только двести. Правда, русские победили на яхте американского производства, а значит все же можно считать, что в их успехе, есть частица и нашей победы...»

— Ишь ты, и тут примазались, — смеялся Федор.

«Победа русских — самая последняя вещь на свете, которой мы ожидали!» — приводила слова президента ассоциации яхтсменов «Звездного класса» Стэнли Огэлви другая газета.

«Их победа невероятна! Никто не знает, как они победили. Я сам не понимаю этого...» — говорил известный конструктор «Звездников» Роберт Этчелл.

Больше всех порадовал Тимира отклик американца Паркса, не занявшего призового места на Олимпиаде.

«Везение тут ни при чем, — сказал Паркс. — Просто русский всегда оказывался в нужное время в нужном месте».

Тимир — по-якутски означает «железо». В древности алхимики тщетно искали философский камень, мечтая получить из железа золото, а Тимир добыл его своей победой.

А впереди уже ждали новые испытания: сломанная мачта в Японии, пробитая корма в германском

Киле... шторма, палящее солнце, искусные соперники... Но перед каждым новым стартом всегда оставалось только самое главное — облака, горизонт и цвет моря...

ДУХОВНЫЕ ИСКАНИЯ ЧИНОВНИКА ЛОДЫЖЕНСКОГО

Сегодня имя Митрофана Васильевича Лодыженского (1852-1917) у нас почти забыто, и никто не упоминает его в контексте дореволюционной культуры Ставрополья. А между тем, он был не только незаурядным ставропольским чиновником, но и описал наш край в одном из своих произведений.

Митрофан Васильевич родился 15-го февраля 1852 года в Тульской губернии, происходил из известного дворянского рода. Семья его была небогатой, но чрезвычайно набожной, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что и отец, и мать Лодыженского, а также три из четырех его сестер приняли монашеский постриг. Доподлинно не известно, находилось ли это семейство в родстве с полковником Николаем Ладыженским (еще один вариант написания той же фамилии), который в последней четверти XVIII века был первым комендантом и строителем Ставропольской крепости на Северном Кавказе. Принимая во внимание разветвленность генеало-

РОМАН НУТРИХИН

КРАЕВЕДЕНИЕ

гического древа этой благородной фамилии, такую возможность исключать нельзя, однако она нуждается в дополнительном уточнении.

Митрофан Лодыженский, следуя семейной традиции, выбрал для себя стезю чиновную. В 1873 году он окончил Санкт-Петербургский земледельческий институт и уехал служить в Вологодскую губернию по лесной части. В 1884 году его перевели в Лесной департамент, где он до 1886-го занимал должность начальника одного из отделений. Примерно в это же время он пробует себя на литературном поприще в качестве драматурга. Он написал две пьесы – комедию «Из новеньких» и драму «Ложный взгляд», которые с успехом шли на московской сцене Русского драматического театра Корша.

С 1896 года Лодыженского часто перемещали из города в город, но неизменно в должности заместителя начальника в разных губерниях. Сначала он был вице-губернатором в Семипалатинске (1896-98), затем в Витебске (1898-1902), откуда его перевели на тот же пост в Ставрополь (1902-1903). Здесь Митрофан Васильевич был начальником Губернского Правления при нашем знаменитом губернаторе Николае Егоровиче Никифораки. После Ставропольской губернии он успел побывать еще вице-губернатором в Могилеве и оттуда уже вышел в отставку в чине статского советника со множеством наград. Ему были пожалованы ордена Святого Владимира 3-й и 4-й степеней, ордена Святого Станислава 1-й, 2-й и 3-й степеней, орден Святой Анны 3-й степени и несколько медалей.

Оставив службу, Митрофан Васильевич вернулся на родную тульскую землю и поселился в фамильном поместье Образцово в Чернском уезде, в котором он уже избирался почетным мировым судьей и

одно время занимал должность земского начальника. Еще в 1898 году его имя было внесено в шестую часть Родословной книги дворянских родов Тульской губернии. В тульских архивах сохранилась запись о том, «что в 1900 г. Ладыженский М. В. и его жена Ольга Александровна, урожденная Воронина, имели 297 десятин земли в селе Большое Поддараево или Вознесенское, в состав прихода которого входило и село Образцово». Однако больших доходов эти земли не приносили, так как были давно заложены в Дворянском Банке, в виду чего Ладыженский по выходе в отставку вынужден был обратиться в Министерство Внутренних Дел с ходатайством о назначении ему пенсии.

На покое Митрофан Васильевич, наконец, посвятил всего себя занятиям, к которым давно стремился всей душой, – философским исследованиям и литературному творчеству. Экс-чиновник давно хотел написать книгу об индийской и христианской мистике, которой всерьез увлекался. Были у него и некоторые смелые художественные замыслы. На этом этапе своей жизни он не только много работает в деревенской тиши, но и близко общается с видными представителями столичной ученой и литературной богемы, признававшими в нем интересного собеседника.

Место, где окончательно водворился бывший ставропольский вице-губернатор, находилось недалеко от Ясной Поляны – имения Льва Николаевича Толстого. Они сблизились не только из соседской учтивости, но и на почве общих интересов к сокровенным сторонам бытия. Известно, что Толстой живо интересовался духовностью Азии – буддизмом и индуизмом. Ладыженский тоже на протяжении многих лет изучал восточные учения и практики, в особенности, мистическую философию йоги. Неза-

долго до знакомства с Толстым он как раз завершил кругосветное путешествие, во время которого побывал в Индии и других экзотических странах, где мог исследовать их тайную премудрость на личном опыте. В своей «Мистической трилогии» он поместил такое замечание об индусах: «Народ этот и поныне сохранил свой мистический характер, и поныне у него процветает подвижничество. Пишущий эти строки прожил в Индии сравнительно короткое время, всего около трех месяцев, но и поверхностного наблюдения было достаточно, чтобы быть пораженным психическими качествами этого народа».

Все это привело Митрофана Лодыженского к теософии – оккультному учению, созданному русской писательницей и путешественницей Еленой Петровной Блаватской в попытке универсального синтеза сакральных знаний Востока с научными достижениями Запада. Лодыженский вступил в Российское теософское общество и даже стал его секретарем. На данном этапе он еще не видел принципиальных противоречий между теософией и православием, полагая, что его мистические искания не идут вразрез с устоями веры отцов, в лоне которой он пребывал весьма ревностно на протяжении всей своей жизни. 24-го ноября 1909 года на заседании Религиозно-философского общества в Петербурге Митрофан Васильевич заявил, что, по его мнению, теософ может быть одновременно и истинным христианином. Он изменит эту точку зрения лишь на закате жизни, признав весомое преимущество православного духовного делания перед любыми другими религиозными и эзотерическими путями.

Однако в период знакомства с Толстым Лодыженский был еще убежденным теософом и мечтал об индийских йогогах. Наряду с этим он глубоко знал

поучения отцов Церкви, которыми сумел увлечь писателя. Толстой был искренне почитаем в среде теософов. Они приезжали к нему, слали письма и часто цитировали его в своих изданиях. На волне собственных теософских поисков Лодыженский просто не мог не сойтись с прославленным «литературным старцем», который к тому же жил всего в десяти верстах от сельца Басова, где бывший вице-губернатор проводил лето.

Их знакомство состоялось за три месяца до смерти Льва Толстого. В беседе с Лодыженским он не раз говорил, что предчувствует скорый конец и должен к нему готовиться. Этот разговор сильно повлиял на Митрофана Васильевича. «В жизни каждого человека, – вспоминал он, – бывают иногда странные случайности, которым он на первых порах не придает должного значения, и начинает их ценить только впоследствии, когда сама жизнь подчеркнет их серьезность. Такая случайность неожиданно коснулась и нас в отношениях наших к великому писателю земли русской. Нам пришлось, незадолго до смерти Толстого, познакомиться с ним и иметь с ним беседу, которой мы тогда не придали того значения, коего она заслуживала, а между тем, после великой драмы Толстого, этот разговор получил для нас свой глубокий смысл».

В конце июля 1910 года Митрофан Васильевич с супругой приехали в гости к своему знаменитому соседу в Ясную Поляну. С ними был их друг – дипломат Сергей Виссарионович Чиркин – русский консул в Бомбее, прибывший из Индии в Россию на время отпуска. Свидетелями этой беседы, кроме того, были жена и сыновья Толстого, а также его друзья, среди которых оказался пианист Александр Гольденвейзер, сохранивший наиболее интересные фрагменты

их разговора. Музыкант дал гостю такую характеристику: «Лодыженский – человек лет 55, очень громко и много говорящий. Он был в Индии, в Японии; занимается сравнительным изучением индусской и христианской религий. Рассказы его не лишены интереса». Сам Лодыженский также оставил подробные воспоминания об этой встрече во второй книге своей «Мистической трилогии».

К тому времени он уже окончил первый том этой фундаментальной работы и готовил его к печати. Наслышанный об этом, Толстой спросил, о чем же конкретно он пишет. «Меня интересует, – сообщил Лодыженский, – все, что касается жизни наших христианских подвижников и святых. Над исследованием этой жизни я много теперь работаю». – «А меня, – с расстановкой проговорил хозяин, – так это совсем не интересует». Отвернувшись, он заговорил с кем-то из присутствующих. Однако Лодыженского было не так легко смутить, и он продолжал говорить о православных аскетах. На вопрос Толстого, чего же в них такого особенного, Митрофан Васильевич с жаром ответил: «Очень много особенного. Да, позвольте, я вам для примера приведу одно философское изречение подвижника VI века. Дело касается соотношения в душе человека любви к Богу и любви к людям... Соотношение это подвижник выразил так: представьте себе круг, – сказал он, – и в центре его Бог. От окружности круга стремятся люди к Богу. Пути их жизни – это радиусы от окружности к центру. Поскольку они, идя по этим путям, приближаются к Богу, постольку они делаются ближе друг к другу в любви своей, и поскольку они любят друг друга, постольку они делаются ближе к Богу».

Толстой пришел в восторг от этих слов и поинтересовался, кому они принадлежат. Узнав, что Свя-

тому Авве Дорофею, он вынул из кармана записную книжку и показал гостю собственные размышления об окружности как геометрической метафоре сближения между людьми. Но при этом признал, что у Аввы Дорофея это выражено куда яснее и лучше. Писателю стало любопытно, где об этом можно прочесть. Митрофан Васильевич пояснил, что в «Добротолубии» – сборнике изречений древних христианских подвижников. Толстой посетовал на то, что ничего не знает о «Добротолубии» и сказал своим домашним, что ему крайне необходимо приобрести эту книгу.

«На этом, – вспоминал Лодыженский, – разговор о «Добротолубии» оборвался. Толстой после этого начал расспрашивать о кругосветном путешествии, которое я только что покончил. Говорили мы много об Индии, об Японии. Толстой много расспрашивал об Индии С. В. Чиркина, затем Толстой говорил об индусском подвижнике Вивекананде, которого он тогда изучал и которого я знал по его сочинению о Раджа-Йоге». Митрофан Васильевич завел речь о таинственных явлениях, о невидимом воздействии «психической силы», к пониманию которой наука только приближается. При этом Лев Николаевич вновь занял скептическую позицию, сказав, что это малоинтересно и вовсе ненужно для практического улучшения жизни: «Я думаю, – заявил Толстой, – что это праздные люди, которые живут трудами других людей, от своей праздности выдумывают».

«Лодыженский возражал, – отмечает свидетель того разговора, – что нужна ли или не нужна эта психическая сила, но что существование ее нельзя отрицать, что она проявляется, например, в гипнотизме. Он рассказал, как его жену усыпил какой-то гипнотизер, и она заснула и делала то, что ей приказыва-

ли». «Да вот, спросите мою жену, – горячился Лодыженский, – она здесь сидит. Она вам расскажет, как в моем присутствии в Алжире ее гипнотизер Пикман против ее воли усыпил; она этого не хотела, а он ее все-таки усыпил». – «И спрашивать не стану, – отмахивался писатель. – Все это пустяки. В этом мире, что нас окружает, никаких особых таинственных сил нет... Никаких таких восприятий».

Лодыженский начал с жаром убеждать его в обратном, но вовремя осекся и поспешил извиниться:

– Вы простите – я разошелся. Вы так добры...

– Напротив, мне очень интересно, что вы говорите. – Л. Н. тоже помолчал и потом сказал: – Нет, психическая сила ни к чему: это – та же теософия.

– Может быть, ни к чему, но она есть. Все явления гипнотизма, сомнамбулизма это доказывают.

– Я помню, нас приглашали. Соня, куда нас приглашали?

– К Ригу, гипнотизеру, – ответила Софья Андреевна.

– Все что-то должны были делать. Ничего не вышло. Было смешно и стыдно, – сказал Л. Н.

– Он позвал какую-то девицу, про которую сказал, что она медиум, – стала рассказывать Софья Андреевна. – Он усыпил ее и сказал: собирайте ягоды, – она стала нагибаться, как будто собирает ягоды; кушайте, – она сделала вид, как будто ест; он спросил: не правда ли, кисло? Она сделала гримасу. Я рассердилась и сказала им: я при свидетелях говорю: я дам тысячу рублей, если вы меня усыпите. И никто не мог.

– Я не последователь психической силы, – заметил Лодыженский. – Это для нездоровых нервами людей. Но все-таки существование ее доказано наукой.

Толстой сказал, что вовсе не так учен, как его высокообразованный собеседник. Лодыженский на это только рассмеялся и дал себе такую меткую характеристику: «Какой же я ученый? Отставной вице-губернатор, сосед-помещик, от нечего делать занимающийся наукой; образец русского характера».

Их диалог о йогах, теософии, мистике и гипнотизме Лев Толстой резюмировал в духе своей философии «опрощения»: «Это все лишнее, ненужное... В теософии, как и в других религиозных учениях, ошибка в том, что люди... рассуждают о предметах, которые нам не дано понимать. Величайшая мудрость – остановится на том пределе, за который рассуждения не должны идти. Ошибка браминов – именно в этом, что они в своих рассуждениях уходят за эти пределы; а как только их перешел, нет конца чепухе. И мудрость не в том, чтобы знать то, чего знать нельзя, а в том, чтобы остановиться, где нужно».

Митрофан Лодыженский возражал, что просто не может сдержать своего любопытства касательно таких вопросов. Что влечение к тайне присуще не только его натуре, но и самой человеческой природе. Стремясь навстречу неведомому, люди приходят к поразительным находкам, подобным открытию радиоактивности, которые меняют все их мировосприятие. Вместе с тем, Лодыженский подчеркнул, что интерес к теософии, йоге и секретам мироздания не затмил в нем высокого религиозного чувства, что он считает христианство выше всего этого. Толстого он не убедил, однако писатель признался, что получил удовольствие от их трехчасового разговора. Приехав в Ясную Поляну около семи вечера, Лодыженские распрощались с Толстыми лишь в начале одиннадцатого.

Лев Николаевич не забыл их беседы о «Добротолубии». 4-го августа 1910 года писатель нанес ответный визит соседу. «Прошло четыре дня, – вспоминал Митрофан Васильевич. – Толстой с доктором Маковицким верхами приехали к нам в Басово. «Я к вам на несколько минут, – сказал Толстой, входя в дом, – я приехал и вас повидать, и «Добротолубие» посмотреть. Пойдемте к вам, покажите мне «Добротолубие». Мы вошли в кабинет; я вытащил из шкафа все пять томов. Толстой начал их переглядывать и перелистывать. Потом он вынул записную книжку и стал, по-видимому, заносить там заголовок издания и делать еще какие-то пометки. Все это время я объяснял Толстому, что «Добротолубие» далеко еще не все, что в этом роде есть интересного, что в «Добротолубии» только выдержки, что, например, подлинные полные собрания сочинений подвижников Исаака Сириянина, Симеона Богослова и других заключают в себе удивительные страницы.

В кабинете Толстой, между прочим, обратил внимание на большой альбом с японскими видами, собранными мною во время путешествия кругом света. Он заинтересовался альбомом; мы стали его рассматривать; я давал объяснения.

Наконец, Толстой вспомнил свое время. Он быстро встал, простился и вышел с Маковицким к лошадям. Подойдя к своей лошади, он стал ее оглаживать, взялся одной рукой за седло и, не успев я опомниться, как он ловко и легко, совсем как молодой человек, вскочил в седло. По тому, как он вскочил на лошадь, видно было, до чего он был бодр, и я никак не думал тогда, что вижу его в последний раз, что конец его был так близок».

Бывший ставропольский вице-губернатор, открывший автору «Войны и мира» сокровищницу свя-

тоотеческой мудрости за три месяца до его смерти, только потом узнал, что, бежав из дому, Толстой направился напрямик в Оптину пустынь, где хотел повидать старцев. Правда, уже стоя на пороге кельи одного из них, он так и не решился постучать, помня о тяготевшем над ним отлучении. И все же толчок к этому предсмертному духовному устремлению писателя, вероятно, дал Лодыженский, затепливший в страдающей душе Толстого огонек интереса к подвижникам православия.

Случай знакомства Толстого с «Добротолубием» Митрофан Васильевич пересказал потом своему другу Петру Демьяновичу Успенскому – ближайшему ученику кавказского мистика Георгия Гурджиева, автору книг о «четвертом измерении» и других оккультных тайнах. Успенский упоминает об этой истории в своей книге «Tertium Organum. Ключ к загадкам мира», где он много цитирует своего приятеля Лодыженского.

Знакомство с Толстым и скорая кончина последнего произвели на Митрофана Васильевича очень сильное впечатление. Работая в те дни над «Мистической трилогией», он посвятил немало ее страниц разбору учения Льва Толстого, своим воспоминаниям о беседе с ним, изложению собственных взглядов на его духовные заблуждения и на те трагические последствия, к которым они привели великого русского писателя. На главном труде всей жизни Лодыженского лежит глубокий отпечаток его судьбоносной встречи с Толстым, которую бывший чиновник и самобытный религиозный мыслитель потом вспоминал и обдумывал до конца своих дней.

В 1911 году вышла его первая книга «Сверхсознание и пути к его достижению. Индусская Раджа-Йога и Христианское Подвижничество». Она состави-

ла первый том его «Мистической трилогии». Работа была написана еще под влиянием теософских увлечений автора, который много и пространно цитировал труды таких оккультных авторитетов, как Елена Блаватская, Анни Безант, Чарльз Ледбитер, Рамачарака, Свами Вивекананда. Но, вместе с тем, в книге видна и глубокая проработка Митрофаном Лодыженским святоотеческих православных наставлений, к которым тянулась его душа, не смотря на погруженность ума в теории указанных эзотериков. Многие главы его произведения посвящены таким вопросам, как ясновидение, гипнотизм, месмеризм, спиритизм, сомнамбулизм, выход астрального тела и йогические практики. Но, наряду с ними, Лодыженский исследует древние максимы «Добротолубия», наставления праведников о молитве, о противодействии страстям, о христианском подвижничестве. Этой книге просто нет равных по серьезности предпринятой в ней попытки возвращения русского интеллигента из тумана мистических исканий «серебряного века» к свету православного мирозерцания. Об этом дебютном трактате Лодыженского одобрительно отзывались такие видные философы, как Павел Флоренский, Николай Бердяев, Сергей Булгаков и Лев Тихомиров.

В 1912 году вышла вторая книга его «Мистической трилогии», названная «Свет Незримый. Из области высшей мистики». Лодыженский посвятил ее исследованию христианского мистицизма на Западе и на Востоке. Он сравнивал пути мистических откровений Святого Серафима Саровского в православии и Святого Франциска Ассизского у католиков, указывая на явное превосходство первого. В этом же томе Лодыженский много пишет о Льве Толстом. Он не ограничивается критикой католицизма и толстов-

ства, но заявляет о необходимости активной защиты православия, провозглашая этот неизбежный путь «борьбой за Логос» и прозорливо называя главным врагом христианства современный социализм.

Вторая часть «Мистической трилогии» была с интересом встречена специалистами. Через два года профессор Московской духовной академии Сергей Сергеевич Глаголев опубликовал в «Богословском вестнике» пространную рецензию на это произведение. Указав на ряд его недостатков, Глаголев, тем не менее, отметил, что «Лодыженский в своей книге просто, ясно и убедительно с православной точки зрения устанавливает апологетическое значение мистических явлений». Теперь Митрофан Васильевич мог считать себя признанным богословом. Эта его работа была тепло принята и церковными иерархами. Епископ Енисейский и Красноярский в письме к автору от 16-го октября 1914 года хвалил его книгу «как представляющую собой серьезный опыт научного, богословско-психологического исследования вопросов высшей мистики, вследствие чего она заслуживает серьезного внимания и читается с захватывающим интересом».

Наконец, в 1914 году вышел третий том «Мистической трилогии» под заглавием «Темная сила», в котором автор рассматривает метафизические проблемы зла – начиная с широкого спектра психических отклонений и заканчивая исследованием сатанизма, а также отражением уродливых образов зла в истории и художественной литературе. В этой книге Митрофан Васильевич решительно и окончательно порывает с оккультизмом, называя его порождением тьмы. Он подвергает резкой критике русское сектантство и спиритизм, считая их завуалированными формами демонизма. Расходится автор и с неког-

да любимой им теософией, ужаснувшись тому, что руководители этого движения провозгласили юного индуса Джидду Кришнамурти грядущим «мессией человечества». Лодыженский осознал, что подобные религиозные вольности слишком глубоко расходятся с духом христианства. Отныне он провозглашает православие не просто преимущественным, но вообще единственным истинным путем к Богу.

Кардинальный поворот Митрофана Лодыженского от оккультных поисков к фундаментальному православию выразился и в его публичной лекции «Враги Христианства», прочитанной 28-го декабря 1915 года на религиозном собрании в Петрограде и отпечатанной впоследствии отдельной брошюрой. Противниками православия он называет в ней все ту же теософию и западный йогизм.

Последняя часть «Мистической трилогии» появилась под гром пушек Первой мировой войны. В послесловии Митрофан Лодыженский, умудренный исследованием сокровенных основ мировой истории, пишет: «Настоящая книга печаталась в самый разгар обрушившейся на Россию войны. Война эта, вызванная накопившеюся за последние десятилетия энергией зла, ощутительно проявила и значение темной силы в губительных воздействиях ее на людей. После всего того, что было изложено в настоящей книге, мы видим, что именно темная сила отравила массы «культурного» немецкого народа безумием психоза на почве извращенного морального чувства, на почве желания властвовать во что бы то ни стало, на почве сатанинской гордости, всеянной такими сверхчеловеками, как Ницше и другие философы упадка. «Народу-человекобогу все дозволено!» Вот лозунг того безумия, который охватил этих людей».

Даже не верится, что эти слова были написаны еще в 1914 году, – настолько отчетливо проступает в них другая грандиозная трагедия XX века, спровоцированная тем же «горделивым безумием» немецкого народа. Лодыженский провидел это, угадав поразившие Германию «микробы зла» уже в зародыше. Его взору уже тогда было явлено и историческое противоядие от этой духовной заразы. «Но жив силою Божией, – писал он, – другой народ – народ русский, народ христианского смирения, сплоченный своими великими подвижниками – маяками Света Незримого, народ, не лишенный даров Божественного Света, очищающего души человеческие от темных сил... Предстоит великий труд борьбы и очищения». Поистине страшна пророческая сила этих вещей слов! Не случайно «Мистическая трилогия» притягивала к себе взоры современников и потомков. Не раз переиздававшаяся еще до революции, она продолжает перепечатываться и в наши дни.

В последний год жизни бывшего ставропольского вице-губернатора увидела свет его повесть «Невидимые волны» – сначала в столичном журнале «Вешние воды» и практически сразу же отдельной книгой. В ней обычное для Лодыженского религиозно-мистическое направление мысли удачно сочетается с достоинствами художественного произведения. Повесть основана на реальных событиях, о чем сам Митрофан Васильевич писал в предисловии: «Когда-то, во времена нашей юности, нам приходилось слышать не раз интересные рассказы одного почтенного старика-помещика, проведшего свою молодую жизнь довольно бурно, – человека, который в глубокой старости умер в монастыре, куда поступил в 1875 году под именем отца Вассиана. Содержание этих рассказов относится к первой поло-

вине прошлого [XIX – Р.Н.] столетия. Оно заключало в себе богатый мистический материал. В наше время многие интересуются вопросами из области таинственных явлений. Мы решили сообщенные нам эпизоды из жизни знакомого лица реставрировать в беллетристической форме и ввести их в предлагаемую ниже повесть. Таким образом, в повести многие из приведенных мистических сцен не вымышлены, а действительно пережиты отцом Вассианом». Кроме того, внимательный читатель легко заметит, что на страницах «Невидимых волн» в художественной форме проиллюстрированы многие из религиозных идей, ранее изложенных автором в «Мистической трилогии».

Действие повести начинается в одной из центральных российских губерний, в селе Отрадном, где живут помещики – отец и сын Сухоруковы. Они отличаются крайне распутной и расточительной жизнью, которая приводит их к разорению. Раздумывая над тем, где бы взять денег, они решаются пойти на преступление – обокрасть зажиточную соседку. Такому моральному падению предшествует их духовное обнищание. После смерти хозяйки дома, которая была добродетельной и верующей женщиной, в этой семье больше не вспоминают о Боге и ударяются во все тяжкие.

Младший Сухоруков – Василий Алексеевич, ко- ему отец поручил совершить грабеж, обращается к страннику Никитке, обладающему способностью воздействовать на людей некой гипнотической силой, чему молодой барин сам был свидетелем. Не имея твердых религиозных убеждений, он начинает верить в сверхъестественное и ищет помощи в своих преступных замыслах у деревенского колдуна. Тот берется помочь лишь при условии, что Ва-

силией Алексеевич снимет с себя и забросит за печку нателный крест, чем тот довершает свою духовную деградацию. Около полуночи они направляются в дремучий лес, где чертят у костра круг и призывают нечистого. В решающий момент страшного ночного действия колдун падает на землю и скулит, что не в состоянии повлиять на старуху, так как она в эту минуту стоит на молитве. Их темное дело терпит неудачу, а молодой повеса с той поры чувствует странное недомогание. Помещики Сухоруковы готовы уже пойти на убийство, лишь бы добраться до чужих денег. Но Василию Алексеевичу снится его покойная мать, пытающаяся отвести его от этой черной затеи. Потом он видит самого себя в страшном демонском обликии, и, проснувшись, с ужасом чувствует, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Его разбил загадочный паралич.

Между тем, дела помещиков Сухоруковых устроились сами собой – безо всяких преступлений, за счет неожиданно полученного наследства. Видя состояние сына, Алексей Петрович начал потихоньку прозревать от греховной слепоты и каяться в содеянном. Сухоруковы зажили совсем по-другому, но здоровье не возвращалось к Василию Алексеевичу, и доктора оказывались бессильными. Наконец, по совету одного из них, он поехал лечиться на Кавказские Воды. Тут действие мистической повести и переносится на Ставрополье, куда везут расслабленного Сухорукова.

«Выехал Василий Алексеевич из Отрадного, – пишет Лодыженский, – в начале мая. Путь его лежал на Воронеж, Новочеркасск и Ставрополь Кавказский. Часть этого пути до Воронежа он ехал по шоссе, которое тогда только что было отстроено. От Воронежа Василию Алексеевичу пришлось ехать уже по не-

шоссированному тракту, по, так называемой, большой дороге.

Через две с половиной недели утомительного путешествия Василий Алексеевич добрался наконец до Ставрополя. В Ставрополе находился тогда административный центр завоеванного Кавказа. Там пребывал также и штаб кавказской армии. Василий Алексеевич решил отдохнуть в Ставрополе, пожить там по крайней мере дня два. Очень уж он утомился за свой длинный путь. В Ставрополе была сравнительно недурная гостиница. Эта гостиница носила громкое название «Париж». В этой гостинице и остановился молодой Сухоруков.

Дормез Василия Алексеевича подкатил к ставропольской гостинице часов в 11-ть утра. Люди вынули больного из экипажа усталого и запыленного дорогой...

Слуги внесли барина в номер; они усадили его на диван, а сами стали переносить из дормеза вещи. Василий Алексеевич оглядывал комнату. Комната была просторная и в общем терпимая. Одно только резало глаза в этой комнате, это странные обои: какие-то желтые с синими полосами и с изображением бесчисленного количества аркадских пастушков и пастушек в неестественных позах. Впрочем, Василию Алексеевичу было не до критики этих странностей. Он порядочно измучился в дороге, был рад и этой комнате».

В описании сложного путешествия из центральной России в Ставрополь ощущается достоверность пережитого. Митрофан Лодыженский когда-то и сам проделывал весь этот путь и был свидетелем нехитрого походного быта путешественников, заезжавших в наш губернский город. Герой его повести проводит вечер, сидя «на маленьком балкончике своего

номера. Номер этот выходил в сад гостиницы». Здесь парализованного помещика посещает его университетский друг и прежний однополчанин Михнев, которого он случайно встретил по приезде в Ставрополь.

«Он между прочим упомянул, что он едет завтра утром в Пятигорск, где стоит казачья дивизия. Сухоруков стал расспрашивать Михнева о Пятигорске. Михнев сообщил, что съезд больных уже начался, что в Пятигорске бывает довольно весело. Из последних новостей было то, что на днях проехал через Ставрополь из Петербурга их товарищ по Университетскому пансиону Лермонтов.

– Как, Лермонтов опять на Кавказе?! – воскликнул Сухоруков. – Да ведь его недавно вернули с Кавказа. Мой отец видел его в Петербурге...

– Опять его, милый друг, выслали и ментик гусарский с него сняли. Опять сюда к нам он приехал. Он теперь в Тенгинский полк переведен...

– Да почему все это произошло? – удивлялся Сухоруков.

Михнев стал рассказывать последнюю историю Лермонтова, случившуюся в Петербурге: Лермонтов дрался на дуэли с сыном французского посланника Баранта. Великий князь Михаил Павлович за эту дуэль очень рассердился на Лермонтова; он и настоял, чтобы Лермонтов был выслан.

– Мне жаль Лермонтова, – сказал Сухоруков. – Я его всегда любил. Меня к нему всегда притягивало... словно судьба его преследует...

– Чего его жалеть! – проговорил с усмешкой Михнев. – Кабы ты его видел... Он и в ус не дует. С ним сюда приехал Алексей Столыпин; тот его провожает... Помнишь... этот красавец? Мы вместе с ним в Москве тоже учились.

– Да знаю я его! – отвечал Сухоруков, но ему не хотелось сейчас говорить ни о ком другом, кроме Лермонтова. – ...Пожалуй, оно хорошо даже, что Лермонтов опять на Кавказе, – сказал, подумав, Василий Алексеевич. – Он на Кавказе в стихах разгуляется. Будет ему, о чем писать. Я читал одну его кавказскую поэму. Что за талант!..

– Вижу я, ты совсем очарован Лермонтовым, – проговорил Михнев. – И знаешь что? Ты, может быть, даже увидишь его в Пятигорске. Он, должно быть, сейчас там; по дороге в свой полк он собирался туда заехать. Если я его там встречу, я ему скажу, что ты здесь. Он тебя навестит...

Прятели долго сидели на балкончике. Они оба были в настроении делиться впечатлениями. Вспоминали свою жизнь в Университетском пансионе, службу в Елизаветградском гусарском полку, когда они вместе стояли в Польше, – какие у них там были приключения, и еще о многом другом говорили наши собеседники. Время летело быстро. Дружья и не заметили, как стемнело, как загорелись звезды на синем прозрачном небе. Сухоруков совсем забылся в этой беседе. Ему так хорошо чувствовалось в этот вечер со своим старым товарищем».

В следующей главе действие повести переносится из Ставрополя в Пятигорск. «На другой день рано утром Михнев уехал из Ставрополя. Отдохнувши, и Сухоруков двинулся дальше к цели своего путешествия. От Ставрополя ему оставалось ехать всего около полутора ста верст, и он добрался до Пятигорска в двое суток. Дорога от Ставрополя сделалась живописнее. Раньше Сухоруков ехал по ровной степи, теперь показались гористые отроги и так называемые балки. Вдали на горизонте была уже видна блестящая цепь Кавказских гор. Скоро Сухоруков до-

брался до Железной горы. Наконец показался и Пятигорск, небольшой городок, расположенный у подошвы Машука.

Благоустройство Пятигорска, куда ввезли Василия Алексеевича в его дормезе, было в те времена очень примитивно. Мостовых в городе не было. Дома были маленькие, больше деревянные; каменных зданий в Пятигорске было немного – все они были, как говорится, наперечет. Между ними выдавались грандиозностью постройки Казенная гостиница и Николаевские ванны. Здание Казенной гостиницы, к которой подъехал сухоруковский дормез, удивило Василия Алексеевича красотой и выдержанностью стиля. Хоть бы в Петербурге быть такому зданию! Оно было увенчано фронтоном, поддерживаемым шестью колоннами».

В Пятигорске Василий Алексеевич действительно увиделся с Лермонтовым, который вместе с Алексеем Столыпиным посетил больного в курортной гостинице. На вопрос поэта, что за беда с ним приключилась, расслабленный признался, что его коснулся гениально описанный в лермонтовской поэме, но в действительности чрезвычайно страшный демон. Михаил Юрьевич подарил ему листок с новыми стихами. Сухоруков заметил, что, несмотря на весь блеск таланта, жизнь великого друга тоже лишена высокой цели и смысла, вместо которых в его душе зияет пугающая пустота.

Лодыженский подробно описывает в своей повести ход лечения на Кавказских Водах, вероятно, также известный ему из личного опыта. «Как только Василий Алексеевич устроился..., он поспешил послать человека с запиской к главному врачу при горячих источниках – господину Гефту... Он просил Гефта

приехать в Казенную гостиницу и указать ему, Сухорукову, порядок лечения в Пятигорске.

Гефт не заставил себя долго ждать. Он прибыл в тот же день, осмотрел больного и дал ему надлежащие советы насчет ванн. Кроме этого он прописал Сухорукову ежедневное питье серной воды из Елизаветинского источника. В то время пятигорские доктора верили в целебное действие от питья серной воды. Они заставляли больных пить эту воду, несмотря на ее отвратительный вкус. Только потом медициной было выяснено, что подобное лечение в сущности совершенно бесполезно для пятигорских больных.

Василий Алексеевич горячо взялся за лечение, указанное Гефтом. Доктор Гефт обещал Сухорукову, что он поставит его на ноги через месяц».

Больной, впрочем, успеха не достиг, несмотря на неукоснительное следование рекомендациям курортного врача. «Лечение это заключалось в том, что каждое утро в определенные часы Василия Алексеевича приносили из Казенной гостиницы в Николаевские ванны, которые находились тут же невдалеке, и затем его выдерживали в горячей серной ванне по десять минут. Но вот больной принял уже много таких ванн, а они вовсе не оказывали действия на его парализованные ноги и не развязывали его скованной руки. Не помогла Сухорукову и серная вода из Елизаветинского источника, которую он ежедневно пил. Вкус этой воды был отвратительный, и она привела лишь к тому, что аппетит Василия Алексеевича, и без того слабый, был совсем потерян.

Доктор Гефт, навещавший каждый день больного, внимательно его осматривал, выстукивал, выслушивал, заставлял больного становиться на ноги с помощью костылей, заставлял его двигаться с по-

мощью людей, исследовал при этом его мускулы. Казалось, что каждый раз, при каждом своем визите, доктор ждал начала улучшения, ждал, что вот-вот мускулы ног больного оживут, что ноги Василия Алексеевича получают волю и движение, но дни проходили, и положение больного не улучшалось. В таком безрезультатном лечении прошел целый месяц.

Василий Алексеевич начинал разочаровываться в лечении доктора Гефта. Очевидно, Гефт не понимал болезни Сухорукова, подводя ее под шаблон ревматиков и паралитиков, которых он до сих пор успешно пользовал в Пятигорске. Очевидно, основы болезни Василия Алексеевича крылись в иных причинах, которых не понимал доктор – не понимал он того, что эти причины могли исходить из особой, так называемой подсознательной сферы, на которую господа специалисты только в последнее время начинают обращать внимание».

Сухоруков оставил тщетное лечение и покинул Пятигорск, не став заезжать даже к нарзанному источнику в Кисловодске, вопреки советам доктора. Он уже не надеялся на исцеление, когда по дороге с ним случилось чудо. В Воронеже он, по просьбе старого слуги, посетил монастырь, где почивали мощи Святого Митрофания Воронежского. Проникшись величием тамошнего собора, страдалец и сам не заметил, как рванулся со своего места и с благоговением припал к раке святителя. Паралич отступил, молодой помещик таинственным образом выздоровел. Он не захотел уезжать из этого дивного места, а поселившись в гостинице при обители, стал посещать церковные службы и окормляться у прозорливого старца, который прежде уже являлся ему во сне. Старец напомнил Василию Алексеевичу об обиженной им девице и наказал на ней жениться. Напоследок

духовник подарил гостю «Добротолубие», посоветовав научиться святоотеческой мудрости из этой благословенной книги.

Лодыженский подчеркивает, что толчком к духовному перерождению героя стала «болезнь, сковавшая его тело, возникшая при особых, исключительных условиях, давших почувствовать ему, что кроме сил материальных, земных, имеют громадное значение в жизни человека силы сверхприродные, силы таинственные. Это как бы невидимые волны из особого мира, волны, ударяющие в людей из какого-то таинственного океана, неведомого и бесконечно могущественного. И в этом океане есть волны не только злые, но и благодатные, светлые, спасающие людей».

Причастившись Святых Христовых Тайн, Сухоруков покинул монастырь уже совсем другим человеком, имея твердую веру в Бога и ясную цель в жизни. Он добился прощения от оскорбленной им девушки и счастливо соединился с ней узами законного брака. Они создали христианскую семью и прожили счастливую жизнь в Отрадном. Из эпилога повести можно заключить, что Лодыженский изложил в ней не просто рассказ знакомого монаха, но подлинную, хотя и чрезвычайно таинственную историю жизни своего собственного отца, которого также звали Василием. В эпилоге повести Митрофан Васильевич пишет о своих родителях:

«Бог благословил Сухоруковых семейством из четырех дочерей и сына, которого они называли Митрофаном в честь святого, чудесно исцелившего Василия Алексеевича. Когда дети Сухоруковых стали на ноги и началась их самостоятельная жизнь, Василий Алексеевич и Елена Ивановна решили уйти из мира в монастырь. Они постриглись в монашество в один и

тот же день. При своем пострижении Василий Алексеевич принял имя монаха Вассиана, а Елена Иванова – монахини Олимпиады.

Монах Вассиан умер в 80-х годах прошлого [XIX – Р.Н.] столетия. Умер он с горячей верой в будущую загробную жизнь, жизнь личную, жизнь полную ощущений христианской любви и истинного счастья, полную несказанных переживаний от созерцания к созерцанию и от постижения к постижению высших надмирных тайн...

После смерти отца Вассиана дети его нашли в его бумагах такое характерное завещание:

«Милые дети мои! И за гробом благословляю вас. Близки и дороги вы моему сердцу. Примите и усвойте себе мои последние отцовские, не говорю завещания, а просьбы. Да будет мир среди вас. В мире все счастье. Боритесь с духом гордости и тщеславия, разъединяющим людей, и помните слова Псалмопевца: не надейтесь на князи... человеческие... Помните, что вся эта человеческая слава сердца нашего насытить не может...»

И дети свято хранили завет отца и чтители его память. Считаю не лишним упомянуть, что отличительной чертой детей Сухоруковых, кроме их взаимной любви друг к другу, была их жизнерадостность. Они легко переносили выпавшую на их долю тяжесть нашей земной жизни».

Родители Митрофана Лодыженского действительно на склоне лет приняли монашество с именами Вассиан и Олимпиада. Из этой повести мы узнаем, что интерес автора к мистицизму коренился в истории его семейства. Тернистый путь его отца к Богу лежал через искушение распутством и даже колдовством, через вещие сны и видения, через загадочную болезнь и столь же чудесное исцеление у мощей Свя-

того Митрофания, в честь которого он и назвал потом своего сына.

Митрофан Лодыженский многое успел в жизни. Побывав ставропольским вице-губернатором и на других высоких должностях, он совершил кругосветное путешествие, постиг доктрины индийских йогов, подружился с Львом Толстым, изменив его взгляд на подвижников православия, написал свою «Мистическую трилогию» и прекрасную повесть «Невидимые волны». Она вышла в Петрограде в 1917 году, ровно сто лет назад. В том же году, 18-го мая, Митрофана Васильевича не стало. Его похоронили в Туле, в ограде Успенского монастыря, где рядом с ним упокоилась и его супруга. Возрождение памяти об этом необыкновенном человеке знаменует собой открытие одной из самых удивительных и таинственных страниц в духовно-литературной истории Ставрополья.

Ставропольское эхо Октябрьской революции

Долой войну! Долой Керенского!

Известия о событиях 25 октября (7 ноября) 1917 года в Петрограде докатились до Ставрополя спустя три дня. Сразу же состоялось чрезвычайное заседание городской думы, потребовавшей положить «конец этому безумному восстанию» и считать «единственным полно-мочным органом революционной демократии» Временное правительство. Дебаты продолжались до ночи. В частности, обсуждался вопрос «О мерах по усилению охраны города... в связи с событиями в Петрограде».

Выступивший на заседании думы губернский комиссар Д.Д. Старлычанов заявил, что положение в городе крайне тревожное, и в смысле порядка его следует считать угрожающим. Депутаты приняли решение расквартировать в Ставрополе два эскадрона казаков, увеличить состав полиции и сыскного отделения.

Кроме того, была организована группа самообороны из числа солдат и офицеров, удостоенных георгиевских крестов и медалей.

**АЛЕКСЕЙ
КРУГОВ
ОЛЕГ
ПАРФЕНОВ**

КРАЕВЕДЕНИЕ

Союз георгиевских кавалеров, как стал именоваться отряд самообороны, возглавил участник Русско-японской и Первой мировой войн, известный военный педагог, полковник Иван Иванович Сипягин.

Влиятельная газета эсеров «Северокавказское слово» констатировала:

«...мы имеем здесь дело не с «восстанием рабочих, солдат и крестьян», как громогласно возвещают о том большевики, а с успешным военным заговором нескольких солдатских полков и матросских экипажей, увлеченных кучкой политических авантюристов и фанатиков».

Одновременно с тем в газете «Заря свободы» (из нее вышла «Ставропольская правда») большевики развернули широкомасштабную агитацию. Ставший во главе ставропольских большевиков секретарь Ставропольского комитета РСДРП(б) М.Г. Морозов на совещании Совета рабочих и солдатских депутатов внес предложение:

«Ввиду того, что в Ставрополе совершенно отсутствует всякая власть, и что это обстоятельство диктует необходимость теперь же, на этом собрании, немедленно обсудить вопрос о конструировании в Ставрополе высшей власти, прежде всего, необходимо разогнать городскую думу как состоящую из буржуазии и не отвечающую интересам пролетариата».

И хотя эта авантюра не прошла, обстановка в городе накалялась. В воинских частях гарнизона кипели страсти, на стихийных митингах обсуждался вопрос о вооруженной манифестации. Демонстрация состоялась на следующий день, слава богу, без оружия.

Газета «Северокавказское слово» информировала своих читателей об этом событии:

«...Тихий ласковый осенний день... Вдоль Николаевского проспекта медленно колышется внушительная по количеству зеленовато-серая масса гарнизона...

Реют красные пятна революционных знамен. Слышится революционное пение. Мягко плывут звуки военного оркестра.

Над всем этим, во всем этом чувствуется какая-то грусть, механичность... Среди лозунгов большевиков – лозунги: «Долой войну! Долой Керенского!» ...Незначительная группа рабочих приветствовала солдат у Тифлисских ворот».

Бесчинства, хулиганства, пьянство...

В конце ноября партийная организация большевиков насчитывала в своих рядах до 200 человек. Наиболее активные ячейки действовали в воинских частях ставропольского гарнизона.

«Организация большевиков к описываемому периоду имела ясно наметившиеся два крыла: правое и левое... Левое крыло большевиков (во главе с М.Г. Морозовым. - Авт.) и руководимые им солдаты настаивали на необходимости захвата власти. Правое крыло (возглавляемое А.А. Пономаревым. - Авт.) убеждало в том, что Ставрополь и губерния еще не созрели для переворота. Губерния, окруженная казачьими областями, отрезанная от центра, должна была рассчитывать только на собственные силы.

Наиболее революционная сила - солдаты - являлась в городе элементом пришлым, с непостоянным составом, поэтому на одних солдат опираться было нельзя. Что же касается организованной силы - рабочих, то она переживала еще полосу отхода от правых социалистов».

Основным соперником большевиков в борьбе за власть считались эсеры. Они имели разветвленную сеть организаций, охватывавшую всю губернию и насчитывавшую около 3 тысяч человек. Представители эсеров главенствовали в Совете крестьянских депута-

тов. Ее главным лозунгом стал лозунг созыва Учредительного собрания - «хозяина земли русской».

Между тем в приказе начальника гарнизона Ставрополя полковника Горшкова отмечалось:

«Дисциплина среди воинских чинов пала... Улицы города наводнены бесцельно шатающимися группами воинских чинов, в большинстве случаев не имеющими воинского вида, полураздетыми, полуобутыми и без поясов. Толпы плюют и соряют, толкают прохожих, задевая женщин и детей, сквернословят... Во многих местах встречаются пьяные, потерявшие человеческий облик. Бесчинства, хулиганство, пьянство и картежная игра развиты повсюду».

Вернувшиеся с войны ставропольцы, большинство из которых были крестьяне, жаждали земли. Вернее, приращения земли. Но Временное правительство медлило, призывая ждать созыва Учредительного собрания. Уставшие ждать солдаты, стали постепенно отворачиваться от эсеров и поддерживать большевиков, обещавших мир и землю сразу же после взятия власти в свои руки.

Деревня, наблюдавшая за ростом анархии, все менее интересуется судьбами родины, отмечалось в материалах ставропольского уездного съезда крестьянских депутатов в октябре, «зато волны пьянства все более и более захлестывают деревню».

Губернский комиссар Старлычанов то и дело получал тревожные сообщения с мест. Святокрестовский уездный комиссар доносил: *«Замечается стремление массы к отобранию недвижимости, особенно земли, у зажиточных».* На крестьянских сходах все чаще звучал вопрос: *«Когда землю будем делить?»* С трудом удавалось предотвращать самосуды, но трагедии все же случались. В селе Левокумском толпа растерзала двух арестованных. В ответ на это губернские

власти выпустили воззвание: «Погромы и насилия будут прекращаться самым решительным образом».

Особое совещание городской думы приняло решение об организации конной милиции и ночных караулов, поговаривали о введении военного положения, а также закрытии цирка, где на митингах собиралось много солдат.

В конце ноября ставропольская городская управа оповестила население: «...Все запасы керосина истощены, а нефти хватит на 5-6 дней, после чего электрическая станция станет». Из-за «полного расстройтва железнодорожного движения» доставить топливо в Ставрополь не представлялось возможным. Жгите лучину, господа-товарищи!

Недостаток сырья и топлива вынуждал владельцев предприятий сокращать производство, что повлекло дополнительный рост безработицы. В городе появилась биржа труда.

В борьбе обретишь ты право свое...

Еще с весны 1917 года одним из главных требований многочисленных собраний, конференций, крестьянских сходов, проходивших на Ставрополье, было требование скорейшего созыва Всероссийского Учредительного собрания.

После победы Февральской революции идея «учредиловки» была очень популярна среди населения, в том числе среди ставропольских крестьян. Многие связывали с Собранием надежду на гражданское согласие в обществе.

Временное правительство провозгласило подготовку к выборам в Учредительное собрание «первейшей своей обязанностью», хотя, по словам кадета В.Д. Набокова, видело в нем «самый огромный риск», полагая, что «созыв его был бы, несомненно, началом анархии».

Избирательная кампания на Ставрополье стала беспрецедентной по объему использованных агитационных материалов. Счет напечатанных листовок, плакатов, афиш, транспарантов шел на десятки тысяч. Ход кампании, так или иначе, освещали все местные газеты и журналы.

Наиболее привлекательными и красочными были предвыборные плакаты и листовки эсеров. В ставропольской глубинке на многих домах и других видных местах были расклеены десятки всевозможных художественных плакатов с лозунгами: *«В борьбе обрешь ты право свое»*, *«Голосуйте за партию социалистов-революционеров»*.

В выборах на Ставрополье приняли участие пять политических партий (социалисты-революционеры, конституционные демократы, большевики, меньшевики, народные социалисты), а также духовенство, кооператоры и беспартийные крестьяне-хлеборобы. Все политические силы имели свои собственные списки кандидатов и одновременно выступали в блоках с поддерживавшими их организациями. Ставропольские эсеры, например, объединились с Советами крестьянских депутатов. На шесть депутатских мандатов претендовали 46 человек.

Воскресным утром 12 (25) ноября 1917 года в городах и селах губернии, как и по всей России, открылись двери избирательных участков. Выборы депутатов в Учредительное собрание вступили в решающую фазу, избирательная кампания, продолжавшаяся три месяца, подошла к логическому завершению.

Впервые население России получило столь широкие избирательные права. Возрастной ценз составлял 18 лет для военнослужащих и 20 лет для гражданского населения. Цензы имущественный, оседлости, грамотности не предусматривались, женщинам предоставлялось равное избирательное право.

Из воспоминаний очевидца:

«День выборов в деревнях и провинциальных городах был днем праздника и гражданского торжества. Далеко разносился церковный благовест, и, опуская свою избирательную записку в ящик, крестьяне часто осеняли себя крестным знаменем».

Были попытки повысить значимость предстоящего голосования путем организации 12-14 ноября праздничных мероприятий.

Так, Ставропольская городская дума и Совет рабочих и солдатских депутатов выступили с предложением:

«Дабы приподнять настроение у граждан в связи с выборами в Учредительное собрание, просим сделать циркулярное предложение (телефонно в Ставрополе и телеграфно по губернии) рассматривать вос-кресенье, понедельник и вторник до обеда как особо праздничные дни. Граждане приглашаются посвятить эти дни обсуждению кандидатур списков, к исполнению своего гражданского долга».

О Сталине и Шаумяне слышали мало

Из заявления кандидата в члены Учредительного собрания:

«Я, нижеподписавшийся, Сталин Иосиф Виссарионович, сим изъявляю согласие баллотироваться в Учредительное собрание по Ставропольскому избирательному округу и не возражаю против порядка помещения в список, предложенный Ставропольской организацией РСДРП (большевиков)».

Вместе со Сталиным по списку №2 проходили будущий председатель Бакинского совнаркома С.Г. Шаумян, глава местных большевиков А.А. Пономарев, солдат И.В. Бочагов, инженер В.Ф. Толстов и прапорщик Н.Н. Троицкий.

«Крестьянам эти лица были неизвестны. О них многие узнали в первый раз только из избирательных записок, - отмечалось в книге «1917 год в Ставропольской губернии». - О Пономареве, Бочагове крестьяне могли еще слышать, потому что первый был председателем Земельного комитета, а второй - хорошо известен солдатам. Что же касается Сталина и Шаумяна, сельчане тогда о них мало слыхали».

Большевистские ячейки в селах только-только создавались вернувшимися с войны солдатами. Они не могли оказать решающего влияния на исход выборов в силу своей малочисленности и разобщенности. Городская же организация большевиков сосредоточила свою агитационную работу среди солдат гарнизона и рабочих:

«Если вы хотите мира без грабежа других народов, - говорилось в воззвании, - если вы не хотите, чтобы вас ограбили по окончании войны помещики и капиталисты других стран, голосуйте за большевиков».

Из 327,9 тысячи поданных по Ставропольскому округу избирательных записок за список №1 (партии эсеров) проголосовало 291,4 тысячи человек (88,8 %). За список №2 (партии большевиков) - 17,4 тысяч (5,4 %), за список №5 (кадеты) - 10,9 тысячи (3,3 %).

За остальные партии и блоки отдали свои голоса 2,5% пришедших на избирательные участки. В преимущественно крестьянской губернии, как и следовало ожидать, абсолютное большинство голосов получили эсеры.

При этом на выборах в Ставрополе большевики одержали убедительную победу. За список №2 проголосовали 7,5 тысяч человек (47,6 %), из них 5 тысяч - солдаты воинских частей, расквартированных в городе. И еще: на избирательные участки в Ставрополе не явились более 13 тысяч человек.

Между тем по Ставропольскому округу все 6 мандатов в Учредительное собрание получили представители партии эсеров. Эти люди были известны и популярны в крестьянской среде.

Депутатами стали редактор газеты «Северокавказское слово» Е.А. Дементеев, крестьянин села Богородицкого Медвеженского уезда М.Г. Бочарников, председатель Александровской земской управы А.К. Новиков-Гуторов и лидер эсеровской партии на Ставрополье Ф.М. Оникко. О последнем стоит сказать отдельно.

Родился он в бедной крестьянской семье в станице Стародевушковской Кубанской области. Обучался в церковно-приходской школе, затем самостоятельно подготовился и выдержал экзамен за курс городского училища.

Одно время Ф.М. Оникко служил волостным писарем в селе Большая Джалга Благодарненского уезда, пользуясь влиянием и популярностью среди ставропольских крестьян. Депутат 1-й Государственной думы, один из организаторов трудовой группы. Редактировал газету «Трудовая Россия», выходящую в Петербурге. В 1906 году принимал участие в Кронштадтском восстании, за что был арестован и осужден военным судом на поселение в Сибирь. По пути в ссылку бежал. Жил во Франции, учился в Сорбонне.

После Февральской революции Оникко возвратился в Россию. В мае 1917 года был избран во Всероссийский Совет крестьянских депутатов. Позднее Временное правительство назначило его генеральным комиссаром Балтийского флота. Будучи депутатом, стал членом военной комиссии Союза защиты Учредительного собрания, а также одним из руководителей группы боевиков, готовивших покушение на Ленина и Троцкого.

Следы этого неординарного человека теряются в конце 1920-х годов, и о дальнейшей его судьбе ничего не известно.

Голосование под стук прикладов

Вплоть до конца 1917 года у власти в губернии находились назначенцы Временного правительства. Эту конструкцию не смог изменить ни октябрьский переворот, ни разгон Временного правительства, ни выборы 12 ноября в Учредительное собрание, должное определить государственное устройство России.

Но ближе к Новому году губернию ощутимо затрясло. Стремясь избежать надвигающегося кровопролития, губернский комиссар Старлычанов предложил: *«Пусть выскажется народ»*.

Так родилась идея проведения губернского собрания из всенародно избранных делегатов. Большевики, почувствовав, что могут остаться не у дел, выступили против проведения собрания, постановив созвать крестьянский съезд, представителями которого должны были стать солдаты, главенствующие на сельских сходах. Так и случилось.

К 29 декабря около двухсот крестьянских делегатов, а по сути дезертиров, съехались в Ставрополь. Вопрос об установлении Советской власти в Ставропольской губернии был предрешен.

О том, что происходило дальше в «Воспоминаниях о 1917 - 1920 годах» писал Василий Михайлович Краснов, надзиратель за соблюдением законности при российском монархе, затем при Временном правительстве и большевиках:

«...была сделана попытка установить на собрании хоть элементарный порядок... По предложению вновь избранного председателя собрания комиссара 111-го запасного полка (Краснов допустил неточность, речь идет о 112-м полке. - Авт.) Анисимова (прежнего пред-

седательствующего на собрании Д.Д. Старлычанова вынудили оставить пост, а в состав президиума ввели семерых большевиков, двух эсеров и двух меньшевиков. - Авт.), порядок этот был опрокинут принятым решением приступить в первую очередь к реконструкции собрания путем устранения из него цензовых и «контрреволюционных» элементов. В первую очередь, были лишены права решающего голоса члены комиссии по созыву собрания, затем проведена партийная демаркационная линия с устранением от участия в нем не только всех несоциалистических партий, но даже народных социалистов, взятых на этот счет в подзрание.

...Все голосования производилось под стук прикладов многочисленных членов собрания, явившихся на него с винтовками, и голоса возражавших тонули в этом шуме, умолкавшем точно по команде, когда выступал кто-либо из первенствующего сословия большевиков или сочувствующих им».

Единолично провозгласив Советскую власть, большевики избрали губернский Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, а также исполнительный комитет во главе с эсером-максималистом Г.М. Мещеряковым. Кроме большевиков (А. Пономарев, Н. Анисимов, Ф. Медведев, Тесленко) в состав Совета вошли два меньшевика (Ратнер, Дубянский) и два эсера (Мацкевич, Петров).

В большевистской же печати по поводу установления Советской власти на Ставрополье говорилось:

«В полночь 31 декабря 1917 года общегубернское народное собрание подавляющим большинством голосов приняло решение признать единственной законодательной властью в России Советскую власть и «организовать в губернии власть Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов».

На протяжении последующих более чем семидесяти лет печатные издания тиражировали эту ложь о «всенародном» избрании Советской власти на Ставрополье.

Караул устал, всем по домам!

В ночь с 5 на 6 января 1918 года, под утро, начальник охраны Таврического дворца матрос Железняков произнес свою знаменитую фразу: «*Караул устал!*», предложив депутатам разойтись по домам.

На следующий день двери дворца оказались на замке. У входа дежурил караул с пулеметами и парой артиллерийских орудий. Прибывшим депутатам охрана заявила, что заседания не будет. Фактически Учредительное собрание было разогнано Всероссийским центральным исполнительным комитетом Советов рабочих и крестьянских депутатов.

Газета «Северокавказское слово», где редактором был тогда А.А. Соборнов (в апреле 1918 года большевики это издание закрыли), опубликовала обращение «*Ко всем гражданам России*», касавшееся разгона «учредиловки»:

«...нанесен жестокий удар последней надежде русского народа преступными руками большевиков - предателей и изменников Родины... 17 часов мы провели в Таврическом дворце. Вооруженные с ног до головы матросы заполнили все проходы в зале заседания, толпились на хорах, прицеливались из ружей в выступающих депутатов, улюлюкали...

Семнадцать часов мы работали в этом аду, горя одной мыслью, одним желанием - призвать народы России к прекращению братоубийственной распри, провозгласить жажду России к всеобщему миру, дать народу землю и волю... В начале съезда большевики потребовали признать их власть. Мы отложили вопрос о власти, считая, что надо решать вопрос о земле и

мире. Тогда большевики ушли из Учредительного собрания, а матросы, эти несчастные сыны народа с затемненным разумом, начали криками, свистом и гиканьем мешать нашей работе...

Продолжать свою работу в такой обстановке не было никакой возможности. Приняв основные положения земельного закона, мы решили отложить заседание на следующий день, но нас больше в Таврический дворец не пустили...

Народная воля попрана, полномочный хозяин земли русской в лице Всероссийского учредительного собрания уничтожен преступными руками предателей и изменников Родины. Пушками, штыками и пулеметами большевики подавили голос народов России. Отныне нет у нас свободы, не будет мира, не будет хлеба, пока большевики будут измываться над нашей Родиной...»

Сразу после разгона Учредительного собрания, 8 января, в Ставрополе был избран Совет народных комиссаров, по сути, ставший первым советским губернским правительством. В него вошли четыре большевика, два эсера, два меньшевика и один беспартийный. Председателем Ставропольского Совнаркома был избран А.А. Пономарев, его замом, комиссаром по военным делам, - Н.А. Анисимов, оба члены РСДРП(б).

И хотя ставропольские большевики не рисковали пока открыто пойти войной против других политических сил (основная масса крестьян по-прежнему поддерживала эсеров), данные ими гарантии «невмешательства» Советской власти в работу учреждений города оказались обманом. Были ликвидированы земства, закрыта дума и продовольственная управа.

Илья Дмитриевич Сургучев писал:

«Наступил большевистский рай. Начались социализация и национализация мельниц, театров, кине-

матографов, земель, лошадей, экипажей и всякой иной собственности».

Из-за нехватки сырья и топлива, непрофессионализма новых хозяев экспроприированные предприятия стали закрываться. В Ставрополе стремительно росла безработица, пышным цветом расцвела торговля ворованным. На смену карманникам, домушникам и мошенникам пришли специалисты по непримиримой борьбе с « пороками старого общества », в первую очередь с буржуазной роскошью.

Страна погружалась в пучину братоубийственной войны.

«КРАСНОЕ ВИНО ПОБЕДЫ» ЕВГЕНИЯ НОСОВА ¹

1

Однажды Евгений Иванович Носов сказал о себе: «По природе я романтик. У меня были игры, которые сам придумывал. Было увлечение кораблями. Были Майн Рид, Жюль Верн. Была потребность души в высоких сферах, хотя детство было голодным и полураздетым». Теперь даже трудно представить, что довелось испытать в детстве, юности и ранней молодости писателю-романтику. Не жизнь, а прозябание в предвоенной деревне Толмачёво вблизи Курска, в многодетной семье под присмотром обедневшего («раскулаченного») деда; с 1943 года – окопные фронтовые будни, наспех оборудованные блиндажи, тяжёлое ранение под Кенигсбергом, длительное пребывание в госпиталях, где раненые (изувеченные до неузнаваемости) снова приучались держать в руках вилки и постепенно привыкали «к простыням и райской мягкости панцирных кроватей»; после выписки на волю бесприютные мытарства в Казахстане и наконец – возвращение на малую родину, к

1

Печатается в сокращении

**ИВАН
ПОДСВИРОВ**

*ЛИТЕРАТУРА-
ВЕДЕНИЕ*

родным берегам и притокам Сейма; удачное устройство в газету – сначала цинкографом, художником-оформителем, потом литературным работником («литрабом»), что являлось знаком особого признания.

В этой биографии спрессована судьба целого фронтового поколения. У каждого солдата она своя, с неповторимыми чертами, но в общем-то – схожая, узнаваемая. Не случайно бывалые солдаты Евгений Носов и Виктор Астафьев, оба израненные, «перелатанные», до своих последних дней так трепетно, с трогательной мужской нежностью относились друг к другу. Виктор Петрович, бывало, смеялся, иронизировал, что он тоже после сцепщика вагонов и подносчика в жаркой литейке «возвысился до литраба в «Очусовелом рабочем» («Чусовском рабочем»). Пройдя сквозь огонь и воду, чудом сохранившись, оба они по-христиански радостно принимали благодать жизни, дорожили прекрасными мгновениями отпущенных дней, верным товариществом и дружбой.

В повести «Красное вино победы» лирический герой, в коем легко угадывается сам Носов, застаёт весну 1945 года в госпитале подмосковного городка Серпухова. Вернувшись из небытия, он не может смириться с мыслью, что, как и его друзья-одногодки, он мог быть убит «слепыми и равнодушными кусками металла». Молодой организм сопротивлялся исчезновению, вера в собственное бессмертие была наивна и тем не менее – спасительна. «От ран моих пахивало собственным трупным духом, и это жестоко и неумолимо убеждало меня в моей обыкновенности, в серийности, в том, что я тоже смертен, хотя собственную смерть понять и допустить по-прежнему отказывался. Сам факт моего ранения я пытался приспособить к моей наивной теории бессмертия: ведь я только ранен, а не убит! А раны – это всего лишь испытание. Мне шёл тогда двадцать первый, и я, вернее, не я, а что-то помимо

меня, тот неуправляемый эгоцентризм, столь необходимый всему живому в пору расцвета, не допускал понимания, что я тоже могу превратиться в нечто неопостижимое, доступное червю и мухе. Пули врага долгое время облетали меня, и я думал, верил, что это так и должно быть. За несколько минут до того, как меня изрешетило осколками, мы прямой наводкой расстреливали выскочивших из горящего танка немцев».

Евгений Иванович числился рядовым в расчёте семидесятимиллиметровой убойной пушки. Астафьев тоже прошёл войну рядовым. В начале 70-х он приехал к другу в гости. Вдвоём бродили по берегу Сейма, сплошь убелённому гусиными стаями. День выдался благодостный. Среди кустов они отыскивали уютное местечко; расстелив газету, малость потрапезничали, и Носов разговорился, вспомнил о том бое их артдивизиона с фашистскими танками.

Бой закипел на высоком открытом полотне железной дороги, куда артиллеристы, отбиваясь от надвигающихся вражеских автоматчиков и танков, выкатили свои орудия. Виктор Астафьев впоследствии так передал устный рассказ Евгения Ивановича в предисловии к его книге «Берега»: «Автоматчики в потёмках подобрались к пушкам, начали косить расчёты; танки сделали бросок, в упор, одно за другим сбивая орудия с полотна. Сколько-то человек скатилось по насыпи, и полотно закрыло их от танковых гусениц и пулемётов. Кто-то отстреливался, кто-то полз, волоча за собой кишки, кто-то кричал: «Не бросайте, братцы», – и пёр по земле его, и когда останавливался передохнуть, мой друг явственно слышал, как журкотит где-то близко ключик, и ему нестерпимо хотелось пить, и не понимал он, что этот невинный, поэтически звучащий ключик течёт из него по затвердевшей железной колее, лунками кружась в конной ископыти...»

От зоркого взгляда Астафьева не укрылись отметины ранений Носова, раздевшегося до пояса у реки и блаженно черпавшего воду «большой, как лопата, ладонью»: «То сближаясь остро, то расходясь, двигалась раздвоенная осколком лопатка. Ниже наискось по спине идёт ещё один шрам, рука тоже побита – ровно кто-то выхватил из этого могучего тела куски мяса и у живого тела едва хватило сил и материи затянуть провально темнеющие шрамы».

2

С натуры схваченный жёстким реалистом Астафьевым портрет друга плотски точен, психологически убедителен. В могучем, войною изуродованном теле Евгения Ивановича действительно жила очень нежная, ранимая, стыдливо-застенчивая душа. На людях, особенно в незнакомом обществе, он являл предельную сдержанность, даже суровость, был молчалив и замкнут, но в кругу друзей, под хорошее настроение, отзывчивая душа его размягчалась, как воск; он сыпал шутками-прибаутками и по мере внимания к себе воодушевлялся и увлекал слушателей своими забавными, сдобренными народной мудростью, лукавинкой и приметливостью, рассказами. Порой было непонятно: или Евгений Иванович выдумал их и уже успел закрепить на бумаге, а теперь проверяет воздействие написанного на постороннем слуху, или всё, о чём он рассказывает, происходило доподлинно и он лишь излагает экспромтом житейские истории, расцветивая их, как художник, цветистыми красками. Не раз доводилось мне и в Москве, и в Туле, и в Курске слушать байки Евгения Ивановича с добродушным, искромётным юморком, с неподражаемой интонацией, и сейчас я жалею, что тогда не было у меня диктофона, чтобы записать их со всеми паузами, недомолвками, вздохами и присказками. В ту пору диктофоны были редко-

стью, малодоступны, в основном выдавались под расписку ответственным радиожурналистам...

Этот по облику деревенский, с казачьей примесью, могучий и незаурядный человек напоминал тип русского богатыря, мастерового и вместе с тем философа, умудренного знанием жизни и начитанностью, почерпнутой из хороших книг. Смолоду переживший все ужасы войны, едва одолевший смерть, Носов видел: такие же бедолаги, как он, иногда без рук и без ног, без всякой надежды на счастье мучаются в палатах военных госпиталей. Будущий писатель сам провёл не один месяц в серпуховском госпитале, жизнь висела на волоске, но он не истратил в себе романтического пыла, веры в человека. Что же спасло его от беспросветного отчаяния и пессимизма? По мысли Астафьева – потаённая любовь к своей деревне среди курских неприхотливых полей и холмов, к родной матери, воспетой им в рассказах, к Родине. Это и сделало Носова одним из лучших лирических прозаиков двадцатого века, певцом ушедшей русской деревни.

Затем, прочтя его повесть «Шлемоносцы» с подробным описанием о медлительных сборах мужиков на войну с фашистами, я испытал досадное разочарование. Уподобление сельских новобранцев русским былинным витязям, которым суждено победить лютого врага, отдавало пафосной, даже лубочной заданностью. Читатели были не дураки и хорошо знали о трагическом отступлении не подготовленных к оборонительным боям войск Западного фронта, об окружении их под Вязьмой и Ржевом, под Харьковом и на других направлениях. По вине верховного командования миллионы наших солдат и офицеров, оставшихся в «котлах» вместе с генералами, оказались в плену, рассеялись по лесам и оврагам. Отбивались до последнего патрона, умирали от голода и холода, тонули в болотах. Сравнение солдат с историческими шле-

моносцами звучало гордо, величаво, но у многих воинов не было касок и даже трёхлинейных винтовок образца 1891 года. При встречах с Носовым я не дерзнул спросить у него, как и почему возник замысел «Шлемоносцев». Сам он не упоминал о них, зато о «Красном вине победы» говорил охотно и много. Причем, дополнял повесть устными «главами», не уступавшими написанным по силе изображения.

Евгений Иванович признавался мне, что он не умеет писать по заданию, как это легко делали знакомые ему литераторы и журналисты. Тем не менее он поддавался на просьбы «товарищей» и с мукой невероятной сочинял «нужные» статьи – о Сталине, о Хрущёве и Брежневe, о перестройке. По неведению он нахваливает такие имена, о которых и вспоминать страшно на сон грядущий. В доступной писателю информации отсутствовало объективное знание, чем мы хотя бы отчасти располагаем сегодня. Магический кристалл тускнел, и в размышлениях ушедшая реальность превращалась в очередной миф. Лучше бы Евгений Иванович не писал эти статьи. Но он жил в предложенных ему историей обстоятельствах и как человек не был избавлен от заблуждений, вынужденных уступок. Как художник Носов преодолевал обстоятельства и являл нам реальность в истинном свете, порой удивляясь отзывам читателей и тому, что сотворилось на бумаге...

Из тихой пригородной деревни с церковушкой, с четою сторожевых лип мальчишкой ходил он в шумный многолюдный Курск. Память неизменно возвращала писателя в страну детства, к знакомой тропе, будила светлые воспоминания: «Хлеба стояли вровень с моей головой, при каждом порыве ветра щекотали мне шею и ухо». Отсюда отправился он на войну и в большой мир. И никогда не забывал сиротливо маячившей колоколенки, утренних хлебов в росе, отца-матери и деда, преждевременно покинувших неброскую греш-

ную землю. Вид её менялся, исчезали сотни окрестных сёл, однако неизменной оставалась любовь к малой родине, горькая печаль об утраченном ощущении слитности с природой, поруганной человеком.

Профессия художника-оформителя выработала в Носове особую зоркость к деталям, умение передавать краски и светотени при изображении словом среднерусских лесостепных пейзажей и явлений природы. Литературный критик Виктор Чалмаев первым обратил внимание на это завидное качество: «тонкость и выразительность метафор, образов, искусство лепки характеров», отличающих мастерство писателя. Обозревая довольно обширную панораму героев и героинь, созданную Носовым, Чалмаев не нашёл в лучших его произведениях фальши или искусственности: «Всё в новеллах Носова настоящее, подлинное, чуждое приблизительности».

С точки зрения нынешнего читателя, в особенности молодого, приученного к бойким и развязным бестселлерам, где приблизительность стала нормой и у кого другие кумиры, оценки Чалмаева могут показаться старомодными. Что ж, у каждого свои герои и пристрастия. Но правду жизни отменить нельзя, как невозможно и переиначить историю литературы. Из этой истории, кладезя живого литературного процесса, никому не изъять простого факта: в шестидесятые-восьмидесятые годы наша отечественная публика зачитывалась произведениями Евгения Носова. Даже утончённые ценители художественного слова, в России и на Западе, безоговорочно признали его мастером прозы, достойным наследником традиций великой русской литературы. В этой оценке было проявлено редкое единодушие и журналов разных направлений – от «Нашего современника» до «Октября» и «Нового мира». После смерти писателя ему, как

и Астафьеву, была присуждена премия имени А.И.Солженицына.

В шестидесятые годы Евгений Носов думал: беды их преходящи – и горячо, истово верил в грядущее счастье народа, как и в неизменность степных древних курганов. Потому и писал об этом с упоением: «Как и сотни лет назад, шумят, переливаются седые ковыли, одиноко в вечном сне дремлют курганы, подёрнутые синеватой марью, и всё так же кружат над дикой равниной отрешенные от всего степные орлы, под крыльями которых проносятся столетия...»

3

Носов оставил после себя целую галерею уходящих (и ушедших) характеров и типов, благодаря чему, как по картинам наблюдательного живописца, потомки будут судить о протекших, канувших в Лету днях. Не каждому писателю удаётся так объёмно, зрительно и верно, в живых образах и красках, запечатлеть свою эпоху. Евгению Ивановичу это удалось. Мастер лирико-пейзажного, психологического письма, Евгений Носов хорошо знал жителей деревни и городских окраин, рассказывал о них с любовью, с пронзительно-щемящей грустью. Будто прощался с неизмеримо дорогими ему образами. В критике не раз отмечалось это данное природой достоинство писателя, умевшего показывать русские характеры, в особенности женщин, верных матерей и великих тружениц, достойных уважения, даже восхищения своей естественностью, непритязательностью в быту. Но сострадательностью и восхищением, надеждою на то, что и для них когда-то настанут счастливые дни, ради которых они тратят молодость, отдают себя без остатка, – этой умирительно-наивной, несбыточной надеждою, на поверку оказавшейся мифической и не такой уж безобидной,

обычно и ограничивались литературно-критические пассажи.

Верил ли Носов в близкое «возрождение» деревни? Да, верил. Писатель, как и многие из нас, заблуждался. Его желание – призвать молодых к совести, вернуть их к покинутым дворам – было иллюзорным, трудно соотносилось с действительностью. Носов жил среди простого народа и в традициях русской классической литературы создавал образы сельских жителей - с любовью и болью. Он видел: малая родина в беде. Оттого на его рассказах лежит печать недосказанности, лирической грусти. Тургенев тоже грустил по родине, живя в Баден-Бадене и Париже. Но все-таки это был взгляд со стороны, грусть его носила характер ностальгии. А Носов ежедневно наблюдал униженного (крепостного) человека вблизи. Мечтая о лучшей доле крестьян, иногда он тешил себя призраком перемен и набрасывал флёр провинциальной «идиллии», что и вызвало резкие возражения Бориса Можаяева.

В ту пору, в конце 70-х и в 80-е годы, уклонившись в русло иллюзорных мечтаний и унылого бытописательства, полноводная река «деревенской литературы» начала стремительно иссякать. Положение не в состоянии были спасти своим художественным авторитетом ни В.Астафьев, ни В.Солоухин с В.Беловым. На отмелях костенели псевдонародные сказания и «байки под Белова», пространные, тщательно выписанные повествования с претензией на социальную остроту. Этой показной многозначительностью стал злоупотреблять журнал «Наш современник» во главе с С.Викуловым. Когда-то не без благословения «верхов» он способствовал выдвижению вологодских и сибирских писателей, слыл отважным воителем, а теперь, почуяв иное поветрие, услужливо заводил в тупики и мутные омуты свежую поросль литераторов. Достойные произведения молодых отвергались.

Конечно, меньше других в грехах журнала был повинен Евгений Иванович. Но именно на него, видимо «деревенщика» и члена редколлегии, обрушил свой удар неистовый Можаяев, обвинивший писателя в подмене подлинных конфликтов мнимыми. Скрупулёзному разбору подверглось не совсем удачное произведение - рассказ (повесть) «Лунное затмение», в другом варианте - «Шумит луговая овсяница». По гамбургскому счёту, Можаяев был прав. Вряд ли он непременно хотел дать публичную отповедь Носову и его «защитнику» Гавриилу Троепольскому, одним махом перечеркнуть их достижения в литературе. Нет, Можаяев ставил вопрос шире – показать опасность конформизма литераторов с партийно-чиновничьей властью, уводившей их в сторону от принципа жизненной достоверности. Носов, как мне сдаётся, понял серьёзные мотивы Можаяева, но всё равно обиделся на коллегу 5 . Достаточно было назвать при нём имя Можаяева, как Евгений Иванович сдвигал брови, мрачнел и, подёргивая очки, недоверчиво поглядывал на собеседника...

4

В один из приездов в Курск мы с орловским поэтом Виктором Рассохиным навестили Евгения Ивановича и Петра Георгиевича Сальникова. Оба они жили в центре города и могли общаться ежедневно. Вокруг них, как гусята, клубились молодые литераторы. После выступлений мы обычно собирались в гостинице или в доме Сальникова и, как водится, до полуночи вели разговоры о жизни и литературе, но больше, разумеется, слушали старших. К той поре у Петра Георгиевича вышло две книги: в Москве – повести и рассказы «Росстани и вёрсты», в Воронеже – документальная повесть о легендарном лётчике Борисе Феоктистовиче Сафонове. Земляк Сальникова, он сражался в небе Заполярья, сбил на отечественном, английском

и американском истребителях 39 немецких самолётов и первым в стране удостоился звания дважды Героя Советского Союза.

Евгений Иванович радовался выходу книг своего задушевного, верного друга и в один из вечеров произнес тост за его творческое долголетие и здоровье. У самого же здоровье было неважное: ныла израненная спина, пошаливали нервы. На веку выпало много всяких перегрузок, в том числе и сердечных.

Как-то в зрелые годы заскучал Евгений Иванович в Курске, и потянуло его в столицу. Побудительным мотивом перемены стали лестные деловые предложения коллег-москвичей и более того – романтические отношения с писательницей Ириной Ракша, вдовою известного художника Юрия Ракши. Картины этого талантливого и рано ушедшего из жизни мастера хранятся в Третьяковской галерее, в других российских и зарубежных музеях, в личных коллекциях собирателей. В ряде портретов и на живописных полотнах запечатлен образ молодой, цветущей, красивой женщины – Ирины в пору их счастья и больших надежд. Такой и увидел её Евгений Иванович и неожиданно для себя безоглядно увлекся новым чувством. Это была его последняя любовь.

Между ними шла откровенная и длительная переписка, которую бережно хранит Ирина Евгеньевна. Она собирается опубликовать письма, но все не решится. Что-то останавливает Ирину Евгеньевну, и однажды она спросила меня: «Надо ли это делать? На дворе суровые времена, отнюдь не романтические. Поймут ли нас нынешние читатели?» - «Конечно, поймут, - убеждал я Ирину Евгеньевну. – Человеческие сердца очерствели, но по сути своей они прежние».

Поселившись в доме Ракши, Евгений Иванович начал принаравливать к бойкому московскому ритму и за год-полтора так измаялся, что не милы стали

ему посулы и престижные предложения. Исыякли иллюзии, напала на романтика тоска по курским соловьям и гусям. «Нет, не московский житель Евгений Иванович, – говорила мне Ирина Евгеньевна. – Он задыхался в каменных переулках, ему не хватало простора, речной излуки... Я любила и люблю Носова как замечательного человека и прозаика, приняла его объяснения и с богом отпустила домой».

Так Евгений Иванович опять вернулся на круги своя. И чтобы ему душевнее, не одиноко жилось в провинции, убедил Сальникова оставить в Туле бразды писательского правления и прибыть на такое же служение в Курск. Милейший Пётр Георгиевич, переживший некоторые семейные разочарования, без колебаний откликнулся.

И вот теперь, смущаясь от похвал друга, он поднялся из-за стола и сказал растроганно:

- Братья! Выпьем за мастера! За его «Белого гуся»!

- Спасибо, Петя... Жаль, маловато на Сейме и Десне гусей. Иной раз осенью подымутся на крыло и так загосуют-запоют, что душа обмирает. Есть поверье: это они прощаются с земным миром. – Он обвёл слушателей посветлевшим взглядом, прибавил дрогнувшим голосом: - Наверно, люди им опостытели, и скоро улетит отсюда последний царский гусь. Это мне одна старая цыганка наворожила...

Тогда последней фразе Носова я не придавал значения, но сейчас она всё чаще всплывает в памяти, и оттого мне больно.

Евгений Иванович тяжело заболел и ушёл в мир иной, навеки упокоившись на родине. Умер и Пётр Георгиевич. Мне осталось лишь перелистывать подаренную им книгу с намёком на давний наш разговор в гостях у него и Носова: «Я имел в виду те солдатские и работные вёрсты, которые прошло наше поколение и с которых нам не сойти во веки веков». Перечитываю

и письма Евгения Ивановича, беспокоившегося за выход моих повестей: сколько добра, внимания в каждой строке, что в молодости, обуреваемой страстями и суетой, воспринималось как должное.

Умер Евгений Иванович в Курске 13 июня 2002 года.

Сведения об авторе

Бутенко Владимир Павлович. Родился в 1952 году на хуторе Дарьевка Ростовской области. Член Союза писателей СССР и России. Трижды лауреат литературной премии губернатора Ставропольского края, лауреат премии журнала «Наш современник» за 2011г. Живет в Ставрополе.

Василенко Михаил Юрьевич. Родился в 1961 году в Ставрополе. Окончил Ставропольский пединститут. Работал в комсомоле, партийных органах. Служил в рядах Советской Армии. С 1994-го года и по настоящее время возглавляет газету «Вечерний Ставрополь». Член Союза журналистов России. Дважды победитель творческого конкурса журналистов края им. Г. Лопатина. Автор двух поэтических сборников. Живет в Ставрополе.

Дмитриев Сергей Николаевич. Родился в 1959 году в Великом Новгороде. Известный российский поэт, прозаик, издатель, историк, фотохудожник. Окончил исторический факультет МГПИ им. Ленина. Работал в издательстве «Молодая гвардия», пройдя путь от младшего редактора до главного редактора издательства. Кандидат исторических наук. Автор многих книг и литературоведческих, исторических исследований-монографий. Членкорреспондент Петровской академии наук и искусств, действительный член Академии российской словесности и Академии русской литературы, секретарь Правления Союза писателей России. Награжден государственными и общественными наградами. Лауреат премий имени Александра Фадеева (2003) и Валентина Пикуля (2005), а также премии «Хрустальная роза Виктора Розова» (2006). В 2009 году за книгу «Лирика люб-

ви» удостоен звания лауреата Национальной премии «Лучшие книги и издательства года». Живет в Москве.

Иванова Елена Львовна. Родилась на Брянщине. Окончила факультет журналистики МГУ. Работала в газетах, на телевидении. Автор десяти сборников стихотворений. Член Союза писателей СССР и России. Лауреат премии губернатора Ставропольского края. Живет в Ставрополе.

Кругов Алексей Иванович. Родился в 1959 году в Перми. Окончил Ставропольский педагогический институт и Институт российской истории РАН. Автор монографий, учебников и учебных пособий, публикаций по вопросам аграрной истории и краеведению. Живет в Ставрополе.

Маляров Владимир Константинович. Родился в 1946г. в Саратовской области. Окончил Литературный институт им. Горького. Сменил несколько профессий. Возглавлял краевую писательскую организацию. Лауреат литературной премии губернатора Ставропольского края им. Губина. Член Союза писателей России. Живет в Михайловске.

Нарыжная Валентина Васильевна. Родилась в хуторе Гремучем на Ставрополье. Закончила культпросветучилище. Долгие годы работала директором станичного Дома Культуры. Автор восьми поэтических сборников: «Земные чары», «Колокола России» и др. Автор многих песен. Лауреат премии губернатора Ставропольского края в области музыкального искусства. Член Союза писателей России. Живет в станице Новомарьевской.

Нутрихин Роман Владимирович. Родился в 1982 году на Ставрополье. Окончил Ставропольский госуниверситет. Кандидат юридических наук. Автор прозаических произведений и многих исследовательских работ по истории Кавказа и Ставрополья. Публиковался в коллективных сборниках и центральной периодике. Живет в Ставрополе.

Подсвиров Иван Григорьевич. Родился в 1939 году в станице Кардоникской Ставропольского края. Окончил Минераловодское железнодорожное училище и факультет журналистики МГУ. Работал в газетах, ответственным секретарем Орловской писательской организации. Лауреат Пушкинской и Чеховской премий. Член Союза писателей России. Живет в Кисловодске.

Солдатов Олег Михайлович. Известный российский писатель. Окончил высшие литературные курсы при Литературном институте имени М. Горького. Член Союза Литераторов России, Союза писателей Москвы и Литфонда России. Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Знамя», «Дружба народов», «Крещатик», «Фонтан», «Российский писатель» и др. Главный редактор независимого литературно-художественного журнала «Поляна». Живет в Москве.

Шинковский Виктор Николаевич. Родился в 1944 году в Авдеевке на Донбассе. Окончил Московский политехнический институт. Работал на различных производствах, формовщиком, технологом, инженером. с юности увлекался поэзией. Стихи были опубликованы а в периодике, журналах «Подъем», «Нижний Новгород», нашем альманахе. Живет в Ставрополе.

